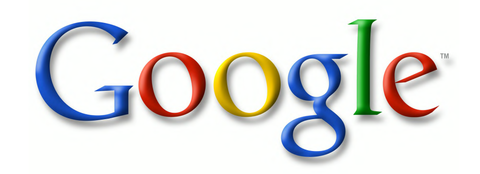
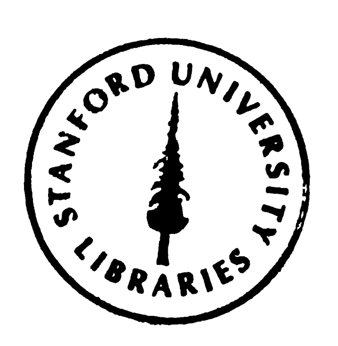



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

И. И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

ИЗЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

(1852—1855).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Ц[illegible]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Іюля 1899 г.

Заглавіе отпечатано въ 1899 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Статьи, вошедшія въ настоящій сборникъ, извлечены изъ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности», тт. 1, 2 и 4.

I.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О НАРѢЧІИ СТАРОСЛАВЯНСКОМЪ:

Труды Ф. Миклошича.

Успѣхи Славянской филологіи въ наше время, хотя и не могутъ еще вполнѣ удовлетворять желаніямъ и ожиданіямъ слишкомъ требовательнымъ, тѣмъ не менѣе выражаются довольно ясно въ дѣятельности ученыхъ отечественныхъ и иностранныхъ — и многосторонностью трудовъ и взглядовъ, и отчетливостью въ разработкѣ подробностей, и осторожностью въ сближеніяхъ фактовъ и въ выводахъ изъ нихъ, и основательностью знанія того, что сдѣлано прежними наблюдателями и изслѣдователями, и заботливостію о новыхъ наблюденіяхъ тамъ, гдѣ прежнія наблюденія не достаточно полны или вѣрны. Всю эту дѣятельность, со всѣми ея плодами, все болѣе многообразными и обширными, нельзя уже назвать случайностью: она теперь развивается не въ слѣдствіе прихоти нѣсколькихъ лицъ, какъ могло казаться это прежде, а въ слѣдствіе требованій современной науки и образованности, и привлекаетъ къ себѣ сочувствіе и соучастіе, какъ необходимость, какъ одна изъ отраслей общей историко-филологической дѣятельности нашего времени, какъ такая отрасль, безъ успѣховъ которой не могутъ не замедляться успѣхи и другихъ отраслей.

Успѣхи Славянской филологіи въ наше время видны между прочимъ и изъ того усердія, съ какимъ все болѣе и болѣе занимаются изслѣдованіями состава и строя, памятниковъ и судебъ древнихъ нарѣчій Славянскихъ—древняго церковнаго, древняго Русскаго, древняго Чешскаго и пр. Незабвенные труды Карамзина, Прот. Алексѣева, Добровскаго, Востокова, Р.Тимковскаго, К.Калайдовича, Копитара, Ганки, Шафарика не только не остались безплодны; но напротивъ того вызвали и все болѣе вызываютъ многихъ даровитыхъ тружениковъ на это поприще, столь важное для пользъ и науки древностей новой Европы и сравнительной филологіи Индо-Европейской. Поприще раскрыто — и работы продолжаются съ утѣшительнымъ рвеніемъ. Не всѣ дѣлатели одинаково счастливы удачею работъ; но частныя неудачи не мѣшаютъ общему успѣху. Какъ принадлежность этого успѣха явилась между прочимъ и увѣренность, что историко-лингвистическія изслѣдованія необходимы для рѣшенія вопросовъ литературныхъ, археологическихъ, юридическихъ: эта увѣренность дала новую жизнь и самимъ изслѣдованіямъ лингвистическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературѣ, наукѣ древностей, исторіи права. Вслѣдъ за этимъ явилось и сочувствіе къ трудамъ филологическимъ въ молодомъ поколѣніи ученыхъ и въ обществѣ.

—

Имѣя въ виду слѣдить за ходомъ этихъ трудовъ, мы ограничимся на первый разъ обозрѣніемъ новыхъ изслѣдованій по нарѣчію Старославянскому.

И прежде всего считаемъ долгомъ привѣтствовать заслуги ученаго Хорутанина, который, пошедши по пути своего соотчича, В. Копитара, въ короткое время занялъ между филологами Славянскими одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: мы говоримъ, о Профессорѣ Вѣнскаго Университета *Фр. Миклошичъ.* «Въ настоящее время — по замѣчанію нашего знаменитаго сочлена А. Х. Востокова—онъ одинъ изъ пер-

выхъ знатоковъ Старославянской письменности и дѣятельнѣйшій сподвижникъ на этомъ поприщѣ».

Въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ онъ издалъ слѣдующіе труды.

Въ 1845: — Radices linguae Slovenicae veteris dialecti. Leipzig. (8°. VI + 141). — S. Iohannis Chrysostomi Homilia in ramos Palmarum. Slovenice, Latine et Graece cum notis criticis et glossario. Accedunt epimetra duo, ad historiam Serbiae spectantia. Vindobonae (8°. VIII + 72).

Въ 1847: — Рецензія изданія Остромирова Евангелія въ Wiener Iahrbücher der Literatur. N° 119 (8°. стр. 1 — 39). — Vitae Sanctorum e codice antiquissimo palaeoslovenice cum notis criticis et glossario. Accedunt epimetra grammatica quinque. Viennae (8°. VI + 55).

Въ 1850: — Lehre von der Conjugation im Altslovenischen. (въ Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften. I-r Band. Wien. 1850. (4°. стр. 167—206). Lautlehre der Altslovenischen Sprache. Wien (8°. 52). — Formenlehre der Altslovenischen Sprache. Wien (8°. 75). — Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Vindobonae (4°. XIV + 204).

Въ 1851. — Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Sumptibus Caesareae Scientiarum Academiae. Vindobonae. (8°. XII + 456 + 4).

Въ каждой изъ этихъ книгъ есть надъ чѣмъ остановиться филологу съ признательностью къ ихъ автору.

Особенно любопытно все, что написано г. Миклошичемъ относительно грамматическаго строя нарѣчія Старославянскаго. Основывая свои наблюденія на открытіяхъ Востокова и Копитара, онъ умножилъ ихъ нѣкоторыми новыми выводами, и, безъ сомнѣнія, былъ бы еще счастливѣе въ своихъ замѣчаніяхъ, если бы могъ пользоваться бо̀льшимъ количествомъ древнихъ рукописей. Тѣ отрывочныя замѣчанія, которыя сдѣланы имъ частію въ рецензіи Остромирова Евангелія, частію въ эпиметрахъ, приложенныхъ къ

Vitae Sanctorum, и въ другихъ мѣстахъ, сталъ онъ сводить въ систематическое цѣлое въ грамматическихъ запискахъ, составляемыхъ имъ для своихъ университетскихъ слушателей. Его Lautlehre и Formenlehre представлены читателямъ какъ части этихъ записокъ, и достойны общаго вниманія любителей Славянской Филологіи.

Предлагаемъ читателямъ выписку изъ записки объ этихъ двухъ книжкахъ г. Миклошича, представленной во Второе Отдѣленіе Академіи О. А. *А. Х. Востоковымъ.*

—

«Не смотря на нѣкоторые недостатки, обѣ эти книжки заслуживаютъ похвалу, какъ лучшіе опыты въ своемъ родѣ и какъ необходимое пособіе каждому любителю Словенскаго языка, по множеству собранныхъ въ нихъ драгоцѣнныхъ примѣчаній и примѣровъ».

I.

«Въ Lautlehre изложилъ г. Миклошичь свои понятія о Старословенскомъ языкѣ въ отношеніи къ звукамъ.

Съ начала идетъ раздѣленіе буквъ. Гласныя, къ коимъ причислены *л* и *р*, какъ въ Санскритской грамматикѣ, дѣлитъ Миклошичь во-первыхъ на одинакія и двойныя или двугласныя (einfache und doppelte), одинакія же на твердыя и слабыя (starke und schwache). Твердыя суть: *а*, *е*, *и*, *о*, *л*, *р*, *ѧ*, *ѫ*; слабыя: *ъ* и *ь*. Изъ твердыхъ гласныхъ *а*, *е*, *и*, *о*, *л*, *р*, суть чистыя (rein), *ѧ*, *ѫ* мутныя (getrübt). Двойныя гласныя суть *ѣ* и *оу*. — Почему онѣ двойныя? развѣ по начертанію ихъ, ибо *ѣ* кажется составленною изъ *ь* и *і*, положенныхъ на крестъ, а *оу* явно состоитъ изъ двухъ буквъ: *о* и *у:* но звукъ ихъ отнюдь не двоегласный. Гласныя раздѣлены потомъ еще на мягкія и жесткія (weiche und harte). Мягкія суть: *е*, *и*, *ѧ*, *ѣ*, *ь*, жесткія: *а*, *о*, *ѫ*, *ъ*. Многія требуютъ измѣненія предшествующихъ имъ гортанныхъ въ соотвѣтствующія свистящія или поднебныя;

жесткія сего не требуютъ. Согласныя дѣлятся на плавныя и нѣмыя (flüssige und stumme). Плавныя суть: *л*, *н*, *р*; нѣмыя суть: зубныя: *т*, *д*, губныя: *п*, *б*, *в*, *м*, гортанныя: *к*, *г*, *х*, поднебныя: *ч*, *ж*, *т*, свистящія (sibilanten); *ц*, *з*, *с*, — *н* и *м* суть носовыя согласныя.

Каждая буква разсмотрѣна во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и именно:

1) Какія слова начинаются съ той буквы; напр. съ *а* начинаются: *а* (союзъ) *аште*, *абие*, *азъ*, *ашютъ*, *алнии*, *алдиꙗ*, *алкати*, и пр.

2) Какими гласными она замѣняется или въ какую переходитъ; напр. *а* мѣняется съ *е*, съ *о*, съ *и*, съ *ѣ*, съ *ꙗ*.

3) Гдѣ она служитъ вставкою для благогласія.

4) Гдѣ она замѣняетъ другія гласныя.

Такимъ образомъ разобраны гласныя *а*, *е*, *и*, *о*, *л* и *р*, ѫ, ѭ, *ъ*, *ь*, *ѣ*, *оу*, ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ. Послѣднія пять называетъ Миклошичь praejotierte und praejerierte vocale, т. е. предшествуемыя *і* или іотою, и предшествуемыя *ь*-мъ. Когда сіи буквы употреблены въ началѣ слога или послѣ гласной, тогда надобно считать ихъ соединенными съ іотою; когда же слѣдуютъ послѣ согласной, смягчаемой ими, тогда надобно считать ихъ соединенными съ *ь*-мъ. За симъ разобраны гласныя, имѣющія іоту назади (postjotierte vocale), т. е. послѣдуемыя *й* краткимъ. Къ симъ гласнымъ причисляетъ Миклошичь также ы.

Причина, по коей *л* и *р* причислены къ гласнымъ, кажется мнѣ не довольно основательною: *л* и *р* безъ помощи гласныхъ могутъ стоять въ срединѣ словъ, напр. плънъ, чрьнъ, и пр.; при чемъ однако за ними непремѣнно долженъ слѣдовать *ъ* или *ь*: слѣдовательно гласныя тутъ не *л* и *р*, а *ъ* и *ь*.

Послѣ исчисленія гласныхъ слѣдуютъ статьи: о сліяніи и звукосближеніи гласныхъ (assimilation der vocale); о стеченіи одинакихъ звуковъ (hiatus); о переходѣ звуковъ по

степенямъ (Lautsteigerung). Такъ называетъ авторъ перемѣны гласныхъ однихъ на другія при словопроизводствѣ. Напр. *е* переходитъ въ *о: водити* отъ *вед; о* переходитъ въ *а: важдати* отъ *вод* и т. д. О краткости и долготѣ слоговъ и объ удареніяхъ авторъ не могъ ничего сказать, потому что въ древнихъ рукописяхъ нѣтъ знаковъ ударенія.

Далѣе говорится о согласныхъ, и во первыхъ, о плавныхъ согласныхъ *л*, *р*, *н*: здѣсь *л* и *р* разсматриваются какъ согласныя; потомъ о зубныхъ: *т*, *д*, и о соединенныхъ съ ними поднебныхъ звукосочетаніяхъ: *шт* и *жд*; о губныхъ согласныхъ *п*, *б*, *в*, *м*; о гортанныхъ *к*, *г*, *х*, и объ измѣненіи ихъ: при стеченіи съ *е*, *и*, *б*, *ѧ*, *ь* въ поднебныя *ч*, *ж*, *ш*, или въ свистящія *ц*, *з*, *с*.

Въ концѣ приложено: о сліяніи и замѣнѣ согласныхъ подобными имъ (assimilation der consonanten), и именно: объ употребленіи *с* вмѣсто *з* въ предлогахъ передъ *п*, *т*, *к*, *х* (*бес*плътьнъ, *ис*тешти, *рас*копати, *вьс*ходити); *з* вмѣсто *сѣ* и *сь* передъ *д* (здравъ, вмѣсто *съдравъ*, здс вмѣсто *сьде*), *г* вмѣсто *к* (где, вмѣсто къде) и о перемѣщеніи звуковъ (Lautversetzung): коприва и кропива, гомила и могыла.»

II.

«Formenlehre г. Миклошича заключаетъ въ себѣ систему склоненій и спряженій.

Миклошичь принимаетъ троякое склоненіе: 1) существительное (substantivisch), 2) мѣстоименное (pronominal) и 3) сложное (zusammengesetzt).

Въ каждомъ склоненіи слова дѣлятся по родамъ и по окончаніямъ.

Въ склоненіи существительномъ мужескій родъ имѣетъ три подраздѣленія по окончаніямъ: 1) *ъ*, напр. *сынъ*: по сему образцу склоняются также прилагательныя и причастія на *ъ*, напр. *добръ*; 2) *и* (т. е. й) напр. *краи*, и прилаг. *божии*; 3) *ь*, напр. *мѫжь*, прилагательныя на *ь*, напр. *тоуждь*,

числительныя: *трик*, *четырик*. Женскій родъ имѣетъ также три подраздѣленія по окончаніямъ: 1) *а*, напр. *рыба*, прилаг. ж. *добра*; 2) ꙗ: *доуша*, *тоуждa*, *божиꙗ*; 3) *ь*: *кость*. Къ сему послѣднему причислены окончанія на *и*, ы: *мати*, *дъшти*, *цьркы*, также числительныя: *пять*, *десять*, и пр. — Средній родъ подраздѣляется такимъ же образомъ на три окончанія: 1) *о*, напр. *мѣсто*, прилаг.: *добро*; 2) *е*, напр. *поле*, прилаг. *тоужде*, *божик*; 3) ѧ: *имѧ*, *жрѣбѧ*, и пр.

Неправильно склоняются мѣстоименія личныя *азъ*, *ты*, *сѧ*, *и* (иже). Но сіе послѣднее вѣрнѣе бы отнести къ мѣстоименному склоненію.

Мѣстоименное склоненіе по окончаніямъ имѣетъ два подраздѣленія: 1) *ъ*, напр. *тъ*, *та*, *то*. Сюда причислены и мѣстоименія *къто*, числительныя *дъва*, *оба*; 2) *ь*: *сь*, *си*, *се*. Сюда же причислены *мой*, *твой*, *нашь*, *вашь*, *кый*, *чий*, *дъвои*, *обои*, *чьто*, *вьсь*.

Сложное склоненіе произошло отъ соединенія существительнаго и мѣстоименнаго, и по окончаніямъ дѣлится на два подраздѣленія: 1) ы: добры (добрыи), добраꙗ, доброк; 2) *ии*: тоуждии, тоуждаꙗ, тоуждек.

Въ выраженіи: *бѣгоу сѧ ꙗтъ*, стран. 2, сочинитель ошибочно считаетъ *бѣгоу* родительнымъ падежемъ: это дательный.

Стр. 4. Замѣченное сочинителемъ смѣшеніе падежей родительнаго множественнаго съ мѣстнымъ множественнаго, (напр. мѣстный вмѣсто родительнаго: отъ родите*лиихъ*, прѣжде триохъ мѣс*ѧцохъ*; прѣжде сихъ четырехъ *дьнехъ*; родительный вмѣсто мѣстнаго: при бесплътьнѣихъ аньг*елъ*, попечеться о тѣлесьнѣихъ своихъ потрѣб*ъ*, и т. д.) должно приписать вліянію Сербскаго народнаго языка, который издавна смѣшивалъ окончанія разныхъ падежей, потерявши разность сихъ окончаній.

Стр. 7. Въ склоненіи прилагательнаго *божии* творительный единственнаго кажется правильнѣе было бы бож*иимь*,

вмѣсто божиѥмь, и дательный и творительный двойственнаго божиима, вмѣсто божиѥма.

Стр. 8. Сочинитель полагаетъ, что *мѫжь* пишется вмѣсто *мѫжјъ*, *краи*, вмѣсто *крајъ*; потому, что къ симъ и къ другимъ подобнымъ словамъ приставляется слогъ *ов*, *ев*. Этотъ выводъ кажется мнѣ не вѣренъ. Ежели *ь* и *й* принимаютъ *ев*, напр. мѫжеви, краѥве, то для этого не нужно прибѣгать къ посредству небывалаго звукосочетанія *јъ*: *ь* и *й* могутъ перемѣняться въ *ев*, такъ какъ *ъ* въ *ов*.

Стр. 11. Склоненіе числительнаго *четыре* должно быть слѣдующее:

Именит. четыре (а не четыриѥ).

Родит. четырь (а не четыръ), и т. д.

Стр. 12. Должно замѣтить, говоритъ сочинитель, что нѣкоторыя существительныя вмѣсто ꙗ имѣютъ древнѣйшее окончаніе *и*: *гръдыни*, *рабыни*, и т. д., *мльнии*, *сѫдии*; также причастія жен. р. *сѫшти*, *бывъши*, и сравнит. степ. *больши*, стоятъ вмѣсто сѫш*та*, бывъ*ша* и боль*ша*, или собственно, вмѣсто сѫштꙗ, бывъшꙗ и большꙗ. По этимъ словамъ заключать можно, что Миклошичь считаетъ древнее окончаніе *и* исключеніемъ изъ правила, между тѣмъ какъ это окончаніе составляетъ правило, и объемлетъ въ себѣ цѣлый рядъ существительныхъ, именно: всѣ на *ыни* и нѣкоторыя на *ии*: *сѫдии*, *мльнии*, *вѣтии*, измѣнившіяся въ позднѣйшемъ языкѣ на ынꙗ и ꙗ. Тоже должно разумѣть и о женскомъ родѣ причастій и прилагательныхъ сравнительной степени на *ши*, *щи*.

Стр. 13. *цръкви* и *смокви* есть уже позднѣйшее измѣненіе вмѣсто древняго *цръкы*, *смокы*.

Стр. 14. Родительный множественнаго *цръкъвъ* изъ Супрасльской рукописи нѣтъ нужды производить отъ именительнаго *цръква*, котораго въ древнемъ языкѣ не было. *Цръкъвъ* также правильно произведено отъ *цръкы*, какъ *боукъвъ* отъ *боукы* и *смокъвъ* отъ *смокы*.

Стр. 15. Ежели именительный единственнаго *црькы*, то почему же звательный цръкви? кажется, звательный долженъ быть здѣсь сходенъ съ именительнымъ. Отъ *мати* звательный показанъ ма*тери*—вѣроятно опечаткою; должно быть *мати*, какъ въ именительномъ.

Числительное *десять* въ именительномъ двойственнаго и множественнаго имѣло *десяте*, что доказывается сложными *двадесяте*, *тридесяте*, *четыредесяте*, а въ родительномъ множественнаго *десятъ*, отъ чего составились сложныя *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ*, и т. д.

Стр. 16. Въ склоненіи ср. р. *мѣсто*, дательный двойственнаго долженъ быть мѣст*ома*, а не мѣст*а*, какъ напечатано ошибкою.

Стр. 19. *Оцѣ* нашелъ Миклошичъ только въ Болгарской рукописи Марк. IX. 47.; но онъ могъ бы найти это окончаніе и въ Остромир. Еванг. Мат. VII. 4.

Стр. 25. *кои*, *коꙗ*—неправильно. Я склоняю это мѣстоименіе такъ:

	един.				*множ.*		
	муж.	*жен.*	*еред.*	*двой.*	*муж.*	*жен.*	*сред.*
именит.	кый	каꙗ,	коѥ	каꙗ	ции	кыѩ	каꙗ
родит.	коѥго	коѥѩ,	коѥго	коѥю	кыихъ		
дат.	коѥмоу	коѥй	коѥмоу	кыима	кыимъ		
винит.	кый	кѫѭ	коѥ	каꙗ	кыѩ		каꙗ
творит.	кыимъ	коѥѭ	коимь	кыима	кыими		
мѣстн.	коѥмь	коѥй	коѥмь	коѥю	кыихъ		

Стр. 27. *Обѣшению* въ Сербской рукописи есть конечно описка вмѣсто *обѣшеноую*.

Стр. 39. Миклошичь полагаетъ, что причастія дѣйствит. настоящ. и прош. вр. употребляются только въ именительномъ падежѣ, напр.

	муж.	*жен.*	*сред.*
ед.	хвалѧ	хвалѧшти	хвалѧ
дв.	хвалѧшта	хвалѧшти	хвалѧшти
мн.	хвалѧште	хвалѧшта	хвалѧшта

Отъ этой формы причастія, лишенной, по его мнѣнію, косвенныхъ падежей, отдѣляетъ онъ собственно такъ называемое причастіе (das eigentliche particip): хвалѧштъ, хвалѧшта, хвалѧште. Но хвалѧштъ есть винительный падежъ причастія хвалѧ, а хвалѧшта родительный падежъ того же причастія, и сочинитель напрасно лишаетъ причастія хвалѧ косвенныхъ падежей.

Стр. 40. Для причастія дѣйствительнаго прошедшаго выбралъ Миклошичь сокращенную форму хвалъ, вмѣсто хвал*ивъ*; но мнѣ не встрѣчалась никогда эта форма отъ глаг. хвалити, и я думаю, что не всѣ глаголы на *ити* могутъ принимать сокращеніе *ъ* вмѣсто *ивъ*. Ганка едва ли не справедливо замѣтилъ, что *хвалъ* не употребительно.

Стр. 48. Встрѣчающіяся въ Glag. Cloz. слова *сѧть* (ἔφη) и *сѧти* (φησί) сочинитель относитъ къ корню *сьн*. Онъ сравниваетъ это слово съ глаголами *клѧти—кльн*, *жѧти—жьн*, *чѧти—чьн*, и полагаетъ, что *сѧти* должно имѣть корнемъ *сьн*, такъ какъ *клѧти*, *жѧти*, *чѧти*,—*кльн*, *жьн*, *чьн*. Но гдѣ встрѣчается *сьн?*

Въ концѣ отдѣла о склоненіяхъ помѣщены прибавленія: 1) объ образованіи сравнительной степени, 2) склоненіе сравнительной степени, 3) склоненіе причастій дѣйствительныхъ настоящаго и прошедшаго времени, 4) наукообразное раздѣленіе существительныхъ (wissenchaftliche Eintheilung der substantiva). По сему раздѣленію существительныя дѣлятся на 4 класса: 1) *а*, 2) *и*, 3) *у*, и 4) согласный. Къ классу *а* отнесены рыба, доуша; къ классу *и* женскія на *ь*: *кость*, и мужскія, склоняющіяся какъ *пѧть*; къ классу *у* склоняющіяся какъ *рабъ*, *мѫжь*, *край*, также средняго рода на *о*, *е*: *мѣсто*, *поле*; къ классу согласныхъ мужескія *корѧ*, *камы*, женское *свекры*, и среднія *слово*, *имя*, *телѧ*.

За симъ слѣдуетъ ученіе о спряженіяхъ.

Наклоненій и временъ показано 15, именно: 1) неопредѣленное (infinitiv), 2) достигательное (supinum), 3) настоя-

щее (praesens), 4) повелительное (imperativ), 5) прошедшее (aorist), 6) преходящее (imperfect), 7) причастіе дѣйствительное настоящаго времени (particip praes. act.) 8) причастіе страдательное настоящ. вр. (part. praes. pass.), 9) причастіе дѣйствительное прошедш. вр. (part. praet. act.), 10) причастіе страдательное прош. (part. praet. pass.), 11) причастіе дѣйствительное прош. 2-е (part. praet. act. II), по моему—причастіе спрягаемое: *лъ*, *а*, *о*, 12) будущее (futurum), 13) совершенное (perfect), по моему прошедшее сложное:—*лъ* ѥ*смь*, 14) давнопрошедшее (plusquamperfectum), по моему преходящее сложное—*лъ бѣхъ*, 15) условное (conditionalis) — *лъ быхъ*.

Глаголы раздѣлены для спряженія на 6 классовъ.

1-*й классъ*, гдѣ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія приставляется непосредственно къ корню (thema), подраздѣленъ на 6 отдѣленій, по послѣдней буквѣ корня, которая названа глагольнымъ характеромъ (verbalcharacter).

Отдѣленіе I, глагольный характеръ зубной *т*, *д*: плет-плести, вед-вести.

——	II,	—	—	свистящій *з*, *с*: вез-вести, нес-нести.
——	III,	—	—	губной *п*, *б*, *в*: чрьп-чрѣти, греб-грети, жив-жити.
——	IV,	—	—	гортанный *к*, *г*, *х*: пек-пешти, мог-мошти, връх-врѣшти.
——	V,	—	—	носовой *н*, *м*: кльн-клѧти, им-ѩти.
——	VI,	—	—	гласныя *а*, *и*, *ѣ*, *оу*, ы: знати, бити, пѣти, чоути, мыти.

2-*й классъ*, гдѣ *ти* неопред. накл. приставляется къ корню посредствомъ слога *нѫ*: двигнѫти.

3-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ двугласной *ѣ*, подраздѣляется на три отдѣленія.

Отдѣленіе I. глаголъ принимаетъ въ настоящемъ времени *е*: мрѣти, мр*е*ши.

Отдѣленіе II. глаголъ принимаетъ въ настоящ. врем. *и*: горѣти, гор*и*ши.

Отдѣленіе III. глаголъ принимаетъ послѣ *ѣ* соединительную гласную *е*: грѣти, грѣкши.

4-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ гласной *и*: хвал*и*ти.

5-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ гласной *а*, подраздѣляется на два отдѣленія.

Отдѣленіе I. принимаетъ въ настоящемъ времени *е* вмѣсто *а*: брати, бер*е*ши, писати, пиш*е*ши.

Отдѣленіе II. принимаетъ въ настоящемъ времени *е* послѣ *а*: дѣлати, дѣлакши.

6-й классъ, гдѣ *ти* приставляется къ корню посредствомъ *ова:* коу*повати*.

Система спряженій Миклошича, вообще сходная съ системою Добровскаго, имѣетъ передъ оною преимущество правильнѣйшаго распредѣленія окончаній. Но и тутъ вкрались нѣкоторыя несообразности: коу-ковати, плю-пльвати, блю-бльвати отнесены къ I отдѣленію 5 класса, а коуповати, воквати въ 6-й классъ, между тѣмъ, какъ тѣ и другіе глаголы принадлежатъ къ одному классу, гдѣ *оу* превращается въ *ов*, *ю* въ *ев* или въ *ьв*. Сочинитель не обратилъ также вниманія на различіе окончаній ѫ и ѭ, *еши* и *иши*, ибо ставитъ въ одинъ классъ глаголы зъвати — зовѫ, тъкати — тъкѫ, съсати — съсѫ, и орати — орѭ, глаголати — глаголѭ, сълати — сълѭ, а глаголы горѣти — гориши, летѣти — летиши, и другіе подобные поставлены во 2-е отдѣленіе 3-го класса, между тѣмъ какъ они ближе дол-

жны быть къ 4-му классу: *хвалити — хвалиши*, и съ сими послѣдними составить особое 2-е спряженіе».

—

Не менѣе достойны признательности и лексикографическіе труды г. Миклошича, важные тѣмъ болѣе, что они не могутъ не быть необходимыми пособіями для всякаго образованнаго Славянина при чтеніи древнихъ памятниковъ, восполняя собою недостатокъ книгъ этого рода, до сихъ поръ очень ощутительный.

Первымъ трудомъ г. Миклошича въ этомъ родѣ были его Radices linguae Slovenicae veteris dialecti, изданные еще въ 1845 году. П. П. Шафарикъ, представляя свое мнѣніе объ этой книгѣ, привѣтствовалъ ея автора какъ продолжателя трудовъ Дурича, Добровскаго, Копитара, и далъ ей мѣсто рядомъ съ изданіемъ Остромирова Евангелія А. Х. Востокова. (Časopis Českého Museum. 1845. стр. 505.)

Замѣчая отличія этого труда отъ перечня корней, вставленнаго Добровскимъ въ его Institutiones, въ отношеніи къ системѣ, и отъ Сборника словъ, представленнаго Копитаромъ въ Glagolita Clozianus, въ отношеніи къ обилію матеріала, Шафарикъ представляетъ на видъ, какъ особенныя достоинства труда — то, что онъ принорованъ къ практическимъ пользамъ, что онъ составленъ по древнимъ памятникамъ и что наконецъ представляетъ сравненія Славянскаго языка съ другими языками, особенно съ Санскритскимъ. Входя въ подробности труда г. Миклошича, г. Шафарикъ замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее:

«Признаемся, что нѣкоторые выводы и мнѣнія автора насъ пріятно изумили. Такъ можемъ указать на статьи: *вити*, *вино*, *влъхвъ*, *вѣнити*, *врачь*, *вѣжди*, *дъщи*, *дѣтѧ*, *жрьнъвъ*, *злато*, *краты*, *млъниꙗ*, *мѫка*, *нагль*, *нетопырь*, *поприще* (отъ *пра-ти*), *папрать* (отъ *прат*), *присьнъ* (отъ *при*), *пѣстоунъ*, *понꙗва*, (отъ *пън-ѫ*), *оуродъ* или *ѫродъ* (отъ *радити*), *свила* (отъ *ви-ти*), *съноузьнъ* (отъ *вез-ѭ*), *вынѫ*, *дѣлꙗ*

и т. д. Ни одинъ разсудительный судья не упрекнетъ автора, а напротивъ достодолжно похвалитъ его за то, что онъ различаетъ и ставитъ отдѣльно многіе такіе корни, которые бы, по мнѣнію иныхъ, могли быть соединены вмѣстѣ: нельзя не быть осторожнымъ при разборѣ языка, изученіе котораго основано на ограниченномъ кругѣ письменныхъ памятниковъ. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ, кажется намъ, повелъ свое дѣло съ излишней осторожностью. Такъ напр. мы бы не задумались поставить подъ одинъ корень: *врьхѫ* и *врьхъ*, *выꙗ* и *виѭ* (ср. *крило* и *крыѭ*), *кликнѫ* и *крикнѫ*, *конати* и *чинити* (ср. *кадити* и *чадити*), *кромѣ* и *крыѭ*, *ликъ* и *лице* (facies и forma), *лихъ* и *лишити*, *плюснѫти* и *плюшь*, *потька* и *птица*; *разити* и *рѣзати*, *сунѫти* и *сулица*, *тенето* и *тьнькъ*, *тьнѫ*, *сѫплескати* и *плоскъ* и т. д. Впрочемъ и самъ авторъ указалъ на сродство корней во многихъ мѣстахъ, напр. въ *суровъ* и *сыръ* и т. п. Съ другой стороны, нѣкоторыя очень немногія изъ сближеній автора кажутся намъ немного смѣлыми и не совсѣмъ правдоподобными. Таковы: *желѣзо* и Санскр. hiranja (Мадьяр. arany, Лат. aurum); *пиръ* и *пити* (срав. *пирогъ* и Греч. πυρός) и др. Слово *простъ* представлено авторомъ какъ сложенное изъ *про* и *стрѣти*; а между тѣмъ оно скорѣе находится въ связи съ *прьсь*, *прьстъ*, *прѣхати*, *прѣскати*, *прѭ*, съ предлогомъ πρός и т. д. Слово *рачити* не коренное, а собственно сокращенное изъ *радчити* (какъ *стачити* изъ *статчити*, *жича* изъ *житча*, *пожичити* отъ *пожитчити*). Такъ и *цѣста*, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ корню *чистъ* (срав. *оцѣстити* = *очистити*); слово *острогъ* есть, вѣроятно, сложное отъ *острыѫ* (срав. *отокъ*), а не производное отъ *остръ*; слово *ошибъ* тоже сложное отъ *о-шибнѫ* (срав. *о-пашь*, *о-гонь*); слово *ласкати* выговорено, вѣроятно, вмѣсто *лазкати* отъ *ладъ*, *ладити* (срав. Чеш. *лázень*; *стрázень* отъ *страдати*, Словац: *ɩласкати* вмѣсто *ɩлазкати* отъ *гладити* и т. д.) Занимательно открытіе

частицы ѩ въ словахъ: *неѩсыть, ѩстрѧбъ, ѩрѧбъ, ѩщеръ*, къ которымъ должно прибавить *Прѣѩславъ* вм. *Прѣславъ*. Съ этимъ сходный эмпласмъ находится и въ *поѩсъ, стоѩти* (срав. Санскр. *pas* и *sthâ*). Въ книгѣ г. Миклошича есть и такія слова, которыя извлечены изъ древнихъ памятниковъ въ первый разъ. Таковы: *десити*—invenire, *жладьба*—damnum, *жладѫ*—solvere, reddere, *котыга*—vestis, *крькыга*—currus, (срав. Мадьяр. *kerék*—rota) и пр. Съ другой стороны нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ Кирилловскихъ; таковы напр. *наѩмь* (mercenarius), *тыкръ*, (speculum, срав. Мадьяр. tükör), *соунъ* (turris, срав. Мадьяр. szén), *сѫдра* (gutta), *ноуть* (bos), *зѣкръ* (caesius), *кокоравъ* (crispus), *рамнъ* (vehemens), *хластъ* и *хлакъ* (coelebs), *хоуса* (cohors), *локъва* (stagnum), *пладнь* (quies), *тоѩга* (baculus), *хралоупъ, хралоупьнъ* (cavus—о деревѣ), *корста* (tumba), *брьдоквва* (lactuca), *доѩна* или *деѩна* (vulnus), *оиминъ* (miles), *товаръ* (merx) и пр. Отсутствіе такихъ словъ не можетъ быть впрочемъ поставлено въ упрекъ прекрасному произведенію: составъ Старославянскаго языка до такой степени богатъ, старинныхъ рукописей—особенно на сѣверѣ—такъ много, что, при всемъ усердіи Славянскихъ филологовъ, минутъ еще вѣка, пока все будетъ вычерпано и внесено въ словари и въ грамматики».

Находя Radices г. Миклошича важнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто желаетъ узнать ближе свое родное Славянское нарѣчіе и Славянскій языкъ вообще, г. Шафарикъ говоритъ, что она служитъ дополненіемъ, объясненіемъ, а во многомъ и исправленіемъ этимологическихъ собраній Добровскаго и Копитара, и становится въ рядъ словарей Рейфа, Шимкевича, Ярника, Бандтке.

Г. Миклошичь, продолжая свои лексикографическія работы, знакомилъ съ ними по частямъ въ другихъ сочиненіяхъ, и наконецъ въ прошедшемъ году издалъ свой Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Этотъ трудъ, какъ

въ своемъ родѣ до сихъ поръ единственный, достоинъ полной признательности. Въ немъ читатель найдетъ около 14,000 словъ, большею частію извлеченныхъ изъ древнихъ и старыхъ рукописей и объясненныхъ словами Греческими и Латинскими, запасъ хотя и далеко не полный, но болѣе значительный чѣмъ въ Церковномъ Словарѣ пр. Алексѣева и въ другихъ словаряхъ этого рода. Какъ это сдѣлано авторомъ, читатели, съ нимъ не знакомые (а такихъ у насъ по дороговизнѣ книги довольно много), могутъ видѣть изъ слѣдующей выписки:

— *а* δέ vero.— *абиѥ* εὐθύς statim. — *аблѫкь* μηλῆ malus. *Cant.* 2. 3. male pro *аблонь* vel potius *аблань*.— *аворъ* *Cod. sup.* vide *ꙗворъ*. — *агница* ἀμνή agna. *Triod.* — *агньць* ἀμνός agnus.—*агньчь* ἀμνοῦ agni.—*агнѧ* ἀμνός Prol.—*адовъ* ᾅδου orci.—*адовьнъ* ᾅδου orci.—*адро Pat. Cod bon.* vide *ꙗдро*. — *адъ* ᾅδης orcus.—*азь* ἐγώ ego. male pro *азъ*.—*аице* Cod. ostr. vide *ꙗице*.— *ако* ὡς uti. *Cod. sup.* — *акы* ὡς uti. *Cod. sup. Ant. hom. Georg. mon.*— *алдиꙗ* Cod. assem. vide *ладиꙗ*. — *алнии* νεβρός hinnulus. *Cant. Cant.* 2, 9. 4, 5. — *алъгоунъ* ἀλόη aloë. *Glag. Cloz.* — *алъканиѥ* τὸ πεινᾶν τὸ esurire. — *алъкота* πεῖνα fames. *Ant. hom.* — *алъча* πεῖνα fames. *Georg. mon.*— *алъчиꙗ* πεῖνα fames. *Georg. mon.* — *алъчь m.* πεῖνα fames. *Cod. sup.* — *алъчьбьникъ* ἄσιτος jejunus. *Pat.* — *алъчьнъ* ἄσιτος jejunus. *Ant. Barl. Krm.* — *амо* ὅπου quo. — *аньгелъ* ἄγγελος angelus.— *аньгельскъ* ἀγγελικός angelicus.— *апостолъ* ἀπόστολος apostolus. — *апостольскъ* ἀποστολικός apostolicus.— *апостольство* ἀποστολή munus apostolicum. — *арбанасъ* ἀρβανίτης albanus. *Prol.* — *аште* εἰ si. — *аштелинъ* εἰ si. *Ioan. Ex.* — *ашютъ* μάτην frustra. *Glag. Cloz.* ь.—*аерохо-димъ* ἀεροπόρος aërivagus.

Такимъ образомъ объяснены всѣ слова, вошедшія въ Лексиконъ г. Миклошича: при важнѣйшихъ, впрочемъ довольно многихъ, показаны источники, откуда они взяты. Вѣроятно, желаніе автора скорѣе издать книгу, необходи-

мую для изученія Старославянскаго нарѣчія, было причиною пропусковъ, которые въ немъ допущены даже изъ тѣхъ рукописей, которыя изданы съ указателями, каковы напр. Glagolita Clozianus, Остромирово Евангеліе, Отрывки изъ Супрасльской рукописи. Вотъ для примѣра пропуски, допущенные изъ этихъ рукописей въ буквѣ А.

— *абы*—вмѣсто *аще бы*. Остр.—*агелъ*=аньгелъ. Супр. — *адовьскъ*—ᾅδου orci. *Gl. Cloz.*—*азъ*—ἐγώ ego.—Остр. Супр. *Gl. Cloz.*—*акроголіеи* камéнь — ἀκρογωνιαῖος λίθος, angularis lapis. *Gl. Cloz.*—*алоинъ* ἀλόης. Остр.—*алтарь*—θυσιαστήριον altare. Остр.—*аминь*=аминъ. Остр. Супр. *Gl Cloz.*—*априль*. Остр. — *ароматы*— ἀρώματα. Остр. — *архан'гелъ*. Остр. *Gl. Cloz.* — *архиепискѹпъ*. *Gl. Cloz.* — *архиереи*. Остр. *Gl. Cloz.* — *ассарии* — assarius. Остр. — *аугоустъ* = аугостъ. Остр.

Прибавимъ къ этому еще, что авторъ, имѣя въ виду разнообразіе правописанія рукописей, старался, хотя и не вездѣ, при написаніи словъ, удерживать разныя формы ихъ написанія, какія встрѣчаются въ рукописяхъ. Говоримъ: не вездѣ, потому что есть пропуски: такъ — слово *многъ* со всѣми производными помѣщено въ Словарѣ только безъ *ъ*, тогда какъ въ Остромировомъ Евангеліи оно написано только съ *ъ*: *мъногъ*; слово *мрътвъ* съ производными тоже занесено въ Словарь только въ этой формѣ, тогда какъ оно во многихъ древнихъ рукописяхъ написано съ *ь* вмѣсто *ъ*: *мрътвъ* = *мрьтвъ*; такъ и слово *мъдльнъ* встрѣчается чаще съ *ь*: *мьдльнъ*; и пр. Вообще въ Словарѣ довольно часто знаку *ъ* дано исключительное предпочтеніе передъ *ь*.

Какъ особенное достоинство Словаря г. Миклошича можно обозначить и то, что при всѣхъ словахъ приложены для объясненія слова Греческія и Латинскія: слова Греческія, какъ надобно бы догадываться, записаны тутъ въ слѣдствіе сличенія подлинника Греческаго съ Славянскимъ переводомъ. Впрочемъ, вѣроятно, краткость Словаря была причиною, что иногда вмѣсто нѣсколькихъ Греческихъ

словъ, которыя переводимы были однимъ Славянскимъ, стоитъ только одно. Такъ напр. слово *образъ* изъяснено только словомъ τύπος, тогда какъ оно употреблялось и вмѣсто словъ: τρόπος, μορφή, εἰκών, ὑπόδειγμα, σχῆμα, и пр.

Мнѣніе *А. Х. Востокова* о Словарѣ г. Миклошича, выражено въ слѣдующей запискѣ, представленной имъ во Второе Отдѣленіе:

—

«Этотъ трудъ г. Миклошича не можетъ быть названъ полнымъ Словаремъ языка Старославянскаго; ибо матеріалы, которыми пользовался авторъ, не очень богаты. Между ними были четыре памятника XI в. *), одинъ XII в. **), одинъ XIII в. ***), восемь XIV в., прочіе XV и XVI вѣка. Изъ сихъ источниковъ выбиралъ авторъ попадавшіяся ему слова, большею частію безъ примѣровъ, прилагая къ нимъ собственный Греческій и Латинскій переводъ, основанный иногда только на догадкѣ. Въ доказательство этого приведу два слова, выписанныя имъ изъ книги Калайдовича: Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, къ которымъ онъ приложилъ свой Греческій и Латинскій переводъ, не справившись съ Греческимъ подлинникомъ Іоанна Дамаскина, гдѣ нашелъ бы другое истолкованіе. *Истьба* у Миклошича κοιτών, cubiculum, т. е. ложница, спальня; но въ Греческомъ текстѣ σκηνή, т. е. бесѣдка, шалашъ. *Бываниѥ* Миклошичъ перевелъ τὸ εἶναι, τὸ esse; но въ Греческомъ текстѣ ἡ γένεσις.

При многихъ словахъ не приложено ссылки на памятникѣ, откуда они взяты. Вотъ напр. 9 такихъ словъ на одной половинѣ страницы 116.

---

*) 1) Глаголитское Евангеліе Ассеманія, 2) Супрасльская рукопись, 3) Остромирово Евангеліе, которымъ однако Миклошичъ очень мало пользовался, и 4) Glagolita Clozianus.

**) Псалтырь толковый, хранящійся въ Болоніи.

***) Ирмологъ, принадлежавшій Ганкенштейну.

Покрасити κοσμεῖν ornare; τέρπειν delectare; ἅπτειν accendere. Покръвение κάλυμμα velamen. Покѫпати βαπτίζειν immergere. Полагалиште ἀποθήκη repositorium. Поле πεδίον campus. Полетѣти πέτεσθαι volare. Полизати λείχειν lambere. Полистъ πεδεινός planus. Поличие πρόσωπον vultus.

Изъ этой выписки можно усмотрѣть также, въ какомъ видѣ выставлены слова́ и толкованія ихъ въ Словарѣ Миклошича. Тутъ нѣтъ никакихъ грамматическихъ указаній родовъ, падежей, наклоненій, и пр. Одна только первоначальная форма каждаго слова.

Не смотря однако на замѣченные здѣсь недостатки, Словарь Миклошича содержитъ въ себѣ довольно богатый запасъ древнихъ и рѣдкихъ словъ, которымъ любители языка не оставятъ воспользоваться».

—

Прибавимъ еще, что, не смотря на всю неполноту и недостаточность, Словарь Г. Миклошича — вѣроятно — до самаго выхода въ свѣтъ Словаря А. Х. Востокова, если и не явится другимъ умноженнымъ изданіемъ, будетъ драгоцѣнною ручною книгой для всѣхъ, занимающихся Старославянскимъ языкомъ: всякій можетъ переплести его для себя съ пробѣльными листами для дополненій, и, если бы кто успѣлъ и многое приписать къ тому, что въ немъ есть, то все же многое найдетъ въ немъ уже замѣченнымъ и объясненнымъ.

Останавливаясь пока на этомъ, остаемся при надеждѣ воротиться и къ Словарю и къ другимъ выше обозначеннымъ трудамъ Г. Миклошича, при надеждѣ не разъ поблагодарить этого дѣятельнаго сподвижника на тяжкомъ поприщѣ Славянской филологіи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднемъ трудѣ его, о его изданіи Супрасльской рукописи.

Супрасльская рукопись извѣстна была ученымъ издавна. Еще въ 1825 году въ Библіографическихъ Листахъ

Академика П. И. Кеппена (№ 14. стр. 189—200 и № 36. стр. 533—537) помѣщены были двѣ записки А. Х. Востокова о ея содержаніи, древности, важности и особенностяхъ правописанія и языка, составленныя по извѣстіямъ, сообщеннымъ патеромъ М. Бобровскимъ. Тогда уже, извлекая свое заключеніе изъ немногихъ данныхъ, А. Х. Востоковъ далъ Супрасльской рукописи мѣсто въ ряду древнѣйшихъ рукописей Старославянскихъ, писанныхъ не позже XI вѣка. Съ тѣхъ поръ ученые Слависты не могли не стараться, каждый для себя, достать если не полные списки оной, то по крайней мѣрѣ выписки изъ нея, дорожа ею, какъ однимъ изъ важныхъ источниковъ Старославянскаго языка; но удалось это очень немногимъ, и вполнѣ, кажется, только одному Копитару. Неизвѣстно, какими путями онъ досталъ въ свои руки подлинникъ; но переписалъ его весь, а потомъ часть его — первую половину — и пріобрѣлъ. Онъ приготовлялъ ее къ изданію, но не окончилъ своего труда. Г. Миклошичъ, воспользовавшись частью подлинной рукописи, издалъ въ 1845 и 1847 нѣсколько отрывковъ въ двухъ тетрадкахъ подъ названіемъ: S. Johannis Chrysostomi homilia и Vitae Sanctorum, съ филологическими замѣчаніями. Теперь же онъ издалъ всю рукопись вполнѣ, съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ представилъ составъ рукописи и объяснилъ, какой системы держался онъ въ изданіи и чѣмъ особенно замѣчательна эта рукопись въ отношеніи къ правописанію. Читатель найдетъ здѣсь, кромѣ того, что уже прежде замѣчено было А. Х. Востоковымъ, кое что и новое, между прочимъ и любопытное замѣчаніе, что Супрасльская рукопись написана не въ Россіи и не въ Сербіи, а въ самомъ отечествѣ Старославянскаго языка (стр. III), замѣчаніе впрочемъ ничѣмъ неподкрѣпленное. Важно было бы конечно сличеніе статей рукописи съ подлинниками Греческими или по крайней мѣрѣ съ другими Славянскими спи-

скажи этихъ статей; но это издатель отложилъ, вѣроятно, до болѣе удобнаго времени. Важенъ также былъ бы указатель если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательныхъ словъ и выраженій; но большая часть ихъ уже вошла въ Словарь, изданный г. Миклошичемъ.

Древнихъ памятниковъ Старославянскихъ издано до сихъ поръ такъ немного, что нельзя не благодарить г. Миклошича за изданіе этого памятника, столь любопытнаго во многихъ отношеніяхъ, столь достойнаго подробнаго изученія.

II.

ТРУДЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Труды филологовъ Западно-Славянскихъ.

Нельзя не назвать явленіемъ любопытнымъ тетради, недавно изданной подъ названіемъ:

«Опытъ сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ: Церковно-Славянскому, Велико-Россійскому, Чешскому (Богемскому) и Польскому, составленный *В. Полевымъ.* Имя существительное. Dorpat 1851.» (4°: 32).

Обращая на эту тетрадь вниманіе читателей, какъ на выраженіе одной изъ существенныхъ потребностей нашего времени, мы считаемъ долгомъ вспомнить о трудахъ этого рода, совершенныхъ до сихъ поръ, и выразить наши понятія о трудностяхъ, сопряженныхъ съ составленіемъ такой сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, которая бы могла хоть нѣсколько удовлетворить современнымъ требованіямъ филологіи.

Мысль о грамматическомъ сравненіи Славянскихъ нарѣчій довольно стара: она явилась еще въ то время, когда никто не могъ похвалиться обладаніемъ достаточныхъ средствъ для ея исполненія. Она нечужда была, напр. и д-ру Антону, человѣку ученому и страстному любителю всего Славянскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не Славянину

родомъ, незнавшему основательно ни одного Славянскаго нарѣчія. Первый, кому по силамъ было задуматься надъ нею не какъ надъ мечтою, кто приготовилъ себя къ ней тщательнымъ изученіемъ многихъ Славянскихъ нарѣчій и могъ взяться за ихъ сравненіе — былъ аббатъ *I. Добровскій*. Въ Обозрѣніи Славянскаго племени (Slavischer Sprach- und Völkerstamm — въ Аделунговомъ Mithridates. II. Berlin. 1809), въ Общемъ Славянскомъ корнесловѣ (Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der Slawischen Sprache. Prag. 1813), въ Очеркѣ Славянскаго языка (Kurzer Abriss der Slawonischen Sprache — въ Geschichte der Böhmischen Sprache. Prag. 1818), въ Старославянской грамматикѣ (Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindob. 1822) и въ другихъ сочиненіяхъ онъ высказалъ свои понятія о задачѣ и пріемахъ грамматическаго сравненія Славянскихъ нарѣчій и положилъ первыя начала этой тяжкой работѣ. Ему, какъ извѣстно, принадлежитъ, между прочимъ, первый счастливый опытъ распредѣленія Славянскихъ нарѣчій на общіе отдѣлы, по отличительнымъ признакамъ ихъ сходства и различія. Мысль Добровскаго оказалась потомъ невѣрною въ примѣненіи; но на первый разъ и ея свѣта было слишкомъ достаточно для того, чтобы прояснить цѣлость Славянскаго племени въ мѣстномъ разнообразіи его народовъ и нарѣчій. Ему же принадлежитъ мысль о важности признаковъ фоническихъ. Особенно важнымъ пособіемъ для сравнительнаго изученія нарѣчій служитъ его Старославянская грамматика, обогащенная частными сравненіями нарѣчій, и притомъ составленная по одной и той же системѣ и методѣ, какъ его Грамматика Чешская, вышедшая немного ранѣе (Lehrgebäude der Böhmischen Sprache. Prag. 1819), и какъ Грамматика Русская *Я. Пухмира* (Lehrgebäude der Russischen Sprache. Prag. 1820), составленная подъ его же руководствомъ. Строго обдуманный планъ и превосходное

по своему времени примѣненіе его къ дѣлу, во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ, утвердили авторитетъ мысли Добровскаго о пріемахъ параллели Славянскихъ нарѣчій въ ихъ грамматическомъ строѣ, и внушили многимъ ученымъ убѣжденіе, что изслѣдовать Славянскія нарѣчія параллельно одни съ другими удобнѣе всего по правиламъ Добровскаго. Между трудами ученыхъ послѣдователей Добровскаго особенно замѣчательны: Грамматика Словенскаго Хорутанскаго нарѣчія *Ф. С. Метелка* (Lehrgebäude der Slowenischen Sprache. Laibach. 1825), Польская Грамматика *В. В. Ганки* (Mluvnice Polského jazyka. W Praze. 1839) и Грамматика Верхне-Лужицкаго нарѣчія *І. П. Іордана* (Grammatik der Wendisch-Serbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag. 1841) *). Всѣ онѣ, выполняя планъ Добровскаго во всемъ его содержаніи, со всѣми подробностями, представляютъ собою, вмѣстѣ съ тѣми тремя грамматиками, о которыхъ упомянуто было выше, очень удобное пособіе для параллельнаго изученія Славянскихъ нарѣчій. Составить изъ всѣхъ этихъ грамматикъ одну, общій ихъ сводъ, не очень трудно, особенно если, не отягощая себя разборомъ причинъ отличій одного нарѣчія отъ другаго, будемъ имѣть въ виду только повтореніе фактовъ. Не очень большаго труда будутъ стоить и добавленія о тѣхъ нарѣчіяхъ, для которыхъ еще нѣтъ грамматикъ, написанныхъ по плану Добровскаго. Такой именно трудъ предпринялъ покойный *У. Ярникъ*, извѣстный въ ученомъ мірѣ Корнесловомъ Хорутанскаго Словенскаго нарѣчія (Versuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart. Klagenfurt. 1832); но, къ сожалѣнію, предпринялъ его уже въ старости и притомъ безъ намѣренія удержаться въ границахъ простаго

*) Сюда же можно отнести и Грамматику Сербо-Хорватскую *И. Рукавины* (Kroatische Abänderungs- und Abwandlungsformen. Triest. 1843), хотя это только начальный опытъ, далеко неполный по содержанію и неудовлетворительный по выполненію.

сведенія фактовъ, а съ надеждою высказать и свои особенныя убѣжденія. Уясненіе ихъ для самого себя на письмѣ подборомъ доказательствъ не только филологическихъ, но и историческихъ, завлекло его слишкомъ далеко, и трудъ его, сколько извѣстно, остался неоконченнымъ. Ознакомясь лично съ нѣкоторыми частями этого труда, я могу свидѣтельствовать, что трудъ Ярника былъ бы очень замѣчательнымъ явленіемъ въ области Славянской филологіи. Въ немъ не было забыто ни одно изъ Славянскихъ нарѣчій, составляющихъ достояніе литературы; не были забыты даже и нѣкоторыя изъ нарѣчій народныхъ. Такъ, между прочимъ, занимаясь имъ какъ Хорутаниномъ, Ярникъ обращалъ особенное вниманіе на свое родное нарѣчіе, на его Каринтійскій оттѣнокъ, еще почти совсѣмъ неизслѣдованный и очень замѣчательный, и помощію его думалъ объяснить нѣкоторыя любопытныя свойства Славянской фонетики, этимологіи и синтаксиса, въ той мысли, что въ этомъ нарѣчіи долинъ, отдѣленныхъ отъ треволненій свѣта грядами горъ, сохранилось много остатковъ древняго языка. Кромѣ того, имѣя случай пользоваться нѣкоторыми рѣдкими рукописями глаголическими, онъ надѣялся, съ пользою для сравнительнаго изученія Славянскихъ нарѣчій, представить въ своемъ трудѣ грамматическія извлеченія изъ нихъ, еще болѣе любопытныя для изучающаго древности языка.

Положивши начало для сравненія нарѣчій Славянскихъ, какъ частей одного цѣлаго, давши нѣсколько прекрасныхъ пособій для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ дѣлѣ, указавши образцы для параллели нарѣчій, Добровскій оказалъ важную услугу сравнительной грамматикѣ Славянской; но и по средствамъ своимъ и по времени не могъ раскрыть всей задачи этой грамматики.

Другой шагъ къ сравнительному изученію Славянскихъ нарѣчій сдѣланъ *П. П. Шафарикомъ*. Этотъ ученый Сла-

вянистъ, почти съ перваго начала своей дѣятельности обнявшій орлинымъ взглядомъ, какъ одинъ нераздѣльный предметъ разысканій, весь кругозоръ Славянскаго міра, и съ самаго начала сознавшій необходимость утвердить зданіе Славянской науки на основаніи филологическомъ, не могъ не сочувствовать потребности сравнительнаго изслѣдованія нарѣчій Славянскаго племени. Это высказалъ онъ между прочимъ и въ своемъ Руководствѣ къ изученію Славянской Литературы (Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen. 1826). Несравненно яснѣе выразилась его мысль въ его Извлеченіяхъ изъ Сербскихъ рукописей (Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart. Pesth. 1833). Доказывая въ этомъ прекрасномъ произведеніи свое убѣжденіе, въ то время для многихъ еще неправдоподобное, что Сербское нарѣчіе искони отличалось отъ Старославянскаго-церковнаго, Шафарикъ не удовольствовался показаніемъ отличій нарѣчія рукописей Сербскихъ отъ нарѣчія чистаго Старославянскаго, какъ объяснено оно было А. Х. Востоковымъ; но постоянно приводитъ для сравненія характеристическія черты другихъ Славянскихъ нарѣчій, и проводитъ свое сравненіе по всѣмъ отдѣламъ построенія языка. Онъ счелъ нужнымъ, какъ и слѣдуетъ, всего болѣе остановиться на фонетикѣ; но не упустилъ изъ виду ни формъ образованія и измѣненія словъ, ни формъ словосочетанія. Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду цѣль частную, онъ не могъ себѣ позволить остановиться на подробностяхъ, не ведшихъ его къ цѣли; но и не упустилъ ничего, что̀ было ему нужно для показанія характеристическихъ отличій однихъ нарѣчій отъ другихъ. Послѣ этого прекраснаго опыта сравненія Славянскихъ нарѣчій, перваго въ своемъ родѣ и по времени, и до сихъ поръ по внутреннему достоинству, Шафарикъ продолжалъ собирать матеріалы для сравнительной характеристики Славян-

скихъ нарѣчій; соединилъ этотъ предметъ своихъ изслѣдованій съ разысканіями о видоизмѣненіи каждаго изъ нарѣчій на мѣстные оттѣнки и о границахъ края, гдѣ каждое изъ нарѣчій господствуетъ въ народѣ; — и общіе результаты всѣхъ этихъ разысканій, тяжелыхъ и по разнообразію и по мелочности, передалъ въ книжкѣ, изданной подъ названіемъ: Slowanský narodopis (1-е изданіе: w Praze. 1842. 3-е изданіе, впрочемъ почти ничѣмъ не отличающееся отъ 1-го, тамъ же. 1849. Русскій переводъ Проф. І. М. *Бодянскаго*, въ Москвѣ. 1844). Высказавши свое мнѣніе объ этомъ важномъ трудѣ Шафарика въ особой статьѣ, я считаю ненужнымъ повторять его здѣсь, и позволяю себѣ ограничиться теперь только замѣчаніемъ о его значеніи въ отношеніи къ сравнительному изученію Славянскихъ нарѣчій. Опираясь на мысли Добровскаго о возможности подвести всѣ Славянскія нарѣчія подъ два главные отдѣла, на основаніи нѣсколькихъ признаковъ, и развивая мысль Добровскаго со всей должной подробностью и возможною отчетливостью, Шафарикъ соединяетъ съ нею свой собственный взглядъ на частные признаки взаимнаго сходства и несходства Славянскихъ нарѣчій и даетъ возможность обнять все Славянское племя, по отношенію къ языку, въ его нынѣшнемъ мѣстномъ разнообразіи, въ одной общей картинѣ, стройной во всѣхъ своихъ частяхъ, большихъ и малыхъ. Не замѣняя собою сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, эта характеристика ихъ наводитъ мысль читателя на вопросъ о томъ, что̀ именно важно въ каждомъ изъ нихъ при сравнительномъ изученіи строя нарѣчій, и тѣмъ облегчаетъ вниканіе въ подробности частныхъ грамматикъ нарѣчій. Такимъ образомъ Шафарикъ въ этомъ сочиненіи установилъ вопросъ о сравнительной грамматикѣ Славянской, сдѣлалъ его опредѣленнымъ, яснымъ, общедоступнымъ, и отдѣливъ его отъ вопроса о грамматикахъ параллельныхъ, поднятаго Добров-

скимъ, сблизилъ съ другимъ вопросомъ, болѣе важнымъ и для сравнительной грамматики необходимымъ — съ вопросомъ объ общихъ условіяхъ разнообразія Славянскихъ нарѣчій. Безъ сомнѣнія, наблюденія, собранныя Шафарикомъ объ отличительныхъ признакахъ нарѣчій, недостаточно полны и вѣрны; но на первый разъ ожидать многаго было и не возможно. Гораздо легче было бы ему представить каждое изъ главныхъ нарѣчій въ двойномъ очеркѣ — состояніе его не только въ наше время, но и въ древнее, чтобъ можно было видѣть, какой путь пройденъ каждымъ изъ нихъ въ отношеніи къ видоизмѣненію своего строя. Ожидать этого отъ книги Шафарика тѣмъ было возможнѣе, что въ ней рядомъ съ живыми нарѣчіями поставлены и умершія для народа, Старославянское и Балтійское (что̀ онъ называетъ Полабское). Впрочемъ и этотъ недостатокъ книги можетъ быть также до нѣкоторой степени оправданъ намѣреніемъ Шафарика — не входить въ ней въ историческія разысканія.

Особенно важно въ этомъ сочиненіи Шафарика, какъ и въ общемъ направленіи всѣхъ его трудовъ по части лингвистики Славянской, то, что онъ опредѣлилъ необходимость обращать вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія нарѣчій, не ограничиваясь только тѣми ихъ оттѣнками, которые получили законность въ литературѣ. Шафарикъ не отвергалъ никогда важности литературнаго языка въ отношеніи къ образованности народной; но съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ считать его одного достаточнымъ для лингвиста, обязаннаго глядѣть на языкъ, какъ на произведеніе природы, на всемъ пространствѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для филолога, понимающаго связь языка народа съ образованностью народной, съ развитіемъ началъ народности и племенной самобытности. Сознаніе важности народныхъ говоровъ было и у Добровскаго; но не такое свѣтлое и живое, и осталось въ его трудахъ безъ

должнаго примѣненія къ вопросамъ сравнительной грамматики и тѣмъ менѣе къ вопросамъ науки Славянской вообще. Нельзя тутъ не пожалѣть только о томъ, что Шафарикъ не далъ болѣе обширнаго размѣра своимъ сочиненіямъ по части сравненія нарѣчій, не передалъ читателямъ подробностей изъ своей многообразной и обширной разработки матеріаловъ по этой части, не покончилъ своего призванія въ этомъ отдѣлѣ своей ученой дѣятельности. Есть однако надежда, что Шафарикъ не ограничитъ своихъ трудовъ по этому предмету тѣмъ, что̀ издано: его послѣдующіе труды по части нарѣчій Чешскаго и Сербскаго въ ихъ древнемъ видѣ, сравнительно съ Старославянскимъ; его записки объ образованіи формъ Славянскаго языка сравнительно съ языками сродными (изданныя въ Часописѣ Чешскаго музеума), очевидно отрывки изъ большаго творенія; его приготовленія къ этнографической части Древностей Славянскихъ: все это даетъ право надѣяться, что, въ томъ или другомъ видѣ, онъ передастъ свѣту подробности своихъ соображеній изъ области сравнительной грамматики Славянской, и довершитъ, Богъ дастъ, тотъ путь, который начатъ имъ на этомъ поприщѣ съ такимъ успѣхомъ для себя и для науки.

А между тѣмъ должно быть признательнымъ къ нему и за то вліяніе, какое онъ произвелъ своими сочиненіями и своимъ авторитетомъ на обширный кругъ мѣстныхъ наблюдателей народностей и нарѣчій, на подробность и отчетливость ихъ наблюденій, на ихъ внимательность къ даннымъ, повидимому самымъ мелочнымъ и тѣмъ не менѣе нерѣдко очень важнымъ для сравнительнаго и историческаго изученія языка. Нельзя пересчитать того множества записокъ, которыя изданы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о мѣстныхъ говорахъ Славянскихъ, какъ болѣе или менѣе непосредственныя слѣдствія этого благодѣтельнаго вліянія. Эти записки, въ своей массѣ, очень значительны по цѣнно-

сти для сравнительной грамматики Славянской, потому что одушевлены одной и той же мыслью, однимъ стремленіемъ разгадать общія черты развитія Славянскаго языка. Эти записки тѣмъ болѣе важны, что касаются почти всѣхъ оттѣнковъ нарѣчій Западно-Славянскихъ. Безъ сомнѣнія, вліянію Шафарика во многомъ помогло время, общіе успѣхи науки и образованности, общее движеніе умовъ въ пользу изученія народности въ филологіи, равно какъ и въ исторіи; но нельзя отвергать и того, что Шафарикъ ранѣе многихъ другихъ понялъ современное направленіе науки, глубже многихъ другихъ успѣлъ сочувствовать ему, прежде и лучше другихъ примѣнилъ ихъ къ дѣлу въ филологіи Славянской: кому же, какъ не ему, послѣ этого удобно было связать въ одинъ узелъ единичныя стремленія мѣстныхъ наблюдателей Западно-Славянскихъ.

Не раскрыта еще вполнѣ и Шафарикомъ вся задача сравнительной грамматики Славянской, не раскрыта по недостатку средствъ; но шагъ, имъ сдѣланный послѣ Добровскаго, такъ важенъ, такъ достоинъ нашего времени, что только незнакомымъ съ трудами его и его послѣдователей и съ общими успѣхами Славянскаго языкознанія можно оставаться при прежнихъ взглядахъ и результатахъ.

Останавливая здѣсь наше обозрѣніе трудовъ, сдѣланныхъ на пользу сравнительной грамматики Славянской, мы умалчиваемъ о трудахъ Русскихъ, о трудахъ членовъ Академіи Наукъ, преподавателей Русской и Славянской филологіи въ нашихъ университетахъ и другихъ ученыхъ,—съ одной стороны, будучи увѣрены, что важнѣйшіе изъ нихъ у насъ общеизвѣстны, а съ другой, предполагая имѣть другіе случаи, когда можно будетъ остановиться на нихъ съ надлежащею подробностью. Тѣмъ болѣе считаемъ позволеннымъ это умолчаніе, что всѣ Русскіе труды по части сравнительной грамматики Славянской отличаются отъ Западно-Славянскихъ особеннымъ Русскимъ направленіемъ, желаніемъ принести

пользу не столько Славянской филологіи вообще, сколько почти исключительно филологіи Русской.

Не раскрыта еще вполнѣ задача сравнительной грамматики Славянской, потому что въ самомъ дѣлѣ этому еще препятствуютъ многія трудности, непреодолимыя для самыхъ лучшихъ знатоковъ Славянскихъ нарѣчій. Для показанія хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ трудностей, считаемъ нелишнимъ оговорить нашъ взглядъ на предметъ.

а) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени должна быть изображеніемъ строя языка этого племени въ его развитіи по всѣмъ его нарѣчіямъ, съ показаніемъ общаго хода этого развитія и причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, имѣвшихъ на него вліяніе. Такимъ образомъ и сравнительная грамматика Славянская должна имѣть въ виду весь Славянскій языкъ во всемъ его разнообразіи, на сколько это достижимо для ученой изыскательности. Ни одинъ Славянскій народъ, сколько бы то ни было извѣстный по своему нарѣчію, ни одно нарѣчіе, сколько бы то ни было извѣстное по своимъ особенностямъ, не можетъ быть упущено изъ вниманія; каждое, напротивъ того, должно быть разобрано тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ болѣе оно важно или по древности, или по особенности, или по тому и другому вмѣстѣ.

б) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени, соприкасаясь, съ одной стороны, съ требованіями филологіи, какъ науки, имѣющей задачею — объяснить духъ народа его словомъ, а съ другой, съ требованіями языкознанія, какъ науки, изслѣдующей языки, какъ явленіе природы, принадлежащей къ жизни народовъ, и притомъ не подчиняясь, а подчиняя своимъ выводамъ все, что̀ можетъ быть сказано о языкѣ въ отношеніи къ литературѣ,—сравнительная грамматика тѣмъ менѣе можетъ ограничиваться въ кругу языка литературнаго, книжнаго, чѣмъ болѣе отличаются отъ него нарѣчія народныя, неупотребляемыя

въ книгахъ. Сравнительная грамматика Славянская должна поэтому имѣть въ виду не только тѣ нарѣчія и тѣ их формы, которыя получили значеніе книжное и литературное, но, даже предпочтительно передъ ними, тѣ нарѣчія и формы ихъ, на которыя не налегало искусственное вліяніе литературныхъ школъ, которыя развивались независимо отъ правилъ, людьми придуманныхъ, а только подъ властью законовъ природы. Требованія сравнительной грамматики въ этомъ отношеніи не уничтожаютъ требованій грамматики литературнаго языка, для своихъ особенныхъ цѣлей необходимыхъ; но тѣмъ не менѣе остаются сами въ своей независимой силѣ. И между Славянскими нарѣчіями есть нѣсколько очень замѣчательныхъ по своему естественному виду и совершенно ничтожныхъ въ отношеніи литературномъ: таково, напримѣръ, нарѣчіе Болгарское, на которомъ нѣтъ ничего, кромѣ самыхъ слабыхъ литературныхъ начатковъ; таково и нарѣчіе древнихъ Славянъ Балтійскихъ, по которому представляются изыскателю только сборники словъ и нѣсколько бѣдныхъ образцовъ связной рѣчи. И въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ представляются въ противоположности формы ихъ употребленія народнаго и книжнаго, такъ что народность ихъ съ большими усиліями и часто неудачно принуждена бороться съ болѣе или менѣе общимъ направленіемъ писателей, искажающихъ чистоту ихъ своими привычками и убѣжденіями, своимъ пристрастіемъ къ ненародности выраженія: таково, напр., нарѣчіе Сербское въ сочиненіяхъ большей части писателей, шедшихъ не по одному пути съ Караджичемъ; таково и нарѣчіе Хорватское, никогда не выступавшее въ книгахъ такимъ, каково оно въ народѣ. Не имѣя въ виду нарѣчій народныхъ, сравнительная грамматика Славянская никогда не будетъ въ состояніи придти къ правильному рѣшенію вопросовъ, которые должна она разрѣшать, и никогда слѣдовательно не исполнитъ своей задачи.

в) Сравнительная грамматика нарѣчій цѣлаго племени, имѣя цѣлію раскрыть сравненіемъ нарѣчій общій ихъ характеръ, какъ видоизмѣненій одного языка, должна имѣть въ виду не какой нибудь одинъ опредѣленный моментъ времени развитія нарѣчій, но, принимая каждое видоизмѣненіе за слѣдствіе прежде бывшихъ видоизмѣненій, должна обращать одинакое вниманіе и на современное состояніе нарѣчій, и на ихъ древній видъ, опредѣлять характеръ каждаго нарѣчія только помощью сближенія данныхъ о немъ изъ всѣхъ періодовъ его существованія, и только въ слѣдствіе этихъ изысканій дѣлать выводы объ общемъ характерѣ нарѣчій всѣхъ вмѣстѣ. Все это тѣмъ важнѣе, чѣмъ отличнѣе видъ нарѣчій древній и новый, чѣмъ болѣе перемѣнъ испытали нарѣчія въ судьбахъ своихъ, чѣмъ нужнѣе древности нарѣчій для уясненія ихъ послѣдующихъ видоизмѣненій. Въ сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій тѣмъ менѣе можетъ быть выражено равнодушія къ древностямъ ихъ, что есть очевидныя доказательства переворотовъ, которые они испытали, или что — говоря проще — есть нарѣчія, оставшіяся отъ временъ прошедшихъ, для жизни народной давно умершія, и тѣмъ не менѣе безусловно необходимыя для филолога во всякомъ отношеніи: таково нарѣчіе Старославянское оставшееся въ огромной массѣ древнихъ памятниковъ, и до сихъ поръ еще возбуждающее различные толки относительно страны, гдѣ было оно народнымъ; таково и нарѣчіе Славянъ Балтійскихъ, исчезнувшее изъ народнаго употребленія уже за нѣсколько вѣковъ, и хоть очень бѣдное остатками, но тѣмъ не менѣе любопытное и само по себѣ, и потому что принадлежало одному изъ самыхъ замѣчательныхъ народовъ Славянскихъ въ средніе вѣка. Если важны нарѣчія народовъ умершихъ, то безъ сомнѣнія еще важнѣе нарѣчія древнія тѣхъ народовъ, которые еще живутъ и въ языкѣ которыхъ живетъ еще древность болѣе или менѣе замѣт-

но, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ на современный его строй: таковы напр. нарѣчія Русское, Чешское и т. д. Кто захочетъ опредѣлить вѣрно характеръ такого живаго и уже долго жившаго нарѣчія, тотъ навѣрно не пренебрежетъ судьбами его во всемъ пространствѣ его существованія, сколько оно извѣстно, если только захочетъ остеречься отъ неправильныхъ соображеній.

Понимая такъ сравнительную Славянскую грамматику, тотъ ученый, который рѣшится посвятить ей свою дѣятельность, не можетъ не нуждаться въ предварительной обработкѣ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, а если этого нѣтъ, то по крайней мѣрѣ въ самыхъ матеріалахъ. Чѣмъ болѣе остается недодѣланнаго, неизслѣдованнаго или вовсе неизвѣстнаго по частнымъ вопросамъ, которые должны быть обобщены въ грамматикѣ сравнительной, тѣмъ менѣе возможно ея осуществленіе. Для сравнительной грамматики Славянской приготовлено многое, но далеко не все, что нужно, и приготовить все, что необходимо, не по силамъ не только одного человѣка, сколько бы ни соединялъ онъ трудолюбія съ дарованіями и ученостью, но и цѣлаго общества ученыхъ: по нѣкоторымъ изъ нарѣчій вовсе нѣтъ ни хорошихъ подробныхъ грамматикъ, ни вѣрныхъ характеристикъ; нѣкоторыя другія еще мало изслѣдованы въ ихъ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ; а что касается до разбора ихъ древностей, то почти ни по одному нѣтъ труда окончательно полнаго.

Такъ, начиная съ нарѣчій Восточныхъ, и сознавая важность трудовъ Русскихъ филологовъ касательно Русскаго языка, узаконеннаго образованнымъ обществомъ и литературой, не можемъ не признать, что ни о народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ сѣверныхъ — Великорусскомъ и Бѣлорусскомъ, ни о такихъ же народныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ южныхъ—Малорусскомъ и Карпатскомъ, нѣтъ ничего кромѣ нѣсколькихъ грамматическихъ опытовъ и частныхъ замѣчаній, не одинаково подробныхъ, не одинаково цѣнныхъ

по ученому достоинству. Болѣе всего есть сборниковъ образцовъ и еще болѣе сборниковъ словъ; но изъ первыхъ очень многіе не изданы, и всѣ вмѣстѣ, сколько извѣстно, еще недостаточны для того, чтобъ можно было по нимъ представить въ стройномъ очеркѣ все мѣстное разнообразіе Русскаго народнаго языка; а сборники словъ, изъ которыхъ многіе уже изданы и многіе приготовляются къ изданію, ожидая дополненій, ждутъ и филологическаго разбора по отношенію къ вліянію на народный нашъ языкъ языковъ сосѣднихъ. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ II-го Отдѣленія Академіи наукъ и Русскаго Географическаго Общества, оживляя частную ревность ученыхъ и наблюдателей мѣстныхъ, подаетъ надежды на быстрые успѣхи въ разработкѣ географіи Русскаго языка, — и работы идутъ въ обширномъ размѣрѣ, съ ревностью, достойной нашего любознательнаго времени; но желаемые успѣхи еще впереди. По части исторіи Русскаго языка сдѣлано также уже многое; но еще болѣе остается дѣлать. Древній Русскій языкъ съ его памятниками еще только разработывается, а для многихъ еще неясенъ по самымъ общимъ своимъ чертамъ, такъ, что можетъ еще пробуждать о себѣ мнѣнія очень разнообразныя, убѣжденія противоположныя.

Юго-Западныя Славянскія нарѣчія для сравнительной грамматики представляются въ такомъ же состояніи. Нарѣчіе Старославянское церковное, не касаясь вопроса о его народности, изслѣдовано довольно подробно, но, конечно, не окончательно: довольно вспомнить при этомъ, что все еще продолжаютъ отыскивать новыя формы, новыя слова, новыя черты его самостоятельности и новыя доказательства вліянія чужеземнаго. Нарѣчіе Болгарское не только почти совершенно не изслѣдовано, но нѣтъ и матеріаловъ для изслѣдованій. Нарѣчіе Сербское изслѣдовано очень отчетливо, но еще не полно, особенно по отношенію къ его словарному богатству и къ его древностямъ. Нарѣчіе Хорват-

ское извѣстно очень мало и въ мѣстныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и въ древнемъ строѣ. Нарѣчіе Хорутанское, бывшее въ нѣкоторыхъ изъ краевъ, гдѣ господствуетъ, предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно на сѣверѣ и западѣ, ждетъ и наблюдателей и изыскателей; его древности также мало извѣстны.

Нарѣчія Сѣверо-Западныя не были счастливѣе другихъ. Нарѣчіе Чешское, подавшее многимъ достойнымъ филологамъ случай выказать надъ его разработкою свою ученость, обогатившееся въ послѣднее время прекрасными наблюденіями надъ его мѣстными оттѣнками, словомъ, представляющее всякаго рода пособія для его основательнаго изученія, все еще—особенно въ отношеніи къ богатствамъ народнаго словаря—нуждается въ дѣлателяхъ. Древности его извѣстны болѣе, чѣмъ древности каждаго изъ остальныхъ живыхъ нарѣчій; но и онѣ еще занимаютъ дѣятельность ученыхъ изыскателей и утѣшаютъ ихъ постоянно новыми открытіями. Нарѣчіе Словацкое, одно изъ самыхъ любопытныхъ по мѣстному своему разнообразію, извѣстно очень мало. Нарѣчіе Сербское-Лужицкое разобрано немного болѣе, и то въ отношеніи къ разнообразію мѣстныхъ оттѣнковъ, а не въ отношеніи къ словарю. Нарѣчіе Балтійскихъ Славянъ кромѣ очень немногихъ мѣстныхъ признаковъ Древанскаго говора, остается неизвѣстнымъ и потребуетъ работъ очень тяжелыхъ. Нарѣчіе Польское, несмотря на богатство грамматическихъ и лексическихъ трудовъ, изъ которыхъ между послѣдними есть много прекрасныхъ, еще не было въ своемъ строѣ предметомъ строгой филологической разработки, какъ нарѣчіе народное, и, оставаясь очень мало извѣстнымъ по своимъ мѣстнымъ оттѣнкамъ, особенно въ отношеніи къ говорамъ Силезкимъ и Кашебскимъ, также мало изслѣдовано и въ своихъ древностяхъ.

При такомъ положеніи матеріаловъ и пособій для сравнительной грамматики Славянской, очевидно, нѣтъ возмо-

жности теперь рѣшить задачу ея такъ, какъ бы можно желать сообразно съ современными требованіями филологіи. Теперь пока возможны только опыты частныхъ сличеній нарѣчій и тотъ родъ грамматикъ, котораго образцы представлены Добровскимъ и его послѣдователями,—грамматики параллельныя, грамматики, въ которыхъ избранныя нарѣчія, преимущественно важныя въ литературномъ отношеніи и болѣе для облегченія ихъ изученія, поставляются въ параллель по средствамъ, которыми пользуются для выраженія мыслей. До нѣкоторой степени онѣ могутъ быть полезны для ученаго сравненія нарѣчій; но, конечно, не замѣнятъ грамматики сравнительной. Грамматика параллельная пользуется частными подробностями почти исключительно для выводовъ столько же частныхъ, пригодныхъ при первоначальномъ изученіи нарѣчій; грамматика сравнительная, вовсе непригодная какъ пособіе для практическаго изученія нарѣчій, важна въ наукѣ по сведенію частностей къ общимъ соображеніямъ и выводамъ.

Параллельная грамматика многихъ и даже всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, важныхъ въ литературномъ отношеніи, послѣ трудовъ Добровскаго, сдѣлалась очень возможна. Можно даже удивляться, какъ до сихъ поръ, сколько извѣстно, никому, кромѣ Ярника, не пришло на мысль воспользоваться, какъ должно, пособіями, для этого издавна приготовленными!... *) Не потому ли, что время параллельныхъ грамматикъ уже прошло, и что, по близкому сходству Славянскихъ нарѣчій, параллельная грамматика представляется трудомъ, не стоющимъ времени, какое на него будетъ потрачено?..

*) Умалчиваю о трудѣ огромномъ, но еще не вышедшемъ въ свѣтъ, бывшаго профессора Славянской филологіи въ Бреславскомъ университетѣ, В. В. *Челяковскаго*; умалчиваю, потому что, будучи знакомъ съ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собраннымъ этимъ даровитымъ и трудолюбивымъ ученымъ, не знаю въ подробности, какой характеръ получитъ этотъ трудъ при окончательной обдѣлкѣ. Можетъ быть, это будетъ и опытъ сравнительной грамматики Славянской.

Есть такіе труды, есть книги въ родѣ Slawischer Sprachen-Atlas. A. *Фрöлиха* *); но онѣ полезны развѣ потому, что всякое грамматическое начертаніе языка, какъ бы ни было слабо, можетъ быть полезно тому, кто его не знаетъ. Можно бы, кажется, ожидать несравненно болѣе цѣнныхъ.

Вѣроятно, съ такою мыслію предпринялъ г. В. *Полевой* свой опытъ Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ, котораго начало вышло недавно въ Дерптѣ. Считаемъ излишнимъ, до выхода цѣлаго сочиненія, входить въ подробности сужденія о немъ. Замѣтимъ только, что оно, будучи составляемо, повидимому, съ цѣлію практическою, ограничивается въ кругу важнѣйшихъ фактовъ о четырехъ избранныхъ нарѣчіяхъ и не входитъ ни въ объясненія одного нарѣчія другимъ, ни въ общія объясненія характера Славянскаго языка со стороны его разнообразнаго проявленія въ нарѣчіяхъ. Выразимъ еще желаніе, чтобы авторъ, для болѣе успѣшнаго продолженія своего труда, могъ пользоваться бо́льшимъ запасомъ пособій, достойныхъ нашего времени.

---

*) Кромѣ этого заглавія, книжка г. Фрёлиха носитъ еще заглавіе: Kurzgefasste tabellarisch bearbeitete Anleitung zur schnellen Erlernung der vier Slawischen Hauptsprachen. Ein Leitfaden, um in kurzer Zeit sich die böhmische, polnische, ilirische und russische Sprache vergleichungsweise eigen zu machen. Wien. 1847. (8° 151). Упоминаю объ этой книгѣ, потому что она продается въ нашихъ книжныхъ лавкахъ.

III.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Возобновленіе древняго обычая составлять этнографическія карты въ наше время было слѣдствіемъ всюду пробудившейся любви къ изслѣдованіямъ народностей. Первые опыты этнографическихъ картъ Европейскихъ земель появились, кажется, у насъ, въ Россіи, гдѣ самое разнообразіе инородцевъ могло скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, навести вопросъ о томъ, гдѣ они живутъ, гдѣ какіе составляютъ главную массу народонаселенія и гдѣ какіе утратили свой перевѣсъ надъ Русскими. Первые опыты были впрочемъ очень несовершенны, по самой трудности собрать вѣрныя данныя. Послѣ этихъ первыхъ опытовъ прежде всѣхъ пришла мысль составить этнографическую карту Россіи знаменитому члену Императорской Академіи Наукъ, Ординарному Академику *П. И. Кеппену*. Съ давнихъ лѣтъ онъ сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ, для этого необходимыхъ, умѣлъ пользоваться путешествіями другихъ и своими собственными, и подробностями статистическими, и разсказами людей бывалыхъ и мѣстныхъ наблюдателей; но, заботясь о вѣрности и отчетливости, медлилъ окончательною обдѣлкой своего огромнаго труда. Между тѣмъ *П. П. Шафарикъ*, продолжая свои работы надъ географическимъ обозрѣніемъ Славянскихъ нарѣчій, занялся также собираніемъ матеріаловъ этого рода, и, имѣя въ виду

только одно племя, не заботясь о подробности касательно мѣстностей, занимаемыхъ другими племенами, если только онѣ не касаются границъ племени Славянскаго, успѣлъ привести свой трудъ къ окончанію довольно скоро. Его «Slovanský zemĕvid» вышелъ въ Прагѣ въ 1842 году, какъ приложеніе къ книгѣ «Slovanský národopis», въ очень стѣсненномъ масштабѣ 110 верстъ на англійскомъ дюймѣ. Ограничивая западный край своей карты меридіанами устій Эльбы и Венеціи, онъ занялъ на ней болѣе $^5/_8$ пространства землями Европейской Россіи, и слѣдовательно въ нѣкоторой степени осуществилъ мысль, занимавшую тогда неутомимую изыскательность П. И. Кеппена. Впрочемъ, сколько ни былъ полезенъ прекрасный опытъ Шафарика, сколько ни былъ важенъ, какъ пособіе для филолога Славянскаго, онъ не могъ вполнѣ удовлетворить нуждамъ филологіи и этнографіи Русской: Шафарику не было возможности ни войти во всѣ подробности, изъ которыхъ многія притомъ выходили за предѣлъ цѣли его труда, ни избѣгнуть ошибокъ, неопреодолимыхъ и для многихъ Русскихъ изслѣдователей этого рода, не только для иноземныхъ. И скорѣе надобно удивляться искусству, съ какимъ Шафарикъ умѣлъ избѣгнуть ошибокъ и дать мѣсто подробностямъ, которыхъ отъ него нельзя было требовать, чѣмъ охуждать его трудъ. Не менѣе недостатковъ представляетъ и восточная половина карты Берггауза «Ethnographische Karte von Europa» (Gotha 1847), вошедшая въ составъ его Physikalischer Atlas (N° 5—8), не говоря уже о помѣщенной тамъ же этнографической картѣ Россіи: «Ethnographische Karte des Russischen Reiches» (N°13), по величинѣ своей цѣнной развѣ для учениковъ географіи. Вслѣдъ за картами Шафарика и Берггауза вышло нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ*) а трудъ П. И. Кеппена

*) Къ числу такихъ отношу и свою лингвистическую карту, представленную въ 1848 году въ Русское географическое

между тѣмъ все шелъ впередъ. Въ послѣдніе годы, обогатившись, при помощи Академіи Наукъ, Русскаго Географическаго Общества и мѣстныхъ начальствъ, огромнымъ множествомъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній, онъ сталъ наносить ихъ на Спеціальную карту Западной Россіи г. Шуберта и на столистовую карту, и потомъ съ нея переводить на четырехлистовую карту, которой составленіе поручено было ему Географическимъ Обществомъ. Въ концѣ прошедшаго 1850 года довершилъ онъ свое монументальное произведеніе для Академіи, а теперь издалъ и четырехлистовую карту, подъ названіемъ:

«Этнографическая карта Европейской Россіи», составленная *Петромъ Кеппеномъ*. Издана Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. СПб. 1851.

Четыре листа карты П. И. Кеппена представляютъ Европейскую Россію въ масштабѣ 75 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Западный край ея ограничивается меридіанами Висби, Варшавы и Базарджика, а восточный — меридіанами устій Пура, Тобольска и пр. Представляя въ главныхъ чертахъ направленіе горъ и довольно подробно водную сѣть, также границы губерній и уѣздовъ, карта указываетъ положеніе всѣхъ городовъ и мѣстечекъ и многихъ селеній, замѣчая послѣднія съ особенною подробностью тамъ, гдѣ это нужно для этнографической цѣли. Все пространство, занятое народомъ Русскимъ и Поляками, гдѣ они не жители новыхъ колоній, осталось на картѣ бѣлымъ; все остальное пространство покрыто различными красками, всего 38-ю, въ томъ числѣ и колоніи Поляковъ, Сербовъ, Болгаръ. Обращая вниманіе только на инородцевъ, авторъ не имѣлъ нуж-

Общество, и Карту Южно-Русскаго нарѣчія, представленную мною въ то же Общество въ 1851 году. Не смотря на нѣкоторыя частныя исправленія ошибокъ и нѣкоторыя подробности, любопытныя для лингвиста и опущенныя въ другихъ картахъ, эти слабые опыты мои должны быть, послѣ труда П. И. Кеппена, во многомъ передѣланы и исправлены.

ды показать на картѣ ни границу, по которой сходятся народонаселеніе Польское (не въ колоніяхъ) и Русское, ни границъ Русскихъ нарѣчій, и т. п.; зато поселенія чужеродцевъ въ каждомъ краѣ обрисованы такъ тщательно, что нельзя не удивляться огромности труда — одного нанесенія на карту уже подобранныхъ матеріаловъ, не говоря о трудѣ предшествовавшемъ, о предварительномъ подборѣ матеріала. Если же изумителенъ трудъ П. И. Кеппена, когда глядимъ на него въ четырехлистовой картѣ; то что̀ сказать объ Этнографическомъ атласѣ, котораго экземпляръ хранится въ Императорской Академіи Наукъ? Это превосходное твореніе, чрезвычайно важное во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ отношеніи къ Русской филологіи, достойно общей признательности.

Для филолога, не теряющаго изъ виду вопросовъ, этнографическихъ, книжка объясненій карты любопытна не менѣе самой карты. Въ дополненіе къ тому, что было сказано прежде извлекаемъ изъ этой книжки нѣсколько данныхъ, болѣе любопытныхъ.

Вмѣстѣ съ господствующимъ народонаселеніемъ Рускимъ живутъ въ областяхъ Европейской Россіи около 8,500,000 не-Русскихъ. Часть этого количества составляютъ новые поселенцы; гораздо бо̀льшую часть — туземцы, или старинные и древніе поселенцы, каковы напр. народы Финскіе и Татарскіе. Разсматривая инородцевъ Европейской Россіи по племенамъ, по степени родства съ Русскими, находимъ слѣдующія данныя:

Изъ *Славянъ* живутъ въ Европейской Россіи: *Поляки* 477,535) преимущественно въ западныхъ губерніяхъ — Кіевской, Волынской, Подольской, Гродненской и пр. (число ихъ не показано въ гг. Ковенской, Минской, Могилевской, и пр.); *Болгары* (77,102) — кромѣ поселенцевъ въ гг. Таврической и Херсонской — въ Бессарабіи (64,736); *Сербы* (1,383) новыми поселеніями на югозападѣ. Всего Славянъ не-Русскихъ въ Европейской Россіи около 620,000.

Литовское племя, обитая на старыхъ своихъ селищахъ, преимущественно въ гг. Витебской, Виленской, Ковенской, Курляндской и Лифляндской, представляется въ числѣ 1,585,000 душъ слишкомъ.

Къ *Германскому* племени принадлежатъ большею частію новые поселенцы: *Нѣмцы* (373,000) и *Шведы* (11,470). Послѣдніе, кромѣ незначительныхъ колоній въ г. Херсонской, живутъ въ краѣ Остзейскомъ (болѣе 5,000) и въ г. С. Петербургской (6,156). Первые же, представляя значительныя старыя колоніи въ Остзейскомъ краѣ (до 100,000) и въ г. С. Петербургской (50,800), живутъ въ большомъ числѣ на югѣ Россіи и въ гг. Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, кромѣ того въ гг. Волынской, Гродненской, Московской, и наконецъ во всѣхъ остальныхъ, хоть и въ очень маломъ числѣ. Всего Германскаго народонаселенія въ Европейской Россіи до 385,000.

Романское племя Волохи (Молдаване, 498,409) живутъ болѣе всего въ Бессарабіи (405,182) и въ г. Херсонской (75,000); остальные въ гг. Подольской и Екатеринославской; *Французы* (205) — въ Бессарабіи. Всего Романцевъ болѣе 500,000.

Греческія колоніи всѣ на югѣ, болѣе всего въ г. Екатеринославской (32,633), составляютъ народонаселеніе въ 46,800 д.

Албанскія колоніи въ Бессарабіи—около 1,350 г.

Сводя въ одно число всѣхъ не-Славянскихъ жителей Индо-Европейскаго происхожденія съ прибавленіемъ къ нимъ Цыганъ (48,247), разбросанныхъ по всѣмъ губерніямъ безъ исключенія, Осетинъ Ставропольскихъ, Персіянъ и пр., получимъ общую круглую цифру: 2,570,000.

Другой отдѣлъ народонаселенія составляютъ Евреи (1,054,407) въ гг. западныхъ и югозападныхъ. *Армяне* (46,773) въ гг. южныхъ, и *Грузины* (1000) тамъ же.

Третій отдѣлъ составляютъ народы Сѣверскіе, занимающіе довольно значительныя пространства на сѣверѣ и востокѣ. Сюда принадлежатъ: *Самоѣды* въ г. Архангельской

(до 4,500), *Лопари*—тамъ же (до 2,300), *Вогулы* въ г. Пермской (872), *Финны*, т. е. *Чудь* (Чудь, Водь, Эсты, Ливы) болѣе всего въ Остзейскомъ краѣ и въ окрестныхъ губерніяхъ (болѣе 655,000) и *Карелы* (Карелы, Эврэмёйсетъ, Савакотъ, Ижоры) почти въ тѣхъ же краяхъ (болѣе 260,000), *Пермяки* (Пермяки, Вотяки, Зыряне, Бесермяне) въ г. Вятской и окрестныхъ (до 310,000), *Волжскіе народы* (Черемисы, Мордва, Чуваши), болѣе всего въ по-Волжскихъ губерніяхъ (болѣе 1,075,000), *Татары* (Татары, Башкиры, Мещеряки, Киргизы) на юго-востокѣ и югѣ, а отчасти и въ другихъ краяхъ (до 1,840,000), *Калмыки* на юговостокѣ (до 120,000), *Трухменцы* въ г. Ставропольской и другихъ (болѣе 7,300), *Бухарцы*, *Хивинцы*. Всѣхъ болѣе 4,275,000.

IV.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ,

изданные П. П. Шафарикомъ.

Сборникъ, изданный П. П. Шафарикомъ подъ общимъ заглавіемъ Památky dřewního písemstwí Jihoslovanův (V Praze. 8°), составился, какъ оговариваетъ самъ издатель, случайно, и напечатанъ какъ часть собранія большаго, приготовляемаго къ печати издавна, и невышедшаго пока въ свѣтъ за недостаткомъ средствъ: это только томъ предварительный (díl předchozí), за которымъ — Богъ дастъ — послѣдуютъ и другіе, не менѣе занимательные для ученыхъ и по содержанію, и по исполненію. Памятники, въ него вошедшіе, не представляютъ всѣ вмѣстѣ взятые ничего цѣльнаго; нѣтъ при нихъ ни подробныхъ объясненій, ни указателей, отложенныхъ до другаго болѣе счастливаго времени. Тѣмъ не менѣе и этотъ предварительный сборникъ достоинъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ между книгами, необходимыми для каждаго филолога Славянскаго — и какъ собраніе драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи языка, народа и литературы, и какъ образецъ работы филологической, представляемый однимъ изъ первыхъ вожатаевъ Славянской науки. Обращая на него вниманіе читателей, остановимся на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ

частяхъ его содержанія; а нѣсколько выписокъ изъ него, вѣроятно не будутъ лишними тѣмъ болѣе, что всѣ экземпляры книги, какъ извѣстилъ насъ самъ П. П. Шафарикъ, уже распроданы.

Памятники, вошедшіе въ сборникъ Шафарика, вообще подходятъ подъ два главные разряда:

Одни изъ нихъ важны преимущественно для того, кто изслѣдуетъ древности литературы Старославянской; таковы:

— Život sv. Konstantina řečeného Cyrilla. Z rukopisu XV století. (стр IV—32).

— Život sv. Methodia. Z rukopisu XVI století (стр. IV—10).

— О письменехъ чрьноризца Храбра, помѣщенное какъ особенное прибавленіе къ Okázkam občanského písemnictví (стр. 69—91).

Всѣ остальные важны преимущественно для того, кто занимается древностями Сербскими; таковы;

— Život sv. Symeona od krále Štěpana. Z rukopisu XIII stoleti (стр. IV—31).

— Život sv. Symeona od sv. Savy. Z rukopisu XVII století (стр. IV—15).

— Okázky občanského písemnictwí (стр. IV—92), Подъ этимъ заглавіемъ напечатано: a). 20 актовъ XII, XIII и XIV вѣка, изъ которыхъ два Болгарскихъ, b) Законникъ Стефана Душана, и c) Краткія лѣтописи Сербскія; а въ особенномъ прибавленіи сочиненіе монаха Храбра.

—

Жизнеописанія Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, изданныя Шафарикомъ, тѣ самыя, которыя извѣстны у насъ подъ названіемъ Паннонскихъ, и съ которыми Русскихъ читателей прежде всѣхъ познакомилъ профессоръ А. В. Горскій въ своемъ превосходномъ изслѣдо-

ваніи, помѣщенномъ въ Москвитянинѣ 1843 года (кн. VI стр. 406—434), гдѣ сообщены были не только подробности содержанія, но и нѣкоторыя мѣста въ дословныхъ выпискахъ.

Паннонское жизнеописаніе Константина Философа найдено уже во многихъ спискахъ. Кромѣ стараго пергаменнаго списка, случайно мною найденнаго, въ отрывкѣ, въ Венгріи, оно извѣстно изъ Великой четьи-минеи Митрополита Макарія, изъ Сборника житій святыхъ Славянскихъ XV вѣка, хранящагося въ Рыльскомъ монастырѣ въ Болгаріи, изъ двухъ Сборниковъ XVI и XVII вѣка, хранящихся въ Львовской Ставропигіальной библіотекѣ и изъ Сборника Ватиканскаго XVI или XVII вѣка. Шафарикъ напечаталъ этотъ важный памятникъ, кромѣ нѣкоторыхъ отклоненій, по списку Рыльскому, впрочемъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ разночтеній другихъ списковъ, и съ прибавленіемъ особеннаго окончанія по списку Львовскому 2-му и Похвалы св. Кириллу Епископа Климента изъ Великой четьи-минеи. Въ Предисловіи и въ Примѣчаніяхъ высказалъ Шафарикъ нѣсколько мнѣній своихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ.

Въ Предисловіи, касаясь вопроса, кѣмъ написано это Житіе, Шафарикъ рѣшаетъ его предположеніемъ, что его можно всего легче приписать тому же лицу, отъ котораго осталась и Похвала св. Кирилла т. е. ученику его, Клименту Епископу Болгарскому: «Poněvadž pochvalná řeč výslovně jméno biskupa Klimenta, totiž bulharského, jak aspoň ja jistě držím, na čele nese, ne vidím, proč by ne mohl i obšírnější Život od něho byti, ješto teměř obvyklé jest, že život a pochvala od tehož spisovatele pocházejí? Впрочемъ не настаивая на этомъ предположеніи, какъ на фактѣ доказанномъ, Шафарикъ прибавляетъ: «Bud' jak bud', Život naš, na vzdor pozdějším obnovám a vstavkám některých rukopisův, chová v sobě důkazy, že pochází od blizkého svědka všech činův a podjetí sv. Konstantina». Къ числу

таких доказательствъ древности памятника должно, безъ сомнѣнія, отнести и то, что сочинитель Житія называетъ себя ученикомъ Архіепископа Меѳодія: описавъ часть преній Константина съ Жидами Козарскими, онъ замѣчаетъ: «От мно́ога же се мы укращ'ше, въ малѣ положихом селико памети ради. А иже хощетъ съврьшен'ных сих бѣсѣдъ искати стыхъ въ книгахъ его обрѣщетъ ѐ, елико прѣложи оучитель нашъ Архіепкопь Меѳодіе, раздѣлилъ ѐ на ѡсмь словесъ» (такъ по 1-му Львовскому списку, изъ котораго мнѣ случилось сдѣлать выписки).

Разнорѣчія списковъ Житія ясно убѣждаютъ, что оно дошло къ намъ не въ подлинномъ видѣ; разныя вставки и убавки затемнили подлинный составъ — такъ что по крайней мѣрѣ теперь, пока еще не найдено списковъ лучшаго достоинства, еще не возможно опредѣлить, что̀ именно прибавили и убавили позднѣйшіе переписчики. Къ числу такихъ вставокъ профессоръ Горскій, какъ вліяніе Русской мысли, причисляетъ и то замѣчательное мѣсто, въ которомъ упоминается о Русскомъ языкѣ и письмѣ. Шафарикомъ оно напечатано такъ:

И обрѣт же (*Константинъ*) тоу (*въ Херсонѣ*) еуаггеліе и ѱалтирь роушьскыми [1]) писмены писано, и человѣка обрѣть глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ [2]) сь нимь, и силоу рѣчи пріемь, своеи бесѣдѣ прикладае различїи писменъ [3]), гласнаа и съгласнаа, и къ Богоу молитву дрьже [4]), и вскорѣ начетъ чисти и сказовати. И дивлıахоу се [5]) ему, Бога хвалеще.

Не относя этого мѣста къ числу вставокъ, Шафарикъ понимаетъ его иначе, чѣмъ понимаемъ мы: письмена Русскія, по его мнѣнію, не Славянскія, а Готѳскія, Варяго-

1) Въ Львов. сп. I: *росьскы*(ми); въ Моск. сп. *русскыми*.
2) Въ Моск. сп. *бесѣдова*.
3) Въ Моск. сп. *различная письмена*.
4) Въ Моск. сп. *творя*.
5) Въ Моск. сп. *и мнози ся ему дивляху*.

Русскія. Къ сожалѣнію, онъ не высказалъ основаній своего взгляда, и этимъ заставляетъ сомнѣваться въ его справедливости. Такъ и мнѣ бы казалось, что если подъ именемъ письменъ разумѣть здѣсь не буквы, а языкъ, то ни какъ не Германскій, а какое нибудь изъ Славянскихъ нарѣчій. Будь этотъ Руській языкъ не Славянское нарѣчіе, а какое нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго разу вступить въ разговоръ съ Русскимъ, и «принять силу рѣчи» съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ — съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить предположеніе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ Славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное, доказываемое правильностію словосочиненія и словоизмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній Евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ Русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій Нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то и природнымъ языкомъ Константина надобно считать Нѣмецкій, — или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, выраженія: «своеи бесѣдѣ прикладае, различии письменъ гласная и сьгласнаа».

Болѣе другихъ обиленъ вставками списокъ Львовскій 2-й. Такъ въ немъ въ статьѣ о крещеніи Славянъ Моравскихъ читаемъ:

— Ростиславъ бо и Стополкъ князѣ Моравский и Туровский и всей Россіи, Бгомъ наустими быша, совѣтъ сотвориша со князи своими Моравскими и пр.

а въ припискѣ:

— Яко же нѣции препираются о сложеніи буквъ иже сложилъ стый Кириллъ во языкъ Словенскій не во Цариградѣ, но камось на иномъ мѣстѣ, лжа есть, а не истина; но въ Цариградѣ близу стыхъ Аплъ церкви. И

тому прежде дано кто просивъ; а не кто иный напреди испросилъ, толико князіе Русскіе. Имена имъ сія: Ростиславъ Моравскій, Святополкъ Туровскій: и Коцлянъ Князь Панонскій помощникъ имъ бысть. На тое время былъ царь Михаилъ во Цариградѣ, а патриархъ не именуе. Яко же свѣдительствуетъ кондакіонъ его: на сѣверѣ на югѣ и на западѣ конечно.

Нельзя впрочемъ считать нелюбопытными и неважными всѣхъ отклоненій этого списка. Такъ и Шафарикъ счелъ нужнымъ выписать изъ этого списка статьи о дѣлахъ Меѳодія по кончинѣ брата и похвалу двумъ братьямъ первоучителямъ. Къ числу такихъ любопытныхъ отклоненій должно, кажется, отнести и сказаніе о дѣяніяхъ Константина по отходѣ его изъ Моравіи. Передавая обстоятельства отхода согласно съ другими списками, этотъ списокъ прибавляетъ, что Константинъ «ят ся пути ко царствующему граду», т. е. къ Цареграду, и въ слѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что онъ содѣйствовалъ къ освобожденію девятисотъ плѣнныхъ, продолжаетъ такъ:

— Сам же иде путемъ радуяся со ученики своими, да явит цреви и патриарху отъ плода труда своего. Но идущу ему путемъ княз Панонскій Коцлянъ со своими боляры чест ему велию сътворь, и возлюбив велми книги Словенскые, и научися от него учениковь до тридесят, и мимо провождь его, и даяше ему много богатства, онъ же не хотяше. Егда же прихождаше ко Цариграду, тамо же ему во срѣтеніе патриархъ со причтомъ своимъ и съ боляри сотвориша, дошед до царя, велію чест прият. И сѣде на своем сѣдалищу малое время и пакы на благовѣстіе утверждается на Словенскые страны.... даже до Рыма....

Въ это-то *второе* путешествіе по Славянскимъ землямъ былъ Константинъ и въ Венеціи, гдѣ спорилъ съ защитниками треязычной ереси, и оттуда пошелъ въ Римъ, гдѣ и

скончался. — Теперь привыкли всѣ помнить, что Константинъ отъ Паннонскаго князя Коцеля пошелъ прямо въ Венецію и потомъ въ Римъ, такъ что послѣ отхода въ Моравію уже не возвращался въ Константинополь. Упоминаніе очень поздняго списка Житія о возвращеніи Константина въ Константинополь и второмъ путешествіи въ земли Славянъ можетъ всякому легко казаться вставкою позднѣйшаго передѣлывателя. Впрочемъ въ спискѣ мѣсто это представляется вставкою не нечаянной, а преднамѣренной (судя по предварительному упоминанію о намѣреніи Константина возвратиться въ царствующій градъ), — и во всякомъ случаѣ любопытно даже какъ легенда. При этомъ можемъ замѣтить, что сочинитель Житія Меѳодія повторяетъ тотъ же фактъ, хотя и въ выраженіяхъ менѣе опредѣленныхъ:

— И тремъ лѣтωмъ *) исшедшемъ възвратиста ся (св. братья) изъ Моравы, оученикы наоучиша (у Шаф. стр. 4).

Изъ чтеній избранныхъ Шафарикомъ любопытны:

— Вьсѣдь же въ корабль поути се кть Козарьскаго на Меωтьское езеро и Капійскаа врата Кьавькаискыихъ горъ. Капійскаа врата (по сп. Рыль. и Моск.) вмѣсто Каспійскаꙗ, какъ прочелъ проф. Горскій (и какъ дѣйствительно находится въ спискахъ Львовскихъ): Шафарикъ думаетъ, что здѣсь должно разумѣть врата Пантикапейскія водныя (Panticapaeum, иначе Bosporus), а не горныя Кавказскія.

— Мы же народь много знаемь, книгы оумѣюще, и Богоу славоу вьздающе кьждо своимь езыкомь. Ꙗвѣ же соуть си: армены, перси, авазгы, ивери, соугды, готѳи, обри, турьси, козари, аравлꙗне, егѵпты и ины мнωѕи. Вмѣсто готѳи, обри, тоурьси (какъ въ Рыль. сп.) въ Львов. 2. гоѳы, обти, турси; въ Моск. сп. готфи, обреи,

*) Такъ и въ Ватиканскомъ спискѣ Житія Кирилла. Въ другихъ спискахъ: 40 мѣсяць, т. е. три года и три мѣсяца.

турси; въ хронографѣ Румянц. только сурѣ. Шафарикъ думаетъ, что въ подлинникѣ было: готеи ти ръси, т. е. Готѳы и Варяго-Русы въ Тавридѣ и на Азовскомъ заливѣ.

Что касается до Жизнеописанія Меѳодія, то оно извѣстно только по одному списку, открытому проф. Горскимъ, и съ этого списка напечатано Шафарикомъ съ небольшими измѣненіями, къ которымъ принудили его отступленія переписчика отъ подлиннаго смысла. Подобно проф. Горскому Шафарикъ считаетъ и этотъ памятникъ очень древнимъ. По его мнѣнію, онъ написанъ въ землѣ, признающей духовную власть Рима, но не въ Моравіи, а въ княжествѣ князя Паннонскаго Коцеля, не долго спустя послѣ смерти св. Меѳодія, еще до окончательнаго паденія государства Моравскаго, кѣмъ нибудь признававшимъ себя ученикомъ Меѳодія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣлые переходы отъ предмета къ предмету, обширное вступленіе при очевидныхъ пропускахъ въ серединѣ и т. п. признаки свидѣтельствуютъ, какъ полагаетъ Шафарикъ, что сохранившійся списокъ его есть только сокращеніе, извлеченіе изъ болѣе пространнаго житія. Съ этимъ мнѣніемъ знатока древностей Славянскихъ согласится конечно, всякій, кто внимательно прочтетъ Житіе Меѳодія. Такъ тотъ, кто захочетъ искать въ немъ доказательствъ его современности съ вѣкомъ Меѳодія, найдетъ ихъ въ слѣдующихъ строкахъ:

— Въ слѣдъ за введеніемъ, Житіе начинается такъ: Богъ милостивыи, иже хощетъ, да бы вслкъ человѣкъ спасенъ былъ и въ разоумъ истинныи пришелъ, въ наша лѣта языка ради нашего, о немъ же ся николиже никтоже попеклъ, на добрыи чинъ въздвиже нашего оучителл, блаженнаго Меѳодіа *).

*) Это напоминаетъ и выраженіе Храбра: чловѣколюбьць Богъ строяи всѣ, и не оставлѣя чловѣча рода безъ разоума, нѫ вься къ разоумоу приводя и спасенію, помиловавъ родъ Словѣнскъ, посла имъ св. Константина философа.

— Описывая, какъ Папа послалъ Меѳодія къ Моравамъ, жизнеописатель приводитъ и эпистолію Папы (см. у Горскаго, стр. 426—427), которая, если не есть дословно вѣрный переводъ съ подлинника, то вполнѣ вѣрна понятіямъ Римскимъ *).

— Въ слѣдъ за утвержденіемъ Меѳодія въ Моравіи — говоритъ жизнеописатель — «велми начатъ рости божіе оученіе, и стрижници множитися во всѣхъ градѣхъ, и поганіи вѣровати въ истинньи Богъ, своихъ бляди отметающе ся. Тольми паче — прибавляетъ онъ — и Моравьска ѡбласть пространити(ся) начатъ (во) вся страны, и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшеніемъ, ꙗко и сами повѣдають присно». Это могло быть писано только до паденія Моравіи подъ власть Мадьяръ и Нѣмцевъ.

— Начиная расказъ о враждованьяхъ Нѣмецкаго духовенства противъ Меѳодія, жизнеописатель говоритъ: «Старый врагъ въздвиже сердце **) Моравьскаго короля на насъ съ всѣми епископы».

— Сѧтеніе, воздвигнутое гонителями Меѳодія, дало жизнеописателю случай привести отзывъ Папы, подтверждающій правовѣріе Меѳодія. Уже проф. Горскій замѣтилъ, что этотъ отзывъ во многихъ чертахъ буквально согласенъ съ тѣмъ, что сохранилось въ Латинскомъ письмѣ Папы къ Святополку.

— Оканчивая слово, жизнеописатель пишетъ: — Ты же свыше, святаа и честнаа главо, молитвами своими призирая и на ны, желающая тебе, избавлꙗи ѡтъ всякоя напасти оученики своя и оученіе пространꙗя, и ереси прогоня, да достойно званіа нашего живше здѣ станемъ с тобою,

*) Въ жизнеописаніи Константина, по Львовскому списку 2-му, есть тоже эпистолія въ этомъ мѣстѣ, но другая — менѣе отзывающаяся современностью (у Шафарика, стр. 25).

**) За словомъ *сердце* стоитъ слово *врагоу:* я щитаю его лишнимъ, портящимъ смыслъ.

новое стадо, ѡ десноую страноу Христа Бога нашего, вѣчноую жизнь пріемлюще ѡтъ него. Томоу бо есть слава и честь во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Въ томъ же убѣждаютъ и подробности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, переданныхъ въ Житіи съ тѣмъ же простодушіемъ, съ какимъ передавались они нашими лѣтописцами. Таковъ напр. расказъ о кончинѣ Меѳодія. Въ томъ же убѣждаетъ и сходство показаній Житія съ показаніями другихъ древнихъ свидѣтельствъ, напр. Пролога XIII вѣка и т. п.

Съ тѣмъ вмѣстѣ неупоминаніе о многихъ обстоятельствахъ, неровность повѣствованія, слога и языка служатъ свидѣтельствомъ, что это Житіе Меѳодія подверглось перемѣнамъ отъ позднѣйшихъ передѣлывателей.

—

Отъвѣти о письменехъ чрьноризца Храбра были изданы у насъ уже многими. Отъ изданій XVII и XVIII вѣка никто, безъ сомнѣнія, не будетъ ждать достоинствъ филологическихъ. Новыя же изданія важны отчасти и по критическимъ примѣчаніямъ и указаніямъ разночтеній, и по тому, что каждое изъ нихъ представляло до сихъ поръ тотъ или другой замѣчательный списокъ статьи Храбра въ вѣрномъ отпечаткѣ. Таковы изданія: списка Синодальнаго 1348 года К. Калайдовича (въ его изслѣдованіи объ Іоаннѣ Экзархѣ. 1824. стр. 189—192), списка Бреславскаго XV вѣка проф. О. М. Бодянскаго (въ разсужденіи помѣщенномъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. XXXVIII т. Отд. II стр. 147—157), списка Савинскаго (въ моемъ изслѣдованіи о древнихъ письменахъ Славянскихъ. стр. 11—24), списка Московскаго Академическаго С. П. Палаузова (въ его сочиненіи: Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона. 1852. стр. 120—123). Шафарикъ пользуясь изданіемъ Калайдовича и отчасти нѣкоторыми изъ списковъ, представилъ въ своемъ сборникѣ статью Храбра — въ улучшенномъ видѣ — ve zdokonalené podobě. Такое изданіе, безъ сомнѣнія, очень важно, можно сказать — необходимо; но едва ли

можетъ быть совершенно полезно безъ подробныхъ объясненій, почему именно издатель принялъ то или другое чтеніе того или другаго мѣста, почему предпочиталъ одни списки другимъ, почему предпочелъ правописаніе не древнее, тогда какъ въ спискахъ остаются слѣды древняго, и т. п. Между разнорѣчіями списковъ есть и любопытныя; напр.:

— У Шафарика напечатано: (Словѣне) Римьсками и Грьчьскыми письмены нѫждаахѫсѧ писати Словѣньскѫ рѣчь безъ оустроениа. Въ Савин. сп.: Римьскыми и Грьчьскыми письмены нѫждахѫсѧ, Словеньска бо рѣчь бѣ безъ оустроениꙗ.

— У Шаф. два раза: и тако бѣшѧ многа лѣта. Въ Сав. оба раза: и тако бѣше многа лѣта.

— У Шаф.: Сеже сѫть писмена Словеньскаа, сице а подобаеть писати и глаголати: а, б, в, г, и прочаꙗ даже до ѧ. и ѡтъ сихъ четыры междоу десѧтьма подобна Грьчьскымъ писменемъ. сѫть же сиа (слѣдуютъ буквы). а четыри на десѧть по Словѣньскꙋ ѧзыкоу, иже сѫть сиа (слѣдуютъ буквы). Въ Савинскомъ сп. нѣтъ общаго перечня буквъ, а прямо: Се же сѫть Словеньскаꙗ письмена, иже подобна сѫть Грьчьскымъ письменемъ и пр.

— У Шаф.: ни то аггели. Въ Савин. и М. Акад.: нити (нитого) апостоли.

— У Шаф.: Еллинѡмъ граматикиѫ, философиѫ — въ вин. пад. Въ Савин. сп. употребленъ имен. падежъ такъ же, какъ и въ другихъ частяхъ предложенія, въ которомъ подразумѣвается управляющій глаголъ: ксть.

— У Шаф.: А Словѣньскыѧ книгы единъ св. Кѡстантинъ... и писмена сотвори и книги прѣложи. Въ Савин. сп.: Словѣномъ кдинъ св. Костантинъ... и письмена нынѣ сътвори и кънигы прѣложи. и пр.

Древность намятника, подтверждаемая между прочимъ и словомъ *нынѣ*, во фразѣ только что приведенной, и выраженіемъ: «сѫт бѡ ѥще живи, иже сѫть видѣли их» (т. е.

Кирилла и Меѳодія), находящемся въ Московскомъ Академическомъ спискѣ, заставляетъ цѣнить его какъ драгоцѣнность, и слѣдовательно обращать вниманіе на всякое слово и выраженіе, не опуская изъ виду вопроса, что̀ именно принадлежитъ подлиннику Храбра и что̀ прибавлено послѣдующими переписчиками. Съ другой стороны не менѣе важенъ вопросъ о томъ, что̀ именно сказалъ Храбръ какъ современный свидѣтель, и чѣмъ пользовался для доказательства своихъ убѣжденій, какъ ученый *). На все это

*) Стоитъ по этому сравнить сказаніе Храбра съ другими подобными статьями среднихъ вѣковъ. Вотъ для примѣра мѣсто изъ рукописи Парижской библіотеки конца XI вѣка (Ms. du Roi № 5239):

Primus omnium litteras ante diluvium invenisse Enoch dicitur, et post diluvium Cham, filius Noae. Deinde Abraham Syrorum et Chaldeorum linguas invenit. Postea vero in monte Synai Moyses, ubi lex constituta est, invenit digito Dei scriptas. Litterae enim graecae et latinae ab Hebraeis videntur exortae. Apud illos enim prius dictum est *Aleph*; deinde ex simili annuntiatione apud Graecos tractum ets *Alpha*, indeque apud Latitos A: translator enim de simili sono alterius linguae litera(m) condidit ut nosse possimus linguam Hebraeam omnium linguarum et litterarum esse matrem. Sed Hebraei viginti duo elementa litterarum secundum veteris testamenti libros utuntur. (Слѣдуетъ азбука Еврейская). Graecas litteras Cahtmus e Phoenice, Agenoris filius, primus invenit decem et septem. Palamedes tres adjecit; post quem Simonides alias tres adnexuit; Pythagoras Samius unam; quae in summa viginti quatuor consistunt; cum quibus verba orationum componunt. Sunt que omnes ad numeros habiles componendos, cum adjectis nonnulis caracteribus ut ad millesimum numerum pervenire queant. (Слѣдуетъ таблица цифръ Греческихъ). Latinas litteras Carmentis nympha, Evandri mater, quae alio nomine Nicostrata dicebatur, invenisse perhibetur et in Italia primum attulisse; Carmentis autem dicta quia carminibus futura canebat. Quaeque ad numeros apud antiquos conficiendos habiles aestimabantur, sed modernis temporibus, paucis assumptis, nostrum numerum conficimus. (Слѣдуетъ таблица Римскихъ цифръ). Aethicus philosophus et cosmographus litterarum karacteres quos adinvenit, ita ut infra notatum est, distinxit; quosque beatae memoriae Hieronymus presbyther, una cum libro suo cosmographo, Latinis tradere curavit; non ut illos imitaremur in scripturis nostris, sed ut sciremus industriam indagationis illius qui illos adinvenit. (Слѣдуетъ азбука съ особенными названіями: *alam*, *betha*, *cathai* и пр.). Haec etenim litterarum figurae in gente Nortmannorum feruntur primitus inventae. Quibus ob carminum eorum memoriam et incantationem uti adhuc dicuntur. Quibus et rimstafes nomen imposuerunt, ob id, ut reor, quod iis res absconditas vicissim scriptitando aperiebant (*Dumeril*. De l'origine des runes. стр. 63 и 72).

мало еще обращали вниманія, и потому то, вѣроятно, не одинаково оцѣняли свидѣтельство Храбра. Такъ напр. достойный нашъ корреспондентъ проф. В. И. Григоровичъ, вѣроятно, не считаетъ важнымъ сказанія Храбра о томъ что Константинъ философъ, при составленіи азбуки Славянской, воспользовался Греческою, прибавивъ къ 24 буквамъ Греческимъ еще 14 особенныхъ: это видно изъ недавно выраженнаго имъ убѣжденія, что Константиномъ философомъ составлена не та азбука, которую обыкновенно называютъ кирилловскою, а глаголическая, въ которой Греческихъ буквъ очень мало.

II.

Въ числѣ памятниковъ этого Сборника, относящихся преимущественно въ древностямъ Сербскимъ, есть нѣсколько изданныхъ въ первый разъ. Таковы: Житія св. Симеона, четыре грамоты Сербскія, двѣ Болгарскія и нѣкоторыя изъ Сербскихъ лѣтописей.

Отмѣтя изъ числа двадцати грамотъ, изданныхъ Шафарикомъ, только шесть, я имѣлъ въ виду сборникъ, изданный Ефремомъ Обреновичемъ, братомъ бывшаго князя Сербскаго Милоша, подъ названіемъ: «Србскіи споменницы или старе рисовулѣ, дипломе» и пр. (У Бѣограду. 1840. 8°: 336 *), гдѣ уже напечатаны остальные четырнадцать, именно:

*) Къ нѣкоторымъ экземплярамъ этой книги прибавленъ «Додатакъ къ Србскимъ споменницыма, или кратко землописаніе о Босни, сочинѣно трудомъ Павла К. Тврткoвића» (стр. XXIII). Имя Тврткoвића стоитъ и на заглавномъ листѣ этой книги: «собрани трудомъ Павла Карано-Тврткoвића». Трудъ Г. Тврткoвића состоялъ впрочемъ только въ томъ, что онъ перенесъ уже готовый рукописный сборникъ съ береговъ Адріатики въ Бѣлградъ и передалъ для напечатанія Г. Обреновичу: Додатокъ составленъ отъ его имени достойнымъ литераторомъ Сербскимъ I. Хаджичемъ.

у Шаф. С. I.	въ Спом. №	11.		у Шаф. С. XII.	въ Спом. №	6.
— IV.	—	1.		— XIII.	—	9.
— VI.	—	5.		— XIV.	—	8.
— VIII.	—	4.		— XV.	—	12.
— IX.	—	2.		— XVI.	—	16.
— X.	—	3.		— XVII.	—	19.
— XI.	—	7.		— XVIII.	—	20.

Въ Споменицахъ и эти грамоты такъ же какъ и всѣ другія напечатаны со списка, передававшаго подлинное написаніе вѣрно. Полной довѣренности къ этому изданію мѣшаютъ почти исключительно однѣ опечатки, недосмотрѣнныя Бѣлградскимъ корректоромъ. Въ изданіи Шафарика опечатокъ почти совершенно нѣтъ; но списокъ, съ котораго печатано, былъ другой, и потому есть отличія въ чтеніи. Для того, кто хочетъ изучать эти грамоты подробно, необходимы оба изданія.

Изъ числа этихъ грамотъ особенно любопытна по древности грамота Босенскаго бана Кулина 1189 года (Шаф VI. Спом. I). Такъ какъ подлинникъ этой грамоты хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ, такъ что иностранные издатели могли имѣть подъ рукою только списки, и какъ оба издателя прочли ее не совершенно одинаково, то я долгомъ считаю напечатать ее здѣсь, не отступая отъ подлинника ни въ чемъ кромѣ формы буквъ и только въ Латинскомъ текстѣ замѣняя сокращенія полнымъ чтеніемъ:

⁜ In nomine patris et filii et spiritu sancti amen. Ego banus Culjnus Bosne juro comitj Geruasio et omnibus Raguseis rectum amicum fore perpetuo et rectam uobiscum pacem manutenere. et amicitjam ueram. et omnes Raguseos per totam terram nostram ambulantes mercantes. seu habitantes vel transeuntes. recta fide et conscientja uera recipere absque ulla datjone. nisi quis suam per voluntatem mihi donum dare uoluerit. et aput nos dum fuerint

manutenere et consiljum eis prebere ut nostre persone ad nostrum posse absque fraude et malo ingenio sic me deus adjuet et hec sancta IIII-or euangelja.

✠ ȣ име ѡца и сна: и стаго дха ѣ банъ: Босьньски Кȣлинь: присезаю тебѣ кнеже Крьвашȣ: и вьсѣмь граѣамь Дȣбровьчамь: прави: приѣтель: быти вамь ѿь селѣ: и до вѣка: и правь гои дрьжати сь вами: и правȣ: вѣрȣ: доколэ сьмь живы вь си Дȣбровьчане: кире ходе: по моемȣ владанию: трьгȣюке годѣ си кто: хоке: крѣвати: годѣ си кто мине: правовь вѣровь: и правымь срьдьцемь: дрьжати е: безь вьсакое зледи: развѣ що ми кто: да своевь воловь поклонь: и да имь не бȣде: ѿь мокхь: чьстьниковь : силе: и доколѣ: ȣ мне бȣдȣ: дати имъ сьвѣть: и помокь: какоре: и себѣ: коликоре моге: безь вьсега зьлога примысла: тако ми бже помагаи: и сие сто еваньгелие. ѣ Радое: диѣкъ банъ: писахь сию: книгȣ: повеловь бановь: ѿь рожьства хва тисȣка и сьто: и ѡсмьдесеть: и деветь: лѣть: мѣсеца: авьгȣста: ȣ дьвадесети: и деветы: днь: ȣсѣчение главе: иѡвана крьстителя. ⁘

Представляя собою одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ формы грамотъ Сербскихъ и одинъ изъ любопытныхъ фактовъ торговаго значенія Дубровника (Рагузы) въ средніе вѣка въ земляхъ Юго-славянскихъ, эта грамота важна и въ отношеніи къ исторіи языка, какъ доказательство ранняго отклоненія Сербскаго нарѣчія отъ своихъ древнихъ формъ, при удержаніи однако нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Это отклоненіе выразилось: — смѣшеніемъ согласныхъ мягкихъ съ твердыми, что видно и въ исключительномъ употребленіи *ь*, и въ постановленіи *и* вмѣсто *ы* (*босьньски*, *кире*, *дьвадесети* и *девети* днь), и въ написаніи *ą* и *o* безъ

предъидущаго знака смягченія (вьсак, вол*овь*, повел*овь* ба*новь*, крьстит*ела*); употребленіемъ родит. муж. един. на *ога* = *ега* (а = ъ = о: зьлога, вьсега); употребленіемъ 3-го лица глаголовъ безъ окончательнаго *ть* (хоке, мине, бꙋде, да, — ходе). и т. д. Съ другой стороны удержаніе древнихъ формъ отразилось: въ незамѣненіи древняго глухаго звука чистымъ звукомъ *а*, какъ это обычно теперь (босьньски, вьсѣмь, сьмь, чьстьниковь), при сохраненіи *ь* тамъ, гдѣ оно требовалось древнимъ выговоромъ, и гдѣ теперь уже не выговаривается (вьсак, зьло, сьто, дьва); въ незамѣненіи окончательнаго *ик* краткимъ к (владанию); въ удержаніи безчленной формы существительныхъ, которыя въ послѣдствіи приняли членную форму *анъ*, а потомъ двусложную *анинъ* (*граћамь Дꙋбровьчамь*, какъ и въ грамотѣ 1280 г., вмѣсто *грађанам Дꙋбровьчанам*, — а ниже *Дꙋбровьчане*), и т. д. Отъ слова *Дꙋбровьчь* произошло прилагательное *Дꙋбровьчьски*, употребляемое постоянно въ грамотахъ Сербскихъ. Вниманіе заслуживаютъ: именительный един. муж. на е (радое), родительный множ. муж. на *овь* = *евь*) вмѣсто употребительнаго нынѣ *а* = *ах* (чьстьниковь); творительный един. жен. на *овь* = *евь* вмѣсто общеупотребительнаго *омъ* = *емъ* (правовь вѣровь, своевь воловь). Съ этимъ окончаніемъ творит. жен. на *вь* сравнивается именит. муж. на *вь* вмѣсто *и*: азь Николавь Тонисто Кнезь Дꙋбровьчьски. 1238.

Между словами, встрѣтившимися въ грамотѣ бана Кулина замѣчательны:

— *Гои* — въ значеніи миръ: правь гои дрьжати сь вами и правꙋ вѣрꙋ—rectam vobiscum pacem manutenere et amicitjam ueram. Въ этомъ смыслѣ слово *гои* мнѣ не встрѣтилось въ древнихъ памятникахъ. Есть только собственное имя *Гоиславъ*, можетъ быть, однозначительное съ *Мирославъ*.

— *Вѣра* — въ значеніи дружбы (amicitja), дружественнаго обязательства. (Ниже: правовь вѣровь — recta fide. Срав: сь правовь вѣромь. 1239). Сьврьшенѣ бꙋдꙋки вашѣи

вѣрѣ и любьви. 1234. И на мою вѣрȣ на кралвȣ да се ни ȣ чемь не потвори. 1280.

— *Крѣвати* — въ значеніи обитать, жить: годѣ си кто хоке крѣвати — uel habitantes.

— *Годѣ:* годѣ си кто хоке — куда бы кто ни захотѣлъ; годѣ си кто мине — куда бы кто ни пришелъ. Искати правинъ врьхь кога годе чловѣка. 1253. кьто годе нашь. 1239. Гдѣ да си стане. 1253. Да имь нѣ ȣдаве ȣ комь годѣ дльгȣ. 1254.

— *Зледь:* безь вьсакое зледи — absque ulla datjone. Безь все хабе и зледи. 1216—1231. Да не къто зли людье оуложе злеть. 1253.

— *Поклонъ* — даръ, дарственное приношеніе, donum.

— *Чьстьникъ* — чиновникъ. Въ Латинскомъ текстѣ опущено все выраженіе: и да имь не бȣде ѡдь моихь чьстьниковь силе.

— *Примыслъ* — умыслъ: безь вьсега злога примысла — absque fraude et malo ingenio.

— *Дiякъ бань* — дьякъ, секретарь банскій.

— *Книга* — письмо, грамота. Да не пошлѣ ни книга ни слѣ. 1243. Твое свето царьство за ихъ пошлеть свое книге. 1253. ѣко е писано вь старихъ книгахь брѣвелеги. 1253. И ꙗ поставлꙗю мою печать на сики книзѣ. 1268.

— *Повелꙗ* — приказаніе.

Изъ шести грамотъ, напечатанныхъ Шафарикомъ въ первый разъ, первое мѣсто по древности занимаетъ отрывокъ, напечатанный подъ č. II: письмо стертое и съ трудомъ разбираемоеноситъ на себѣ признаки глубокой древности (nese znaky nejhlubšího stáří). Вотъ этотъ отрывокъ буква въ букву по изданію Шафарика:

вовикь. пилипь печенѣжикь. тоудьрь мачадасикь. жоунь сьтражьва. доумь матѣо лоучикь. матѣша радосьлавикь. марьтинь сочибабикь. жоурьгь которанинь. калоудьрица оть врьтоломѣѣ. пальма пикоуларевикь. роусинь болесьлавикь. пилипь мовьрѣшикь. марьтоо кѣлиникь. петрь

пикулоревикь. дьрагоунь моистрь. вьл... жань гоулѣревикь. коленьда нат(е)рь лом(ьп)рьдѣ (на трьломь брьдѣ?). тоудьрь растикь. доумь томаш кроуновикь. дьмитрь тихосьлвикь. ѣков кашица. опатица ѡть семиюна. мала сесьт(р)а врьсаика кьки. богьдань пижиновикь. миха гамо. бальде грьгоуровикь. поуськь беньчоуликь. ѣковица чикьлина. пакьрать маньдеровикь. вьласи расьтикь. бисьти гатальд.

Кромѣ собственныхъ именъ тутъ случились: доумь — господинъ, don; калоудьрица — монахиня; брьдо (?) — гора; опатица—настоятельница; мала сесьтра—послушница; кьки — дочь. Изъ формъ словныхъ отмѣтить можно: кашица — фамильное названіе; ѣковица — жена якова.

Остальныя три Сербскія грамоты, изданныя Шафарикомъ въ первый разъ, болѣе замѣчательны по содержанію. Грамота Симеона мниха бывшаго жупана монастырю Хиландарскому (1198— 1199) любопытна между прочимъ по упоминанію о возобновленіи этого монастыря: «Изидохь изь ѡтьчьства своего вь Светѹю горѹ и ѡбрѣтохь монастырь нѣколи бывьши, зовомы Хиландарь... идѣ же не бѣ камень осталь на камени, нѹ развалень ѡдьинѹдь, и потрудивь старость свою, посьпѣшествѹющѹ ми сынѹ ми велиемѹ жѹпанѹ Стѣфанѹ, сьподоби ме владика мои быты емѹ кьтиторѹ, и чести его погибьшее вьзискахъ и ѡбновихь и по изволению владычице Богородице». Грамота Стефана короля Жичскому монастырю (1222 — 1228) любопытна и по внѣшней формѣ: она написана на стѣнахъ храма и хоть была подновляема, но не утратила характера древности. Грамота царицы Евфиміи (1389 — 1392) есть надпись на покровѣ тѣла св. Лазаря, вышитая золотомъ по шелку: она заключаетъ въ себѣ моленіе вдовы къ почившему супругу, причтенному къ святымъ.

Въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ Шафарикъ напечаталъ грамоту Болгарскую, отнеся ее къ времени перваго Асеня 1186—1196. Грамота эта извѣстна мнѣ въ подлинникѣ, который хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ: она пи-

сана не на пергаминѣ, какъ отмѣчено у Шафарика, а на бумагѣ, и вовсе не имѣетъ и не имѣла отмѣтки времени, когда писана. Вотъ она, по моему чтенію съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія:

✝ дава црмии: ωриз'мω си: хωрѣ всеи Дѫбрωвнишстѣи любωвнымъ (в)севѣрнымъ гω(стемъ)
црмии. да ѩдȣ хωдатъ пω всеи хωрѣ црмии: с кȣпліѫ каквѫ (ли)бω: или нωсѫ^т или женѫ
или кȣпиѫ каквѫ либω нωсѧ^т: и дω кωѩ либо землѣ или хωры дωидѫ: или дω Бъдынѣ. или Бра
ничьва и Бѣлграда дωидѫ^т: или дω Трънωва и по всемȣ Загωриȣ... (и)л(и) дω (П)рѣслав(а)
или Карвȣнъскыѣ хωры придѫ^т: или Кръстѣи хорѣ: или Бωрȣис(тѣ)и: или вω Дри^н и в Димωт
или в Скωпьскѫѫ хωрѫ: или Прилѣ(п)скѫѫ: или в Дѣвωлскѫѫ хωрѫ· или в землѧ Арба
наскѫѫ: или в Сωлȣнъ: идѫтъ: пω всадȣ: да си кȣпωваѫ: и продаваѫтъ: свωбω
нω. бесъ всѣкωѫ пакωсти: да не имаѫ(т)ъ пω всѣхъ хωра^х црмии и г(ра)дωвѣхъ: и клисȣрахъ
запрѣтениа: н(ѫ) да си хωда^т и кȣпȣѫтъ. и продаваѫтъ бес печѣли ѣ(к)ω и всевѣрнии.
(лю)бωвнии гωсте црмии: ктω ли имъ спакωсти: ѿтом либω: или на клисȣрѣ: или на фω
рωсѣхъ. или гд(ѣ) л(и)бω прѣзъ зако^н: о кȣмерки тω^г да е вѣстъ: тωи е прωтивникъ црмии:
и милωсти не щѣ (и)мѣти (н)ѫ велик(ѫ)... ме ωргиѫ патитъ... ми. ✝

✝ АСѢН(Ъ) ЦР· Б)ЛЪГАР)Ш(М). И ГРЪКОМІ ✝

Нѣсколько объясненій для нѣкоторыхъ изъ читателей, вѣроятно, не будутъ лишними.

— црҍми = царство ми — моя царская власть, мое царское величество. Свето ти царство да дрьжи нашь стари законь. 1253. изнесе прѣдъ царьство ми архимѫдрить. 1259.

— ѡризмо — указъ. (ὅρισμα — опредѣленіе, приказаніе; ὡρίζω — опредѣляю, утверждаю). Кто ли прѣстѫпитъ сіе ѡрїзмо господства ми, то таковыи да есть проклятъ. 1406. Кто не би послꙋшанъ ѡ҆ризму господства ми, та ихъ би бантовалъ, такови хощетъ ꙋмрети. 1458.

— любовныи — любезный. ѡбещава се црҍва ми любовнимъ властелѡм. 1358. любовьномꙋ ми приѣтелꙋ кнезꙋ жанъ кꙋрин8. 1248.

— хора — округъ, приходъ (χωρίον = χωριὸν — деревня, χωριάτης — мужикъ, поселянинъ; ’σ τήνμέσην ’ς τὸ Κεράσσοβον καὶ ’ς τὴν Καινούριαν χῶραν: Нов. Греч. пѣсня). Блгр. *хорани* — поселяне; *хора* — народъ, ὁ λαὸς (хора та, кои то сѣдѧха въ тамнина. Матѳ. IV: 16. перев. Сапунова). От работники...посилаемых... по хωрах и по градовѣх. 1259.

— пакость — вредъ, зло. Да си кꙋпꙋють и продають своботьно вь прѣписанехъ 'землахъ безъ пакости. 1253. Аколи имь хокете кою пакость ꙋчинити и чькетꙋ. 1240.

— кꙋпиꙗ, кꙋплꙗ — товаръ. Да си кꙋпꙋють и продають вьсакꙋ кꙋпью. 1253. Да имъ се кꙋплиꙗ ꙋзме. 1253.

— клисꙋра — крѣпость, замокъ (= Н. Греч. κλεισοῦρα. Др. κλεισωρεία — горный зáмокъ отъ κλειῶ и ὄρος).

— печѣль = печаль — забота. Да нѣмамо печали 1254. Да не има ни ѿ кога ни ѥдне печале. 1256. Да вы ѥ отворена землꙗ моѣ 8 всѣхъ вашихъ печалехъ. 1236.

— спакостити — сдѣлать вредъ, зло. Ако кто прибегне ѿь васъ 8 зм҆8 кралевьств8 ми да не исьпакости вамь ни что. 1254. кьте да имь пакостимо колико можемъ. 1253. — Кто Ктѡ ли имъ спакѡсти ѿтѡм либѡ: здѣсь вмѣсто тѡм едвали не нужно читать щѡм (отъ що = што — что).

— форосъ — базаръ, торгъ (= Н. Греч. φόρος).

— прѣзь законъ — противъ закона. Аще кто сватвицȣ прѣзь законь (прѣзаконь) оузме. 1222 — 1228. Прѣзь законь нищо да мȣ се не ȣзметь. Да нѣсть волнъ господарь презь законь ничто сътворити. Зак. Душ.

— кȣмерекъ — мыто, таможенная пошлина (=Н. Греч. κουμέρκιον). Да имъ се не везметь кȣмерекъ. Законь, коие есть ѡдь кȣмерекь сольски, да дрьже свето ти царство. 1253. Кȣмерька аке постави кралевство ми, да стои ȣ законѣ ѿчинѣ ми. 1254.

— милость. Всакомȣ створи милть кралвьство ми. 1254.

— ѡргиа — гнѣвъ (= ὀργή). Хощеть ȣмрети въ ѡргіѫ господства ми. 1441. пріѫти ѡргіѫ. 1458.

— патити — терпѣть, претерпѣвать. (= Н. Греч. παθαίνω. ср. πάθος — страданіе, болѣзнь).

Упрочивая за купцами Дубровника право свободной торговли, эта грамота важна въ историческомъ отношеніи какъ памятникъ, представляющій пространство Болгарскаго царства—если и не въ XII вѣкѣ, то въ XIII, при Асѣнѣ II: города и округи, въ ней упоминаемые, доказываютъ ясно, какъ широко были раскинуты границы Болгаріи. *Бдынь*— Видинъ на Дунаѣ (Βιδινις, Βυδινη). *Браничово* — Браничево на Дунаѣ близь устья Млавы, гдѣ теперь развалины Браничевца и Костельца (Βρανιτζοβα, древ. Viminacium). *Бѣлградъ* на Дунаѣ въ Сербіи. *Трьново* — столица царства Болгарскаго въ XIII в. *Загорие* (Шаф. Древ. 619). *Прѣславъ* — Преславъ = Прѣслава, Переяславецъ князя Святослава (Περθλαβα, Περιθλαβα, древ. Marcianopolis). *Крьнская хора* (Κρουνος, древ. Dionisiopolis). *Дринъ*—Адріанополь, по Болгарски Дрьнополье=Дрѣнополье. *Димоть* — Демотика въ Македоніи (Διδιμοτειχος). *Скопская хора* — округъ города Скопья на Вардарѣ (Срб. Скопие), упомянутаго въ грамотѣ 1259 — 1278 подъ именемъ Скопскаго града. *Прилѣпская хора* — округъ города Прилѣпа = Прилипа въ Македоніи (Πριλαπος). *Дѣвольская хора* — округъ Дѣволя = Дяволя въ

Македонія (Δεαβολις=Διαβολις). *Арбанаская земля*—Албанія. *Солунъ*—Θессалоника въ Македоніи.—Права, данныя этой грамотой, подтверждаются грамотой 1253 года: Да бȣдеть чистое приѣтельство и съврьшение чистою любьве, еже било исьпрьва междȣ светого и прѣславнога царьства вьсе земле Бьлгарске и Грьчьске Іωваномъ Ѡсѣномъ и междȣ ωпькиномъ славьнога града нашего Дюбровьника, ѣко сȣ жили вь правьдȣ и любовь и вь истинȣ, да повеке растеть и плоть исьнесеть.

Не менѣе замѣчательна эта грамота и какъ памятникъ Болгарскаго нарѣчія. Она древнѣе всѣхъ доселѣ напечатанныхъ (см. упоминаніе о грамотѣ 1193 года въ Очеркѣ путешествія В. И. Григоровича, стр. 71), и сохраняетъ въ себѣ слѣды языка, который въ сравненіи съ нынѣшнимъ Болгарскимъ нарѣчіемъ нельзя не назвать древнимъ, хотя и въ немъ есть уже рѣзкіе отпечатки начала разрушенія древнихъ формъ.

— Носовые звуки отличены, но уже не вездѣ правильно: ѭдȣ, *повсѧдȣ*, *вь земѧ*, вмѣсто ѭдȣ, *повьсѭдȣ*, *вь земѭ*; *бесь всѣкоѫ покωсти* вмѣсто *бесь всѣкоѭ пакости; Прѧслава* вмѣсто *Прѣслава* ?); *до коѧ земь*, *до Каревньскыѧ хωры* вмѣсто *до коѩ земѧ*, *до Каревньскыѩ хоры*; ь употребляется и вмѣсто ь; окончаніе 3-го лица *ть* (*ть*) часто опущено (*женѫ*, *дωидѫ*, *кȣповаѫ*, *спакости*, *е* =*есть*); формы глаголовъ смѣшаны (употреблено *кȣпȣѫть* и *кȣповаѫть*, а *продаваѫть* вмѣсто *продаѭть*). Замѣтимъ еще *с кȣплѫ* и *кȣпиѫ*, *запрѣтениѩ* вмѣсто *запрѣщениѩ*. Множество Греческихъ выраженій намекаетъ на вліяніе Грековъ.

По неизвѣстности древнихъ Болгарскихъ грамотъ, къ числу очень замѣчательныхъ памятниковъ должна быть причтена и грамота Константина Асеня, 1259 — 1278, напечатанная Шафарикомъ подъ г. XIX. Она написана на хлопчатобумажномъ листѣ, и по ветхости съ трудомъ читается. Хранится въ монастырѣ Хиландарскомъ. Шафарикъ передалъ все, что можетъ быть разобрано — безъ начала и съ пропусками въ разныхъ мѣстахъ.

....

и къ прочнымъ благ... многимь, иже сьздаше и приложише свѧтыи и православныи царие, се оубо и боголюбнꙗ дѣло брѣгѫщее скровища ы иманиꙗ даати кь свѧтыимь и божьствьныимь црьквамь. ꙗкоже бо и свѧтыи и православныи царие грьчьци ы блъгарьсциы, и жюпани и кнѧзеви и кралые срьбскыѧ землѧ, многооусрьднѫꙗ любовь и попечениѥ имѫще кь свѧтымъ божьствьнымъ црьквамь, такожде и царьство ми ѡнѣмь благовѣрныимъ и свѧтымъ царемъ прѣде мене бывшиихъ поревновахъ дары неоскѫдныя ызливати и ѡбогащати ихь. сшьдшю царьствоу ми вь долнѫꙗ землѧ, ѡбрѣте царьство ми манастирь великомѧченика христова георгіꙗ горга, сьздана романомъ свѧтыимъ царемъ на брьдѣ вирпинѣ прѣмо скопии града надъ серѣвѧ, и наводомъ иноплеменникь агарѣнь изгоубывша вса правила своꙗ и метохѧ своѩ, падша до ѡснованиꙗ, и пакы свѧтымъ кирь алеѯиѥмъ царемъ създанна и въздвиженна и прославленна, и мнозѣми свѧтыми и правовѣрными цари подарованна и покрѣпленна. изнесе прѣдь царьство ми архимѫдрить чьстнаго храма того варлаамь и хрисовоулѧ свѧтыихь и правовѣрныихь цареи прѣжде мене бывшиихь, и кралеи, и свѧтаго романа царѣ, диѡгена царѣ, свѧтаго петра царѣ, кирь никифора царѣ, и прочиихь, и стара кирь алеѯиꙗ царѣ, калоіѡана царѣ, кирманоила царѣ, кир тодора царѣ, кир исакѣ царѣ, свѧтаго симеѡна неманѧ, дѣда царьства ми, ватацѣ царѣ, калимана царѣ. любезно царьство ми приѥмь и прочете, непотворих ни прѣврѣдих, но исправивъ и крѣпчаише оутвердыхъ, паче всѣхъ цареи и кралеи выше писанных. людѥ, кои сѧ ѡбрѣтаѭть вь градѣ скопскомъ, свѧтаго и великославнаго великомѫченика христова геѡргиꙗ горга и побѣдоносца въ бранехъ, да неработаѫть вь царинѧ никоѭ работѫ, ни да даваѭть никоѭ приплатѫ, ни да метеха с ними ни севаст ни прахторъ ни кнѧзь

ни кастрофилакь ни ватах ни топщикаль, ни сѫдити, ни свѧзати, ни глобѫ възати, ни кои доходокь. и начелником стоуденецъ ·пе· и сливъщица ѡт извора еѫ, и панагир ·и· ноемврꙗ. вь сиих ѡбластех да се неприкасакть никои владѫщи, ни инъ никто. кто ли дрьзнет и прикоснеть се, да сѧ кажет гнѣвом царьства ми, и да бѫде невѣрень царьствоу ми. село дьвигдо сь селомъ дльбицѫ, и сь чрѣшѡвены, съ винограды, с нивиѥмь, сь жрьньками и с пашищи, сь планинами и сь забѣлы и съ всѣми правинами прѣжде законными их. а синори селъ тѣхъ ѡт чрьногорѫ, како слази долчецъ на дльбицѫ, та на могилѫ, на мраморъ на крьстенъ и низъ ѣль на боутелскы пѫть, та прѣс кавиꙗ ново брьдо, како идеть пѫт кь рамици и на выс оу ставъ на роудинѣ, та на дромъ, кои иде на ѳилопигада, от брьда того на бѣлы камы, та вьз дѣлъ на дльга полѣна, та на градище до чрьного каменѣ. село побѫжда сь винограды, сь нивиѥмь, сь жрьнками и съ пашищи, сь всѣми правинами и прѣжде законными их. село когьдово и село дльбица и село раѡче сь всѣми правинами ихъ. село глоумово сь метохом, съ винограды, с нивиѥмъ, съ жрънками и сь всѣми правинами. село...... сь метохомь, сь винограды, сь нивиѥмъ и сь всѣми правинами и прѣжде законными их. село здуна въ г...ѣ сь засѣлкы тѣми, сь близньском, сь мокросѣки и сь голѣмымь подомъ и сь поповѣни, сь винограды, с нивиѥмь, сь жрьньками, сь зимовищи, съ лѣтовищи, съ планинами, сь ловищем звѣрнымъ и сь забѣлы, сь всѣми правинами и прѣжде законными их. село соушица сь поповиꙗни, сь селом, сь винограды, с нивиѥмъ. сь планинами и съ всѣми правинами их. село радечница съ поповꙗни, съ винограды, сь нивиѥмъ и съ всѣми правинами их. село бродь, а в немъ метохъ мати божиꙗ ипискеѱис, с нивиѥмъ, съ винограды, съ жрънками, съ ливадами, сь лѣтовищи, сь зимовищи, съ броднинами, съ мостнинами,

съ ловищемъ звѣрным и рыбнымъ и сь трьгомъ и с панагиремь, иже стаетъ ·и· септемврѣ, и всакѫ недѣлꙗ трьгъ, и съ доходком трьга тога, и всѣми правинами и прѣжде законными их. а синоръ бродоу починаетъ ѡт градища вь станни доль, на плѣшъ, на козиꙗ стѣнѫ, та на пещецъ, на пажити, на бѣлково торъ, на шипковицѫ, на виница, на орлицѫ, на василево селище, вьс хрид на калаваръ, на гладила, на дериче, отъ кичавѫ до тоудорова дола. и вь прилѣпскои области село крѫпа власы, и въ нем метохъ сватъ, дарованноє романомъ царемъ, съ нивиємь, сь млины, сь забѣлы, сь лѣтовищи, сь зимовищи, сь планинами и сь всѣми правинами и прѣжде законными ихъ. а синоръ моу ѡт оушча на градище горне, на драгонова црьквѫ, на чрьвено градище, на крьстъ, по хридоу на мохнатецъ и вьс хридъ до сѫдища надъ тиховецъ, на дѣдино ѡсоє, на голѣми камы, на вильскы кладезь, междю ѡба еленѣ, на прѣслопъ, по хридоу гори елена.... здуна, соушица, градечница.... скомъ и сь ба....... паричка, рекѫще продалика, да неметеха ни кто.... прикасати ни продати ......ѣка ни нивѫ ни винограды. въ положкои ѡбласти село рѣчици, и то дарованное сватымъ романомъ царємъ сватомоу георгїю, с винограды, с нивиємь, сь жрьнками, сь периволми, съ сѣнокоси, сь забѣлы, сь планинами, сь ловищемъ звѣрнымь и съ всѣми доходкы и сь всѣми правинами. и да неметеха ни кои кефалиꙗ, ни котори владалецъ царьства ми, ни владалци господьствоуѭщих по царьствоу ми, да неима вьлѣсти въ село рѣчице, ни сѫдити, ни свазати, ни глобѫ взѧти, ни кои доходъкъ възати. всаки .... да си взима црьквїꙗ. а синоры селоу томоу от извора рѣчицкѫꙗ рѣкѫ на деснѡ въз до.... зъ бол.... никъ надъ долъ.... и по ровчища, та междоу прѣслопъ и междоу ѡгражденникь прѣдъ водѫ на изворъ.......... рѣкѫ.......... и низь рѣкѫ до кѫдока, та...... изь брьдо на краи

.... на стоуденецъ, та на глъбокы долъ и от глъбок..... от в(е)черна странѫ прѣзь лѫгъ прѣко великѫ рѣкѫ, та низь великѫ до хтетовскѫ браздѫ .... и въ горнемь полозѣ.............. село баници сь нивиѥмъ, съ винограды, съ жрьнками...... ми правинами. село........ съ планинѫ рекомѫѭ мраморъ и съ всѣми правинами. село нахо..... сь нивиѥмь, ливадами, сь ловищи....... и сь всѣми правинами. село таворь, градище и с полемь.... сь ливадами, сь езеромъ блатнимъ, сь ловищи звѣрными и рыбными и сь всѣми правинами. село бистрица вь бабоунѣ сь пашищи...... (съ лѣто) вищи сь зимовищи и сь всѣми правинами. село.................. село дѫбница сь ракы........ катоунь сь нивиемь, сь ливадами............ село раны лѫгь..... и сь всѣми правинами. село витино и бинечо сь всѣми....... ихъ. та вса при..... царьство ми..... оутврьждениꙗ и записаныꙗ прѣжде мене бывшиих святых и правовѣрных цареи и кралеи. и царьство ми тѣмь вь слѣд.... мола сѧ и припадаѩ, просаще.... помощь от..... христова геωргиꙗ горга и вь бранех побѣдоносца, и приложих сватѣи црькви ѥго село........ ревъ..... рωманом......... іωанωмь злато....... и сь всѣми..... и заселкы, сь винограды, с нивиѥмь, сь периволми..... еь забѣлы, с ловищи рыбными и звѣрными и сь планинами, сь всѣми правинами тожде законными их. и еще приложи царьство ми село калоугеровьнѫ сь винограды, сь нивиѥмь, сь забѣлы и сь всѣми правинами. и еще приложи царьство ми въ златиц....... геωргне, де бѫде сь сѣдещи игоу..................... жоупъ................. ла сѫди ни кои владалецъ по дрьжавах царьства ми, ни да пода......... на мои...... сватаго геωргиꙗ, нь ω всакомъ дльгоу да сѫди игоуменъ настоѫщии, и сь игоуменовѣмь ωтроком да сѧ вьзима всакы дльгъ. кто ли се наиде сѫдивь чловѣкоу сватаго геωргиꙗ посилиемь, и

ѡтрока давъ.......го, или съвезавь безъ игоуменова сѫда, бѫди на немь клатва божіа и сватых правовѣрных цареи, и да плати димосию ... златиць, и да...... иже са ѡпадаеть дроугь дроуга прѣдъ владалци, или поткѫ ж..... да невзима на црьковномь чло(вѣцѣ) владѫщи, развѣ да взима црьква на своимь си чловѣцѣ..... да нѣсть людемь сватаго геѡргиꙗ поповы. поповіаномь, иже са ѡбрѣтаꙗѫть под властиꙗѫ сватаго геѡргиꙗ, да неметеха ни кои епискоупь, ни доходковь вьзати, ни запрѣщениꙗ поставити на ерѣхь, та .... епискоупоу помѣнь. а еѯарха то и всак.... доходъкъ свꙗщеникы, то все да е црькви сватомоу георгиоу. да неметеха...... ти вь села и метохи епискоупь...... вьзати ни екзархь ни протопапа.. доходкы црькви даровaне. есть а на водоу и ищѡ пара(?) егова истина, враждѫ, разбои и конскѫ враждѫ да си вьзима црьква на своих си людех. и тиꙗ вражды да са невьзимаѫть на селѣхь, развѣ на исцих, и тѡ сѫдомь. приселица да неплащаꙗѫть метохиꙗѫ сватаго геѡргиꙗ, ни волоберщинѫ, ни .... димина. аще кто .... метохие сватаго геѡргиꙗ оу коемь либо селѣ безь архимадритова прошениꙗ, и вь планины, или пашища или сь забѣлѫ, или вь ловища рыбна или звѣрна, или лѣсъ и дрѣвоу сѣщи вь црьковномь брьдѣ, или воденица поставити на црьковнои водѣ, коꙗ тече ѡт црьков..... извода......... прѣзь црьковнѫѫ земиꙗѫ или нивѫ поѡравь безъ игоуменова благословениꙗ, клатва божиꙗ на нем и сватаго геѡргиꙗ и сватых правовѣрных цареи и кралеи выше писаных, и да са продасть вь демосіѫ ·ѕ· перперь. сиꙗ вса дарованнаꙗ сватыми правовѣрными цари и кралы выше писанными и приложениꙗ царьства ми.................. ѡт прочих властель оу помѣнь т.......... дрьжить сваты георгие .... побѣдоносецъ, и вь настоѫщии чьстныи архимадрити обꙗвленким сего хрисовоула. понеже да.......

царьство ми ходатаꙗ и помощника вь всакых напастех и ратех. а от работникь царьства ми .... посилаемых по вса времена по хорах и по градовѣх .... да не .... севасты..... кастрофилак, ни прахтори ..... ни кнѧзь .... ни топщикаль, ни винарь, ни комись сь коньми..... страторь..... ни изгор..... град..... подохаторь (похадаторь?) .... ни ѱарь, ни десеткарь пчельни, ни свини.........ни кошарщинѣ......... волоберщинѣ, ни наметка житна ни винна ни мадна, ни .... град зидати, ни сл...... ни темница блюсти, ни орати, ни копати виноградь .... ни жати .... ни вьзати чловѣкоу сватаго геѡргиꙗ ...... ни мостиниѫ, ни чловѣка .... царьства ми, или кто лоубо бѫде ѡт сѫродникь царьства ми, мола неразори ...... хрисовоула ...... и понавлѣти и потврьждати сь оусрьдикмь .... аще ли се кто ѡбрѣщ.......... (наважде)ниемь диаволымь прѣстоупити сиꙗ повелѣнаа .... хрисовоула, томоу да есть сѫпер богъ и прѣчистаꙗ ..... его .... и сваты геѡргие .... да моу есть сьпостать, зде и на страшнѣмь сѫдѣ...... .... лѣто ҂ѕѱ҃....

Костадинь вь христа бога благовѣрныи царь и самодрьжець бльгаромъ асѣнь.

Въ числѣ Сербскихъ памятниковъ напечатанъ Шафарикомъ и Законникъ Стефана Душана по древнѣйшему изъ списковъ, доселѣ найденныхъ, 1391 года. До сихъ поръ можно было изучать этотъ важный памятникъ только по изданію г. Кухарскаго (Древнѣйш. памятники Славян. законодательства. Варш. 1838. стр. 92—226), не совсѣмъ исправному, хотя и очень удобному (потому что къ подлиннику приложенъ переводъ и объясненія). Теперь съ помощію изданія Шафарика можно выразумѣть его вполнѣ во всѣхъ отношеніяхъ — хотя и не безъ труда, потому что въ Сборникѣ Шафарика и этотъ памятникъ напечатанъ безъ всякихъ примѣчаній. —

V.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЛѢТОПИСЯХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

Благодаря усердію нашего трудолюбиваго и ученаго сочлена, *Я. И.* Бередникова, сѣверныя лѣтописи наши сдѣлались доступны всѣмъ изслѣдователямъ древностей Русскаго быта и языка; въ III томѣ Полнаго Собранія Лѣтописей помѣщена Первая, Вторая и Третья Новгородская, въ IV-мъ Четвертая Новгородская и Первая Псковская, въ V-мъ Вторая Псковская и первая часть Первой Софійской, въ VI-мъ помѣщается вторая часть Первой Софійской и Вторая Софійская; любопытныя и разнообразныя замѣчанія, приложенныя редакторомъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, во многомъ облегчили разумѣніе текста. Вникая въ составъ и языкъ этихъ важныхъ памятниковъ, наши ученые уже начали высказывать свои наблюденія надъ ними не только случайно, по поводу тѣхъ и другихъ историческихъ и филологическихъ вопросовъ, но и съ цѣлію исключительнаго объясненія самыхъ лѣтописей. Таковъ трудъ г. *Прозоровскаго* о первомъ писателѣ Первой Новгородской лѣтописи; (см. Жур. Мин. Нар. Просв. 1852. Іюль). Таковъ трудъ г. *Лавровскаго* «О языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей», только что вышедшій. Нѣсколько подобныхъ готовятся къ скорому вы-

ходу. Принимая живое участіе въ нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ, я считаю нелишнимъ съ своей стороны обратить вниманіе читателей какъ на эти труды, такъ и на нѣкоторые изъ вопросовъ, которые представляются изслѣдователю сѣверныхъ памятниковъ нашей лѣтописной дѣятельности, — и по поводу выхода книги г. Лавровскаго, остановлюсь пока на двухъ: на вопросѣ о древности Новгородскихъ лѣтописей и на вопросѣ о древнемъ лѣтописномъ языкѣ Новгородскомъ. Г. Лавровскій касается только втораго изъ этихъ вопросовъ *); но едва ли онъ можетъ быть поставленъ въ безукоризненно ясномъ свѣтѣ безъ предварительнаго уясненія перваго вопроса. Съ этимъ согласится, конечно, всякій, кто вспомнитъ, что древнѣйшіе изъ списковъ нашихъ лѣтописей относятся къ XIV или много что къ концу XIII вѣка, и что въ нихъ не всегда можно ожидать дословнаго повторенія сказаній болѣе древнихъ, такъ же какъ въ спискахъ XVI—XVII вѣка дословнаго повторенія сказаній XIII—XIV вѣка. Притомъ же сказанія о событіяхъ древнихъ могли быть прямо сочинены лѣтописцами XIV вѣка и даже позднѣйшими, такъ что искать въ нихъ признаковъ языка древняго столько же было бы напрасно, какъ и въ сочиненіяхъ новыхъ историковъ. Само собою разумѣется, что вопросъ о древности лѣтописей важенъ и для исторіи литературы и исторіи просвѣщенія.

Но вопросъ о древности Новгородскихъ лѣтописей, по стеченію случайностей, не можетъ быть разобранъ во всемъ его объемѣ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашего древняго лѣтописанія — Новгородская лѣтопись I-я, какъ назвалъ ее Я. И. Бередниковъ въ Полномъ Собраніи Русскихъ лѣтопи-

*) Ему посвящаетъ онъ весь первый отдѣлъ своей книги (стр. 24—116), гдѣ разсматриваетъ «отличительныя свойства Русскаго языка древняго», выбирая факты изъ Новгородскихъ лѣтописей и частію изъ актовъ. Нѣсколько данныхъ, сюда же относящихся, помѣщено имъ и въ третьемъ отдѣлѣ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія (стр. 128—138) и въ Заключеніи (стр. 149—156).

сей—представляетъ собою горестный образецъ того, какъ во многомъ зависитъ отъ случая сохраненіе памятниковъ древности. Оба списка этой лѣтописи—и Синодальный харатейный и Академическій — сохранились не только безъ многихъ листовъ, но и безъ начала. Списокъ Синодальный, важный и по древности и по содержанію, начинается съ шестнадцатой тетради, вѣроятно съ 121 листа (судя по тому, что сохранившіяся тетради заключаютъ большею частію по 8 листовъ); на первомъ изъ сохранившихся листовъ оканчивается описаніе 1016 года. Что же было на потерянныхъ листахъ? Отвѣта на это нѣтъ въ Академическомъ спискѣ, въ которомъ та же лѣтопись начинается съ 1077 года. Тѣмъ менѣе можетъ быть найденъ прямой отвѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, отличающихся отъ этой I-й многими чертами. На потерянныхъ листахъ могла помѣститься почти вся лѣтопись Нестора до 1016 года; но утверждать, что она то и была тамъ, нѣтъ никакого повода: если она была переписана до 1016 года, то почему же съ 1016 продолжается не она, а совсѣмъ другая, отличная и по подбору событій, и по изложенію? Если же не она, то какая же другая? Ужели и въ Новгородѣ была составляема о древнѣйшихъ временахъ Руси такая же обширная лѣтопись, какъ и Несторова? Конечно можетъ быть и была, но этого ничѣмъ нельзя доказать: другія лѣтописи или передаютъ событія до 1016 года очень коротко, или повторяютъ Нестора. Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены навсегда. Одного и можетъ быть самого важнаго пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Бередникова, нѣтъ навсегда: другихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи, которые бы помогли разгадать загадку, до сихъ поръ не найдено.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ,

что заключали въ себѣ, можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ.

Одно изъ вспомогательныхъ средствъ для этого есть сравненіе лѣтописи Нестора съ другими, описывающими то же время, сходными съ нею и несходными. Это сравненіе представляетъ слѣдующее:

— 1. Въ лѣтописи Нестора, какъ она извѣстна по древнѣйшимъ спискамъ, которыми воспользовались при ея изданіи Р. Ѳ. Тимковскій и Я. И. Бередниковъ, нѣтъ многихъ изъ данныхъ, которыя заключаются въ другихъ лѣтописяхъ, между прочимъ и въ такихъ, которыя составлены были при ея помощи. Такъ нѣтъ въ ней ни слова о первыхъ годахъ Новагорода: Словѣне сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъименемъ, сдѣлаша градъ и нарьоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла (Соф. I. 83. Ник. 6). Нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ подробностей изъ княженія Рюрика: такъ напр. о возмущеніи Новгородцевъ, въ 6372 — 864, въ которомъ принималъ участіе какой то Вадимъ (можетъ быть, христіанинъ, судя по имени), о наказаніи его и его соучастниковъ, о бѣгствѣ нѣкоторыхъ Новгородцевъ въ 6375—867, въ Кіевъ (Ник. 16). Нѣтъ въ ней подробностей о битвахъ воеводы Игорева съ Угличами въ 6422—916 (Соф. I. 97). Нѣтъ въ ней (тамъ, гдѣ дѣло идетъ о назначеніи Владиміромъ удѣловъ своимъ дѣтямъ), что Судиславу данъ Псковъ, а Станиславу Смоленскъ (Соф. 100), и что въ томъ же 6498 — 990 году Владиміръ построилъ городъ Владиміръ. Нѣтъ и слѣдующаго замѣчательнаго мѣста: — 6499 — 991. Крестився Володимеръ и взя у Фотія Патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепископа Якима Корсунянина, а по инымъ градомъ епископы и попы и діаконы, иже крестиша всю землю Руськую. И бысть радость всюду. И пріиде къ Новугороду архіепископъ Якимъ, и требища [illegible], и Перуна посѣче, и повелѣ вовреща въ Волховъ. [illegible] влечахуть и по калу, [illegible] жезліемъ

и пихающе; и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, горе мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ! и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминають Новгородскыя дѣти! Ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же перенята его. Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перушице, досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь. Плы изъ свѣта некощное. (Соф. I. 121. Новг. II. 121. Новг. III. 207 и пр. Ср. Воскр. 154). Хотя этотъ расказъ и не можетъ быть почитаемъ по своему изложенію первообразнымъ; тѣмъ не менѣе трудно доказать, что онъ составленъ не по источнику древнему, почти современному съ событіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ позволяетъ думать выраженіе о палицѣ Перуна: «ею же и нынѣ безумніи убивающеся утѣху творять бѣсомъ». Это *нынѣ* не было бы не на своемъ мѣстѣ и въ преданіи, даже позднемъ, но только не Новгородскомъ, а въ преданіи тѣхъ людей, которые не близко знали послѣдствія паденія Перуна въ Новѣгородѣ и могли смѣшивать вѣка прошедшихъ событій по незнанію или по равнодушію къ нимъ. Въ такомъ случаѣ пересказъ его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ могъ появиться только какъ выписка изъ другихъ лѣтописей. Но можно-ли считать его дѣйствительной выпискою, занесенною въ Новгородскія лѣтописи? Кажется, что нѣтъ; потому что онъ есть исключительная собственность лѣтописей Новгородскихъ, и уже изъ нихъ перешелъ въ позднія лѣтописи не Новгородскія, (напр. въ Ник. 105. Густ. 258—259). Если же этотъ расказъ записанъ въ Новѣгородѣ, то не позже того времени, когда палица Перуна потеряла для Новгородцевъ все свое значеніе, когда уже она не могла беречься въ Новгородѣ какъ общественное достояніе, безъ чего не могъ быть совершаемъ обрядъ, о которомъ говорится въ [illegible] [illegible] тогда, когда

христіанство и сила вліянія пастырей церкви въ Новгородѣ еще не утвердились, и язычество не совершенно пало.

2. Съ другой стороны въ лѣтописи Нестора есть многое, что относится къ Новгороду и изъ чего только часть входитъ въ составъ лѣтописей Новгородскихъ. Кто не знаетъ, что безъ помощи Нестора не возможно составить общаго перечня Новгородскихъ событій, что большая часть ихъ извѣстна только изъ Нестора? При этомъ можемъ замѣтить, что не смотря на все несходство этихъ лѣтописей Новгородскихъ съ Несторовою, нѣкоторыя изъ мѣстъ въ нихъ очень сходны, какъ будто и въ эту и въ тѣ онѣ выписаны изъ одного общаго источника. Такъ напр. Новгородская II-я, начинаясь 911 годомъ, повторяетъ подъ нимъ дословно то, что читаемъ у Нестора въ томъ же мѣстѣ: «Явися знаменіе велико на западѣ копейнымъ образомъ» (Новг. II. стр. 121. Нест. 13). За тѣмъ, послѣ пересказа преданія о паденіи Перуна въ Новѣгородѣ подъ 991 годомъ, она передаетъ коротко, но тѣми же словами, какъ и у Нестора, свидѣтельство о построеніи крѣпости Кіевской Ярославомъ. «Заложи Ярославъ градъ великій Кіевъ, и Златыя врата постави, и церковь святыя Софіа заложи (Нов. II. 121. Нест. 65). Разница между этими двумя лѣтописями только въ обозначеніи года: у Нестора обозначенъ 6545 — 1037, а въ Новг. II-й 6525—1017 годъ.

Въ I-й Новгородской расказъ о 6524—1016 сходенъ съ Несторовымъ, но есть и важныя отличія: такъ у Нестора Святополкъ «бѣжа въ Ляхы», а въ I-й Новгор: «въ Печенѣгы»; совсѣмъ нѣтъ у Нестора важнаго мѣста: «И нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти ихъ домовь вся», что отнесено въ Соф. къ 6527—1019, съ прибавленіемъ: «и давъ имъ правду и уставъ списавъ грамоту рече: «по сему ходите и держите якоже списахъ вамъ» и т. д. На оборотъ у Нестора есть напр. подробности о войнѣ Брячислава съ Новгородцами и Ярославомъ,

(6529—1021), о заключеніи Судислава (6544—1036) и его освобожденіи (6567 — 1059) о походѣ Володимира на Ямь (6550—1042) о войнахъ Всеслава (6574 и слѣд.), которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ.

3. Позднѣйшіе лѣтописцы наши пользовались очевидно лѣтописью Нестора какъ главнымъ источникомъ, то выписывая изъ него дословно, то сокращая по своему разсказъ его, то дополняя его по другимъ источникамъ, отдѣльно до насъ недошедшимъ. Такова напр. лѣтопись Софійская, III-я Новгородская и т. д. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что показанія этихъ лѣтописей не противорѣчатъ показаніямъ лѣтописи Нестора. Напротивъ того, есть противорѣчія не только въ годахъ, что могло быть даже и по опискѣ, но и въ самомъ содержаніи событій.

Изо всего этого очевидно слѣдуетъ—во первыхъ, что въ одно и тоже время ведены были Русскія лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ различныя, и что Несторъ воспользовался многими изъ этихъ лѣтописей, но не всѣми; — во вторыхъ что въ послѣдствіи за лѣтописью Нестора—потому ли что она была лучше всѣхъ или по какой другой причинѣ— осталось первенство, а другія были употребляемы только какъ пособіе для пополненія сказаній Нестора; — въ третьихъ, что лѣтописцы Новгородскіе даже и поздніе не всѣ знали или хотѣли пользоваться Несторомъ, а держались только своихъ мѣстныхъ записокъ и нерѣдко только коечѣмъ, а не всѣмъ, что должно было имъ показаться умѣстнымъ, если бы всѣ пособія были у нихъ подъ руками. А такъ какъ изъ числа Новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X, то нельзя не заключить, что лѣтописи Новгородскія начинались годами этого отдаленнаго времени и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности. Какія же именно и въ какомъ именно видѣ занесены онѣ были въ первый разъ, это остается загадкой.

Загадкой остается и вопросъ, въ какое время начата была Новгородская лѣтопись въ первый разъ?

Не останавливаясь на немъ, мы перейдемъ къ вопросу не столь трудному: въ какое время ведены были Новгородскія лѣтописи не тѣми, которымъ были извѣстны событія только по преданію, а современниками, самими свидѣтелями этихъ событій? Въ лѣтописяхъ Новгородскихъ находимъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вотъ онъ:

Событія записывались въ Новгородѣ, скоро послѣ того какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI-мъ и даже въ X-мъ.

Вотъ и доказательства, подтверждающія справедливость этого отвѣта.

Событія X — XII вѣка обозначены въ лѣтописяхъ Новгородскихъ большею частію кратко, какъ будто для памяти того, кто ихъ зналъ подробно, безъ объясненій, кто именно были тѣ или другія изъ лицъ въ нихъ участвовавшихъ, съ обозначеніемъ только ихъ именъ, какъ общеизвѣстныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ мелочными подробностями, которыя не могли не быть скоро забыты, если бы удерживались одною памятью. Таковы подробности о цѣнахъ хлѣба и бѣдствіяхъ во время неурожая, о пожарахъ, о построеніи церквей, о поставленіи и кончинѣ князей, епископовъ, игумновъ, посадниковъ, сотниковъ и пр., о битвахъ, мятежахъ, небесныхъ явленіяхъ и пр. Изъ X-го вѣка ихъ очень немного, но, какъ мы видѣли, есть; изъ XI-го ихъ гораздо болѣе; изъ XII-го и т. д. еще болѣе.

Таковы же подробности, еще рѣзче выдающіяся, о дняхъ и даже часахъ событій. Вотъ для примѣра нѣсколько замѣтокъ въ этомъ родѣ изъ XI вѣка.

— 6553—1045. Съгорѣ св. Софія въ суботу на заутрьніи въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15-е (Новг. I). Тоже въ другихъ лѣтописяхъ подъ 6557—1049: Подняласъ церковь святая Софія отъ огня, мѣсяца марта въ 4, въ суботньи день, бывше честно устроена и украшена, а стоявше конець Епи-

скупли улица, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже нынѣ поставилъ Сотко сотникъ церковь св. страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба (Новг. II подъ 6497 *). Ср. Соф. подъ 6557). Трудно разгадать, отъ чего произошла разность показаній въ числѣ мѣсяца; но вѣроятно, что тутъ кроется или описка или дурное чтеніе, напр. въ томъ родѣ, какъ если бы глаголическое ⰳ или ⰳ (г=4) писцомъ незнавшимъ глаголицы, принято было за ıє (=15): въ 6553 году 4-е марта приходилось именно въ суботу; а въ 6557 —въ четвергъ, субота же приходилась не 15-го, а развѣ 16-го марта. Что касается до года, то 6553 долженъ быть предпочтенъ 6557 году, не только по соображеніямъ мартовскихъ суботнихъ чиселъ и указаній лѣтописцевъ, но и потому что въ томъ же 6553 князь Новгородскій Владимиръ Ярославичь заложилъ другую церковь св. Софіи (Нестор. 67. Новг. I. стр. 2. Новг. II. стр. 121. Новг. III. стр. 211).

— 6560—1051. Преставися Володимиръ, сынъ Ярославль, въ Новгородѣ, октября въ 4-е (Новг. I), въ недѣлю, и положенъ бысть въ св. Софіи, юже бѣ самъ создалъ (Новг. II и III. Соф. I) а жилъ 32 лѣта, а княжилъ въ В. Новѣградѣ 18 лѣтъ (Новг. III).

— 6577—1068 мѣсяца октября въ 23 на св. Якова брата Господня въ пятничю въ часъ 6 дни опять приде Все(славъ) къ Новугороду.... а на заутріе обрѣтеся крестъ честныи Володимирь Новѣгородѣ у св. Софіи при епископѣ Ѳедорѣ (Новг. I. Ср. Соф. I. стр. 143, гдѣ о крестѣ прибавлено: обрѣтеся на полатахъ, его же взялъ бѣ князь Всеславъ ратію въ св. Софіи).

— 6605—1097. Слѣпленъ бысть Василько. Въ тоже лѣто зимѣ побѣди Мьстиславъ съ Новгородьци Олга на Кулацьскѣ въ великое говѣніе. Томъ же лѣтѣ на весну погорѣ онъ

*) Ошибка эта въ Пол. Собр. Лѣт. исправлена (вмѣсто 6497 года поставленъ 6553), а произошла отъ того, что обозначенъ годъ не пожара церкви, а ея постройки, который показанъ вездѣ одинаково — 6497—989.

полъ, а 3 день дѣтиньць съгорѣ городъ, и княжу чадь избиша.

Такихъ мелочныхъ замѣтокъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ очень много.

Не менѣе любопытны въ разсматриваемомъ отношеніи и тѣ замѣчанія, въ которыхъ видиѣется личность лѣтописца какъ современника описываемаго события. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

— 6566—1058. Архіепископъ Лука пріа столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть. Дудици же холопу (его оклеветавшему) оскомины бѣша: урѣзаша ему носа и руцѣ отсѣкоша, и сбѣже въ Нѣмци. (Новг. II. Соф. I. Ник. подъ 1057 г.) устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ усѣкоша (Соф. I). Сице же и его лукавымъ совѣтникомъ Козмѣ и Домьяну достойное воздаша по злодѣянію ихъ. (Ник.). Мнѣ кажется, что это событіе почти такъ, какъ оно занесено въ Новг. II. было записано прежде чѣмъ Архіепископъ Лука, оправданный отъ доноса Дудика, въ Кіевѣ, и уже возвращавшійся въ Новгородъ, «преставися октовріа въ 15 день на Копысѣ Нов. III.): иначе бы, кажется, лѣтописецъ не записалъ, что Лука уже «пріа столъ свой». Въ словѣ «оскомины» выразилось личное его негодованіе на злодѣя Дудика и сочувствіе къ наказанію имъ понесенному, такъ же какъ подобное чувство непріязни выразилось и въ лѣтописцѣ Волынскомъ, когда онъ, передавая переговоры Мстислава Володимирскаго съ братомъ Львомъ и съ другими князьями (1289) замѣтилъ страхъ Льва: «сице бо ему не сошла оскомина Телебужины рати» (Ипат. 224). Наказаніе, къ которому приговоренъ былъ Дудикъ, по законамъ церковнымъ, могло быть записано только тогда, когда еще не было забыто современниками.

— 6646—1138 мѣсяця марта въ 9 день на 40 святыхъ бысть громъ велій, яко *слышахомъ* чисто въ истьбѣ сидяще (Новг. I).

— 6652—1144. Постави *мя* попомъ архепископъ св. Нифонтъ. Если это записано не самимъ лѣтописцемъ, а пере-

писчикомъ лѣтописи или ея владѣтелемъ, то все же современникомъ.

— 6653—1145. Стояста 2 недѣли пълнѣ яко искря жгуще теплѣ велми, пережe жатвы; потомъ наиде дъжгь, яко не *видяхомъ* ясна дни ни до зимы, и много бы уимѣ житъ, и сѣна не удѣлаша, а вода бы *больши третьяго лѣта* на ту осень (Новг. I).

— 6664—1156. Преставися архепископъ Нифонтъ априля въ 21. шьлъ бяше Кыеву противу митрополита. Инiи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Софiю пошьлъ Царюграду; и много глаголаху нань, но собѣ на грѣхъ. Семъ бы разумѣти *комуждо насъ*, который епископъ тако украси св. Софiю... *мьню бо*, яко не хотѣ Богъ по грѣхомъ *нашимъ* дати намъ на утѣху троба его, отведе и Кыеву, и тамо преставися (Новг. I.).

6669—1161. Стоя все лѣто ведромъ, и пригорѣ все жито, а на осень уби всю ярь морозъ. Еще же за грѣхы *наша* не то зло оставися, но пакы на зиму ста вся зима тепломъ и дъжгемъ, и громъ бысть, и *купляхомъ* кадку малую по 7 кунъ. О велика скърбь бяше въ людьхъ и нужа! (Новг. I).

6675—1167. На ту же весну заложи Съдко Сытиниць *) церковь камену святую мученику Бориса и Глѣба (Новг. I). Обозначая это, припоминаю то мѣсто, которое выписано выше (6553), гдѣ между прочимъ сказано, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла св. Софiя надъ Волховомъ, поставилъ *нынѣ* Сотко сотникъ церковь. Записка о построенiи церкви Борисоглѣбской въ 1167 году, очевидно, занесено въ лѣтопись подъ 1045 годомъ немного позже 1167 года.

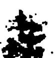
6696—1188. Переставися рабъ Божiй Германъ, iерей св. Якова, зовемыи Воята: служившю ему у св. Iякова полъпятадьсятъ лѣтъ.... Поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошьдъ Пльскова разболѣся, и постриже и владыка

*) Прозванiе Содка Сытиничемъ занесено и въ Новг. II. подъ 6553, несвязною замѣткою: Сотко Сытничь и Сытинѣ. (Новг. II. стр. 122. прим. е).

и въ схиму, и преставися мѣсяця октября въ 13, и положиша и у св. Спаса въ манастыри. Покои Господи душю раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрѣшенія вольная и невольная (Новг. I).

Подобныхъ мѣстъ, гдѣ такъ или иначе выражается личность тѣхъ, кто принялъ участіе въ составѣ лѣтописи, наберется много. Нельзя не считать въ числѣ ихъ и того которое занесено подъ 6738—1230: «Въведоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша; посадиша и въ келія, и разболѣся лежавъ 6 недѣль, и преставися марта въ 15, въ суботу, предъ обѣдьнею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братіею. А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ *и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю* (Новг. I. Синод. сп.), или какъ въ другомъ спискѣ (Акад.): *и мнѣ грѣшному Іоанну попови.* Личность лѣтописца выразилась и тутъ, однако не въ словахъ: «и мнѣ грѣшному». Могъ сказать лѣтописецъ и это; но могъ и не сказать. Если же и сказалъ, то еще ни какъ нельзя утверждать, что онъ то и былъ Тимоѳей пономарь или Іоаннъ попъ. Если онъ и былъ кто нибудь изъ нихъ двухъ, то непремѣнно одинъ только, и ни изъ чего не видно, кто именно, и кто потомъ подставилъ свое имя, когда переписывалъ лѣтопись. А какъ можно допустить, что одинъ изъ этихъ двухъ подставилъ свое имя, переписывая лѣтопись, такъ можно допустить, что и оба они подставили одинъ за другимъ или даже независимо одинъ отъ другаго имя свое вмѣсто имени лѣтописца, когда переписывали лѣтопись. И случиться это могло всегда—въ XIV вѣкѣ также какъ и въ XIII.

Отстраняя такимъ образомъ и попа Іоанна и пономаря Тимоѳея изъ числа несомнѣнныхъ лѣтописцевъ нашихъ, мы впрочемъ ничего не теряемъ. Лѣтописцевъ, бывшихъ на земли Русской было, конечно, гораздо болѣе чѣмъ



сколько есть именъ, несомнѣнно имъ принадлежавшихъ. Если возможно и должно видѣть во многихъ лѣтописныхъ замѣткахъ, не только XI вѣка, но и X-го, что онѣ занесены были въ лѣтопись скоро послѣ событій, и многія такъ, что въ нихъ отразилась личность лѣтописца; то возможно и должно думать, что эти лѣтописцы жили одинъ въ слѣдъ за другимъ или даже и въ одно время, одни въ X — XI вѣкѣ, другіе въ XII, XIII и т. д. Они записывали событія, не заботясь о сохраненіи своего имени, а теперь изъ того, что они написали, не возможно отгадать даже и того, сколько ихъ было, а тѣмъ менѣе, что̀ принадлежитъ каждому, или кто именно они были.

Событія записывались въ Новѣгородѣ скоро послѣ того какъ случились—не только въ XI, но даже и въ X-мъ вѣкѣ. Въ какомъ же видѣ записывались они въ лѣтопись въ первый разъ, и въ такомъ ли первоначальномъ видѣ замѣтки о нихъ удержались и въ тѣхъ спискахъ лѣтописей, которые дошли до насъ?

Разбирая первую половину этого вопроса, прежде всего вспомнимъ, что всѣ Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п. изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначаемо время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы — независимо отъ историческихъ образцевъ классической древности. Первоначальной основой этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы, приготовленныя сначала аббатами Діонисіемъ и Феликсомъ и епи-

скопомъ Исидоромъ, и переработанныя Бедой *). Перечень лѣтъ изъ года въ годъ въ этихъ таблицахъ давалъ легкую возможность охотникамъ дѣлать замѣтки о событіяхъ на поляхъ ихъ. Въ послѣдствіи стали отдѣлять историческія замѣтки отъ записокъ пасхальныхъ: ихъ переписывали въ особенныхъ тетрадяхъ, но держась прежняго строгаго порядка лѣтъ изъ года въ годъ. Гораздо позже стали заботиться о подробностяхъ описанія событій и позволили себѣ незаботиться о перечнѣ лѣтъ, опуская тѣ изъ нихъ подъ которыми не было никакихъ замѣтокъ. Въ Monumenta Germaniae Historica Гр. Перца любопытный читатель найдетъ полный сборникъ первоначальныхъ лѣтописей Франкскихъ и Германскихъ. Здѣсь для образца довольно привести нѣсколько строкъ. Вотъ начало Амандской лѣтописи (Annales S. Amandi):

— Anni incarnationis dominicae.
687. bellum Pippino in Testricio, ubi superavit Francos.
688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701.
702. obitus Hildeberti regis.
703. 704. 705. 706. 707.
708. quando Droco mortuus fuit in vernale tempore.
709. quando Pipinus perrexit in Suavis contra Vilario.
710. iterum Pipinus in Suavis contra Vilario.

Такъ написана вся лѣтопись Амандская, доведенная съ тремя продолженіями до 810; такъ написаны и всѣ другія древнія лѣтописи западной Европы **). Во многихъ удержана форма табличная; въ другихъ годы неописанные за-

*) Римскій аббатъ Dionisius Exiguus приготовилъ ихъ на годы 532 — 626; аббатъ Феликсъ и епископъ Исидоръ — на годы 627 - 721; Беда, переработавшій ихъ, довелъ ихъ впередъ до 1063 г. *Ideler*, Handbuch der Chronologie. II. стр. 285. 366 - 368 и пр.

**) Древнѣйшая изъ нихъ, повторившаяся въ другихъ, продолжается до 770 года. Нельзя опустить изъ виду въ этомъ отношеніи и хронику Англосаксонскую, начинающуюся событіями V вѣка, и начатую, вѣроятно, въ IX вѣкѣ. The Saxon Chronicle. ed. Rev. James Ingram. 1823.

несены въ строку, оставаясь какъ слѣдъ табличной формы *). Рано впрочемъ стали и пропускать годы, не отмѣченные событіями, хотя и сохраняя табличную форму **).

Что тому же порядку въ формѣ работы и въ ея видоизмѣненіяхъ слѣдовали и наши лѣтописцы, въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто всмотрится въ наши лѣтописи съ этой стороны. У насъ нѣтъ уже лѣтописей въ таблицахъ; но что первая форма ихъ была именно табличная, это свидѣтельствуютъ перечни лѣтъ, при которыхъ неотмѣчено никакихъ событій. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора:

— Въ лѣто 6360. индикта 15 (день). Наченьшю Михаилу царствовати нача ся прозывати Руска земля (и пр.). Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде съ вои брегомъ и моремъ на Болгары (и пр.). Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья (и пр.). Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море (и пр.).

Эта форма соблюдена вполнѣ во всей лѣтописи Нестора: послѣдній годъ, занесенный въ ней одной цифрой безъ событія, есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолже-

*) Это сдѣлано и въ спискахъ Лѣтописи Амандской, и въ Annales Sangallenses, и въ другихъ.

**) Вотъ напр. Лѣтопись Ильдефонса Аркскаго, которая вся помѣстилась на одиннадцати строкахъ:
814. imperator Karolus obiit.
816. Gozbertus abba efficitur.
830. initium basilicae sancti Galli.
874. Pernoldus prepositus factus est.
875. hl (=Hludovicus obiit).
876. Hludovicus rex Germaniae.
877. Carolus Suevis imperat.
880. Carolus Italiam subjugat.
888. Karolus piissimus imperator obiit.
958. Liutolfus Ottonis regis filius in Italia migravit. Ruodolfus et Engil obierunt.
961. Ratbertus prepositus efficitur.

ніи Нестора господствуетъ та же форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господствуетъ и въ I-й Новгородской, такъ что даже и годы начала XIV вѣка, 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ, а на первыхъ изъ ея листовъ, сохранившихся въ Синодальномъ спискѣ, занесены годы безъ событій цѣлыми рядами; на пр.

— Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію, и заложена бысть св. Софія Кыевѣ. Въ лѣто 6526. Въ лѣто 6527. Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава. Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава. Въ лѣто 6530. Въ лѣто 6531. Въ лѣто 6532. Въ лѣто 6533. Въ лѣто 6534. Въ лѣто 6535. Въ лѣто 6536....

Вообще отъ 6525 до года смерти Святополка Михаила (6622) изъ общаго числа 97 лѣтъ описано въ этой лѣтописи 50 лѣтъ, слѣдовательно только половина.—Въ послѣдствіи времени неопущенье чиселъ годовыхъ безъ событій могло сдѣлаться и простымъ слѣдствіемъ обычая; но въ началѣ первою причиною ихъ занесенья не могло быть, кажется, ни что другое, кромѣ переписыванія ихъ изъ погодныхъ таблицъ.

Не всѣ лѣтописцы и у насъ какъ на западѣ слѣдовали обычаю занесенья этихъ пустыхъ годовъ; но и тѣ, которые не слѣдовали ему, нѐ хотя измѣняя себѣ, нечаянно высказывали тайну первоначальной табличной формы лѣтописи. Такъ въ Новгородской II-й видимъ на первыхъ же строкахъ пропуски огромные: въ ней отмѣчены только годы 6419, 6499, 6525, 6535—четыре изъ 125, — и однако 6535-й занесенъ напрасно, безъ всякой замѣтки, такъ же какъ и далѣе 6610-й. Пропуски годовъ поражаютъ наблюдателя и въ лѣтописи Псковской; однако и въ ней, какъ нечаянные остатки табличной формы, занесены безъ отмѣтокъ событій годы 6368, 6369.

Какъ бы впрочемъ ни было, Русскія лѣтописи никогда не утрачивали своего лѣтописнаго характера. Только всту-

иленіе Нестора осталось безъ хронологической сѣти, а въ слѣдъ за нимъ и еще кое какія замѣтки позднихъ лѣтописцевъ, каково на пр. вступленіе въ Софійскій временникъ, житія, повѣсти и т. п. вставки.

Многіе думаютъ, что лѣтописная сѣть въ первый разъ проведена Несторомъ. На эту мысль наводитъ общій перечень лѣтъ отъ перваго года царя Михаила до смерти Князя Святополка Михаила, помѣщенный послѣ вступленія въ лѣтопись: «Въ лѣто 6360 индикта 15 (день). Наченьшю Михаилу царствовати нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ лѣтописаньи Гречьстѣмь: тѣмже отселе почнем и числа положимъ» и пр. Утверждая, что съ помощью этого общаго перечня лѣтописецъ выставилъ послѣ годы въ самой лѣтописи, конечно, надобно согласиться и съ тѣмъ, что Русскія лѣтописи до этого времени были безъ лѣтописной сѣти; но едва ли можно придавать такую важность перечню. Конечно, изъ перечня очевидно, что по мнѣнію составителя его можно было начать рядъ лѣтъ Русской лѣтописи съ 6360, какъ съ года нападенія Русскихъ на Цареградъ и вступленія царя Михаила на престолъ, что помощію 6360 года составитель его находилъ возможнымъ связать общую хронологію съ частной Русской; но и не болѣе. Ошибка въ годѣ начала царствованія Михаила ясно указываетъ, что у составителя перечня не было подъ рукою хорошаго Византійскаго хронографа, что напротивъ онъ сопоставилъ подъ одинъ годъ два разные факта (о Михаилѣ и о Руси) изъ двухъ разныхъ источниковъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ невѣренъ. Сравненіе начала перечня съ началомъ лѣтописи указываетъ, что выборъ 6360 года былъ задуманъ независимо отъ содержанія лѣтописи; потому что въ лѣтописи первые Русскіе факты, которые не могли быть заняты отъ Византійцевъ, относятся не къ 6360, а къ 6367, 6370 и 6387, а первые Византійскіе къ 6366 и 6374.

Сравненіе же всего перечня съ лѣтописной сѣтью лѣтописи доказываетъ, что въ перечнѣ расчетъ лѣтъ не тотъ, что въ лѣтописи, такъ что слѣдовательно лѣтописная сѣть лѣтописи составлена не по перечню. По перечню и по лѣтописи одинаково выходитъ, что Ярополкъ началъ княжить, по смерти Святослава, въ 6481 (по перечню: 6360+29+31+33+28=6481); по перечню и по лѣтописи спустя 8 лѣтъ умеръ Ярополкъ и вступилъ Владиміръ—въ 6488. Но этимъ и оканчивается сходство перечня и лѣтописи. По перечню, Владиміръ княжилъ 37 лѣтъ, слѣд, скончался въ 6525; по лѣтописи онъ княжилъ въ 6488—6523, слѣд. не 37, а 35 или 36 лѣтъ. Далѣе: по перечню Ярославъ княжилъ 40 лѣтъ, и слѣд. умеръ не ранѣе 6565—6566; въ лѣтописи его смерть и погребеніе записаны подъ 6562 годомъ. Можно подумать, что все отличіе перечня заключается въ опредѣленіи числа лѣтъ княженія Владиміра (на время Ярослава съ 6523 до 6562 можно было отсчитать только 40 лѣтъ); но въ перечнѣ же замѣчено, что смерть Ярослава случилась послѣ смерти Святослава (6481) спустя 85 лѣтъ, слѣд. въ 6565 — 6566, а не въ 6562. Если же допустить, что и составитель перечня считалъ годомъ смерти Ярослава 6562 (какъ видно изъ того, что и онъ, сходно съ лѣтописью отсчитывалъ отъ смерти Ярослава до смерти Святополка — въ 6622 — 60 лѣтъ); то явится невѣрность его самому себѣ въ опредѣленіи года смерти Святослава: 6562 безъ 85 будетъ 6477, а между тѣмъ онъ самъ, какъ мы видѣли, приписываетъ время вступленія Ярополка къ 6481 году.

Невѣрность перечня самому себѣ, при несходствѣ съ лѣтописью, позволяетъ заключать, что не только перечень и сѣть лѣтописи составлялись до нѣкоторой степени независимо разными людьми, но что и въ составленіи самаго перечня видно участіе по крайней мѣрѣ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно составило середину, а другое начало и конецъ; а вѣрность лѣтописи себѣ самой, при ея сходствѣ

съ другими показаніями, заставляетъ думать, что перечень есть позднѣйшая вставка, что сѣть лѣтописная въ лѣтописи была и до составленія перечня, хотя, вѣроятно, начиналась и не съ 6360 года *).

Да и какъ возможно было обходиться безъ нея до начала XII вѣка, когда до этого времени въ лѣтописяхъ нашихъ годами обозначены происшествія, съ 860-хъ годовъ, слѣд. на протяженіи двухъ столѣтій съ половиною! Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени народная память не могла. Лѣтописная сѣть была, и тотъ же перечень, который мы разсматривали, позволяетъ заключать, что она въ первый разъ доведена была только до смерти Святослава (6481). Обозначивши годы по княженіямъ до Изяслава, перечень заключаетъ: «тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Если бы въ отношеніи къ лѣтописной сѣти годъ смерти Святослава, равно какъ и годы смерти Ярослава и Святополка Михаила, ничего не значили, то въ перечнѣ не для чего было бы прибавлять общаго заключенія и именно въ такомъ видѣ, а не въ другомъ. Мнѣ кажется, что это заключеніе перечня представлено въ такомъ видѣ именно потому, что въ такомъ видѣ представлялись составителю заключенія три куска лѣтописной сѣти. (Въ составленіи послѣдняго изъ нихъ нельзя отвергать участія того лѣтописца (Нестора или же Сильвестра), который могъ желать довести свою лѣтопись до

---

*) Сравни подобные перечни въ западныхъ лѣтописяхъ, напр. въ Франкскихъ (Reges Merovingorum et Francorum. Bouquet, III. 696. Pertz. II. 307—308). По формѣ и по желанію соединить общую хронологію съ частной они очень похожи на нашъ; напр. Ab initio mundi usque ad Heraglio imperio... et Dagoberto sunt... ann. 5813... De Dagoberto usque ad Pipino suntanni 158. Tutti in semul sunt anni 5958. Они сходны съ нашимъ и по ошибкамъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ западныхъ такихъ перечней нѣтъ.

6622 *). Все это не опровергаетъ того, что при самомъ началѣ составленія лѣтописной сѣти былъ взятъ для основы перечень лѣтъ отъ сотворенія міра, и взятъ былъ онъ, вѣроятно, не изъ хронографовъ, а изъ пасхальныхъ таблицъ, какъ и въ западной Европѣ.

Нѣтъ впрочемъ возможности опровергнуть и того, что первоначальная сѣть могла быть ведена по князьямъ и по эпископамъ: на это намекаетъ и перечень, намекаетъ и постоянное упоминаніе о кончинѣ и вступленіи князей и эпископовъ.

Приписываніе замѣтокъ о событіяхъ сначала къ пасхальнымъ таблицамъ, а потомъ на отдѣльныхъ перечняхъ лѣтъ, могло начаться независимо въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, такъ же точно, какъ и послѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ могло производиться соединеніе этихъ замѣтокъ въ общіе своды. Слѣдствіемъ этой обработки и переработки лѣтописныхъ замѣтокъ было образованіе разныхъ лѣтописей, вообще сходныхъ по формѣ и по лѣтописной сѣти, и вмѣстѣ однако различныхъ какъ въ означеніи событій годами, такъ и въ выборѣ и въ описаніи событій. Въ такомъ переработанномъ видѣ дошли наши древнія лѣтописи въ древнѣйшихъ изъ сохранившихся списковъ. Отсюда разница между показаніями лѣтописей, составленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и столь же естественная разница въ составѣ лѣтописей, писанныхъ въ одномъ и томъ же Новгородѣ. Объ отличіяхъ лѣтописи Нестора въ сравненіи съ лѣтописями Новгородскими было

*) Извѣстно, что въ Лавр. спискѣ за описаніемъ 6618 года слѣдуетъ приписка: «Игуменъ Селивестръ св. Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при (великомъ) князи Володимирѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю (=игуменомъ бывшю) у св. Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ (=молитва ихъ)». Былъ ли игуменъ Сильвестръ простымъ переписчикомъ или же составителемъ лѣтописи, продолжателемъ Нестора? разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь было бы неумѣстно.

уже замѣчено выше. Отличія каждой изъ Новгородскихъ лѣтописей и черты ихъ взаимнаго сходства отмѣчены въ ихъ изданіи въ Полномъ Собраніи лѣтописей. Особенно поразительны эти черты въ Новгородской I-й и II-й, изъ которыхъ каждая ведена, какъ было сказано, по особенной системѣ, и при дословномъ сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ заключаетъ въ себѣ важныя особенности не только въ подробностяхъ, но и въ главныхъ чертахъ. Что въ Новгородской I-й есть многое, чего недостаетъ въ Новгородской II-й, это явно уже изъ того, что въ первой изъ 97 лѣтъ, отъ 6525 до 6622, отмѣчено событіями 50 лѣтъ, а во второй только 22 года; а что въ Новгородской II-й есть многое, чего не достаетъ въ Новгородской I-й, для доказательства этого приведемъ изъ части этого же пространства времени выписки о тѣхъ событіяхъ, которыя опущены въ Новгородской I-й, помѣщая тутъ же въ скобкахъ замѣтки Новгородской I-й, не находящіяся во II-й.

— 6525 (Ярославъ иде къ Берестію). Заложи Ярославъ градъ великій Кіевъ и Златыя врата постави....

— 6538. Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.

— 6560. Преставися Володимеръ (сынъ Ярославль въ Новѣгородѣ мѣс: Октябр въ 4) и положенъ бысть во святѣи Софіи, юже бѣ самъ создалъ.

— 6563. Клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода и иде къ Кіеву; и осуди митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта. Поча княжити въ Кіевѣ Изяславъ Ярославичь. При семъ же Ѳеодосій игуменъ Печерскій бысть.

— 6566. Архіепископъ Лука прія столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть; Дудици же холопу оскомины бѣша и пр.

— 6577. Поставленъ бысть Новугороду еп. Ѳеодоръ (о битвахъ Всеслава).

— 6586. Поставленъ бысть Новугороду еп. Германъ. (о борьбѣ Олега съ Всеволодомъ и битвѣ Черниговской).

— 6601. Преставися Всеволодъ апрѣля 13, княживъ въ Кіевѣ 15 лѣтъ; и положенъ бысть въ св. Софіи, (о побѣдѣ Половцевъ на Трьполи).

— 6604. Поставленъ бысть еп. Никита Новугороду.

— 6608. Знаменіе бысть на небеси мѣсяца генваря въ 29, по 3 дни и пр.

Такую же разницу замѣчаемъ между Новгородской I-й и тѣми, которыя составлены при помощи ея или той, которою пользовался ея составитель: такова напр. Лѣтопись 1444 года (Румянц. Муз. № 248), гдѣ, при дословномъ повтореніи многихъ мѣстъ Новгородской I-й, есть повторенія и изъ Софійской и т. п. (Срав. Опис. Рум. Муз. стр. 340—345 и слѣд.).

Разница, хотя и не столь значительная, есть и между списками одной и той же лѣтописи: такъ напр. между списками Новгородской I-й Синодальнымъ и Академическимъ, какъ показано уже было отчасти г. Прозоровскимъ (Ж. М. Н. П. LXXV. II. стр. 4—5).

Имѣя въ виду такое различіе лѣтописей Новгородскихъ, и вмѣстѣ ихъ одинаковость въ дословномъ, или почти дословномъ повтореніи сказаній, нельзя не заключить, что мы имѣемъ теперь только переработанные своды лѣтописей болѣе древнихъ. Въ томъ же убѣждаютъ и ошибки противъ правды тамъ, гдѣ бы онѣ не могли быть, если бы замѣтки о событіяхъ не были хоть иногда передѣлываемы позднѣйшими лѣтописцами или переписчиками. Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ ошибокъ, отмѣченныхъ Я. И. Бередниковымъ.

— 6646—1138. Вънииде князь Ярославъ сынъ Гюргевъ изъ Суждаля Новугороду на столъ (Новг. I). Подъ слѣдующимъ 6647-мъ годомъ уже не Ярославъ, а Ростиславъ «бѣжа Смольньску къ отцю изъ Новагорода, сѣдѣвъ въ Новѣгоро-

дѣ 1 лѣто и 4 мѣсяцѣ». Въ это время княземъ Новгородскимъ дѣйствительно былъ Ростиславъ, а не Ярославъ.

—6684—1176. Пояша Новгородьци у Всеволода сынъ собѣ Ярославъ. Ярославъ былъ не сынъ Всеволода, а сыновецъ, сынъ Всеволодова брата Мстислава.

—6701—1193. Преставися Гаврила архепископъ, и положенъ бысть въ притворѣ св. Софія посторонь брата, погребенаго въ чьрнечьствѣ Григоріи (=Григоріа).—Не братъ Гавріила Илія (=Іоаннъ), а самъ онъ нареченъ былъ въ чернечьствѣ Григорій. —

Здѣсь кстати замѣтить, какъ два участника въ написаніи лѣтописи этихъ лѣтъ, два разные срока ея написанія выразились въ описаніи 6701 года: «Въ то же лѣто постави църковь въ низу на Хутинѣ Варламь цьрньць и святи ю владыка арх. Гаврила.... Въ то же лѣто конціяша църковь св. Апостолъ на Силиницци и святи ю арх. Григоріи». Назвать одно и то же лице Гавриломъ и Григоріемъ въ одно и то же время одному и тому же лѣтописцу было невозможно один записалъ первый фактъ, вѣроятно, еще тогда, когда арх. Гавріилъ не былъ извѣстенъ подъ именемъ Григорія; другой записалъ второй фактъ уже тогда, когда считалось приличнѣе поминать его подъ именемъ Григорія.

Подобныхъ мѣстъ, въ которыхъ съ замѣчаніемъ одного лѣтописца соединялось замѣчаніе другаго, довольно много. И они также доказываютъ, что лѣтописи были передѣлываемы. Вообще можно считать несомнѣннымъ, что лѣтописцы, у которыхъ бывало подъ руками нѣсколько разныхъ лѣтописей, при составленіи своей собственной, брали въ нее все, что имъ нравилось, изъ другихъ иногда слово въ слово, иногда измѣняя посредствомъ разныхъ дополненій и сокращеній. Отдѣлить теперь всѣ составныя части каждой изъ лѣтописей, до насъ дошедшихъ, говоря вообще, есть дѣло невозможное: оно можетъ увѣнчаться успѣхомъ только въ частностяхъ. Конечно, новыя открытія могутъ изъ невоз-

можнаго сдѣлать возможное; но, пока новыхъ открытій не предвидится, позволительно, мнѣ кажется, отказываться отъ возможности полнаго возстановленія лѣтописей, служившихъ источникомъ для тѣхъ, которыя сохранились теперь.

Нельзя тутъ не вспомнить объ одной особенности лѣтописцевъ Новгородскихъ. Хотя они и свободно пользовались трудами своихъ предшественниковъ; но строже держались древняго состава лѣтописи, чѣмъ лѣтописцы южные, по крайней мѣрѣ до XV вѣка. Въ ихъ лѣтописяхъ находимъ сухой оффиціальный расказъ о событіяхъ, только иногда случайно оживляемый или вставкой сказанія современника, или пересказомъ преданія, или наконецъ минутнымъ порывомъ чувства самого лѣтописца; напротивъ того, въ лѣтописяхъ южныхъ встрѣчаемъ многочисленныя выписки всякаго рода—изъ книгъ церковныхъ, изъ переводовъ Отцевъ церкви, изъ житій святыхъ, изъ Греческихъ хронографовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ размышленія, нравоученія, молитвы и т. д. Только съ XV вѣка начинается и въ Новгородѣ этотъ обычай оцвѣчать лѣтопись искрами ума, чувства и знанія. Очевидно, что лѣтописецъ, не настроенный слогомъ книгъ, могъ легче соблюдать въ своемъ изложеніи простоту расказа, не удаляясь отъ простаго разговорнаго языка общества. Конечно, въ слѣдствіе навыка описывать событія, должны были образоваться особенныя условія лѣтописнаго слога; но эти условія не могли мѣшать свободѣ употребленія формъ народнаго языка, а только сдерживали его въ опредѣленныхъ границахъ. Тѣмъ не менѣе и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, въ томъ видѣ какъ онѣ извѣстны, какъ въ сводахъ равнаго времени, въ которые заносились замѣтки изъ другихъ и дословно и съ перемѣнами въ изложеніи, нельзя не обращать вниманія на разнообразіе языка. Это разнообразіе можетъ, до нѣкоторой степени, съ своей стороны служить доказательствомъ положенія, здѣсь разсматриваемаго,—разнообразія составныхъ частей лѣтописей.

—

VI.

Изслѣдованія К. А. Неволина

О ПЯТИНАХЪ И ПОГОСТАХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

Значительная часть земель области Новгородской въ XV в. и позже (если не прежде) входили въ границы пяти пятинъ, изъ которыхъ въ каждой было значительное число погостовъ. Что именно принадлежало къ каждой изъ пятинъ, гдѣ именно былъ каждый изъ погостовъ, какое именно значеніе имѣло это дѣленіе и въ какомъ соотношеніи было оно съ другими дѣленіями тѣхъ же земель: эту задачу рѣшаетъ К. А. Неволинъ въ своемъ изслѣдованіи, котораго важность въ изданіи еще болѣе увеличилась присоединеніемъ къ нему обширныхъ выписокъ изъ писцовыхъ и изгонныхъ книгъ, описывающихъ Новгородскія пятины и погосты, и подробной карты, представляющей состояніе пятинъ и погостовъ въ XVI вѣкѣ.

Счастливое мѣстное положеніе Новгорода у о. Ильменя, облегчая ему связь столько же съ Русью сколько и съ Чудскимъ сѣверомъ, и возбуждая предпріимчивый духъ Новгородцевъ, искони содѣйствовало распространенію его владѣній на обширныхъ пространствахъ. Выселки изъ него къ озерамъ Ладожскому, Онежскому и къ Финскому за-

ливу, къ Волгѣ съ ея притоками и обѣимъ Двинамъ и пр. относятся къ первымъ вѣкамъ исторіи Новгородской. Къ этимъ временамъ, вѣроятно, относится заведеніе многихъ погостовъ Новгородскихъ и подчиненіе ихъ административному вѣдомству нѣсколькихъ мѣстныхъ начальствъ: такъ уже въ Уставѣ Ярослава о мостовыхъ, упоминаются сотни, которыхъ названія указываютъ отчасти на обширность границъ Новгородской области уже въ XI (?) вѣкѣ *). Данныя изъ XII и XIII вѣка, занесенныя въ лѣтописи и грамоты, объясняютъ ихъ довольно подробно; еще болѣе такихъ данныхъ сохранилось изъ XIV и первой половины XV вѣка. Но господствовало ли дѣленіе области Новгородской на пятины въ это время, это остается неизвѣстнымъ; по крайней мѣрѣ о нихъ не упоминается до Іоанна III. Единственное извѣстіе о пятинахъ до 1478 г. есть случайная запись въ одномъ сборникѣ Рум. Музея **). Древнѣйшее упоминаніе о переписи Новгородскихъ земель по пятинамъ относится къ 1491 — 1492 г. (Невол. стр. 11). Въ XVI вѣкѣ вся область пятинъ простиралась на югъ къ Ржеву, Торопцу и Торжку, на западъ къ Пскову, Гдову и берегамъ Финнскаго залива, на востокъ къ Бѣжицамъ, Устюжнѣ, Бѣлу-озеру и водамъ р. Онеги, а на сѣверъ къ берегамъ Бѣлаго моря и далеко въ глубь Финляндіи. По розысканіямъ К. А. Неволина »рѣка Волховъ,

---

*) а҃-ꙗ Давыжа ста, в҃-я Слѣпчева ста, г҃-ꙗꙗ Бобыкова, д҃-ꙗ Ѡлексина ста, є҃-ꙗ Ратиборова ста, ѕ҃-ꙗ Кондратова ста, з҃-ꙗ Романова ста, и҃-ꙗ Сидорова ста, ѳ҃ Гаврилова ста, і҃-ꙗ Кн҃жа ста, аі҃-ꙗ Кн҃жа ста, в҃і Ржевская, г҃і Бѣжичкаꙗ, д҃і Вочкаꙗ, є҃і Ѡбонискаꙗ, ѕ҃і Лускаꙗ, з҃і Лопьская, и҃і Волоховскаꙗ г҃-и рялѣ, Ижелбичкаꙗ двои рялѣ». Какъ попалъ этотъ перечень сотенъ въ Уставъ о мостовыхъ? — не случайно-ли? Это особенный вопросъ, стоющій отдѣльнаго разысканія.

**) «Земля же Ноувгородская раздѣлена на є҃ частей, яже они пятины наричутъ: а҃ пятина Шолонская, в҃ Бѣжицкая, г҃ Обоньжьская, д҃ Водьская, є҃ Ижерская и Чудская тоже. и хлѣбна и скоты велики, и ленъ и желѣзо добро». Опис. Рум. Муз. 629. Замѣчанія на эту запись см. у Неволина, стр. 48—50.

Луга, Ловать, Мста и Мда и озера Ладожское и Ильмень, служили естественными границами, отдѣлявшими пятины другъ отъ друга. По лѣвую сторону Волхова и на большомъ протяженіи вокругъ Ладожскаго озера лежала Вотская пятина; Волховомъ и на большомъ протяженіи Ладожскимъ озеромъ она отдѣлялась отъ пятины Обонежской, а рѣкою Лугой отъ Шелонской. Шелонская пятина лежала между рѣками Лугой и Ловатью; первою она отдѣлялась отъ Вотской пятины, второю отъ Деревской. Пятина Обонѣжская расположена была между рѣкою Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ, озеромъ Ильменемъ, рѣками Мстою и Мдою; Волховомъ и Ладожскимъ озеромъ она отдѣлялась отъ Вотской пятины, озеромъ Ильменемъ отъ Шелонской, рѣкою Мстою отъ Деревской, рѣкою Мдою отъ Бѣжецкой. Пятина Деревская была окружена рѣкою Ловатью, озеромъ Ильменемъ и рѣкою Мстою: рѣка Ловать и озеро Ильмень отдѣляли ее отъ Шелонской пятины, рѣка Мста отъ Обонежской и Бѣжецкой. Бѣжецкая пятина отдѣлялась рѣками Мстою отъ Деревской, Мдою отъ Обонежской пятины» ст. 57).

Въ такомъ видѣ представляются пятины въ XVI—XVII вѣкѣ, заключая въ себѣ всѣ вмѣстѣ около 350 погостовъ *). Не такъ ново и не такъ ограниченно во времени учрежденіе погостовъ.

Свѣдѣнія о погостахъ начинаются съ IX вѣка, а свое значеніе въ бытѣ народа они сохранили и до сихъ поръ. Утратилось ли теперь ихъ древнее значеніе, каково оно было въ древности и какимъ видоизмѣненіямъ подвергалось съ теченіемъ времени? Этотъ вопросъ нельзя отнести къ числу маловажныхъ: такихъ долговѣчныхъ учрежденій какъ погосты въ Русской жизни немного.

*) По исчисленію Неволина въ Вотской пятинѣ было ихъ 60, въ Шелонской 69, въ Обонѣжской 81, въ Деревской 67, въ Бѣжецкой 92; нѣкоторые изъ нихъ относились къ двумъ пятинамъ вмѣстѣ (Нев. 98—99).

К. А. Неволинъ обратилъ на него въ своемъ изслѣдованіи полное вниманіе и представилъ въ немъ замѣчанія объ очень многихъ изъ свидѣтельствъ нашей древности и старины, не забывши и филологическихъ соображеній. Эти послѣднія раздѣлили ученыхъ на двѣ стороны: одни считають слово погостъ иностраннымъ, только осмысленнымъ Русскими, напоминающимъ и Греко-Римское παγος=pagus, и Эстонское kohhus, и Лотышское pagasts; другіе видятъ въ немъ корень обще-Славянскій, нечуждый и Литовскому племени, а въ παγος и kohhus — слова сходныя съ нимъ по звукамъ случайно. То и другое мнѣніе, можетъ быть, одинаково справедливо, тѣмъ болѣе, что въ словѣ погостъ сблизилось нѣсколько довольно различныхъ понятій, которыя могли быть ему приданы или въ различное время, или по различнымъ обстоятельствамъ. Въ числѣ этихъ обстоятельствъ могло быть и заимствованіе подобнозвучнаго слова съ готовымъ значеніемъ.—Что касается до опредѣленія круга значенія слова погостъ въ древнее время и его послѣдующихъ видоизмѣненій, то оно возможно не иначе какъ при помощи разбора тѣхъ мѣстъ въ памятникахъ, гдѣ оно встрѣчается.

К. А. Неволинъ привелъ въ своей книгѣ нѣсколько такихъ указаній (стр. 91 — 92 и 395); мы повторимъ ихъ здѣсь, прибавя къ нимъ нѣсколько другихъ, какъ кажется, неменѣе важныхъ.

IX вѣкъ. Подъ 947 г. въ лѣтописяхъ сохранилось преданіе объ Ольгѣ: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погосты (=повосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани. Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и погосты (=повосты), и сани ея стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища (и села) и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ. (Лавр. л. 25).

X вѣкъ. Изъ него осталось упоминаніе о погостахъ въ Уставѣ св. Владимира о церковныхъ судахъ: «Не падобѣ въступатися... ни в люди церковныѣ ни во всѣ суды ихъ.

То все дахъ ксмъ по всѣмъ городомъ и по погостомъ и по свободамъ гдѣ иъ суть христиане....».

XI вѣкъ. Въ Ипатьевской Лѣт. замѣчено, что Всеславъ во время похода на Новгородъ въ 1067 г. «погостъ одинъ завелъ за Полтескъ» (ст. 120). Въ Лавр. лѣт. подъ 1071 г. упоминаются погосты по Волгѣ у Ярославля: «дъва волъхва поидоста по Волзѣ, гдѣ придутъ въ погостъ, тȣ же нарицаху лучшіѣ жены глаголюща, яко си жито держить, а си медъ» и пр.

XII вѣкъ. Подъ 1116 годомъ Ипат. лѣт. говоритъ, что князь Мстиславъ Владимировичь «ходи на Чюдь съ Новгородци и Пьсковичи и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа глава, и погостъ безъ числа взяша» (стр. 7). Въ Уставѣ кн. Святослава 1137 г. въ исчисленіи десятины епископамъ Новгородскимъ и собору св. Софіи обозначено между прочимъ: «Въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ два сорочька, на Тудоворѣ погостѣ два сорочька, на Иванѣ погостѣ с даромъ три сорочькы, на Ракоулѣ три, на Спирковѣ два, оу Вихтоуа сорочекъ, въ Пинезѣ три, въ Кегрелѣ три, оустьѥ Ѥмьцѣ два, оустьѥ Вагъ два, оу Поуите сорочекъ, оу Чюдина полъ сорочька, оу Ликуя с даромъ два, оу Вавдита с даромъ два, оу Вели два, оу Вѣкшензѣ два, на Боркоу сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тоимѣ сорочекъ, оу Помѣ полъсорочка, оу Тотьмѣ сорочекъ, оу Пененича сорочекъ, оу Порогопустьць полъсорочка, оу Валдита два сорочка, на Волоцѣ въ Моши два, оу Ѥми скора, а на мори ѡт Чрена и ѡт Салгы по поузоу, оу Тудора сорочекъ» (Рус. Дост. I. стр. 83—84). Какія изъ этихъ мѣстностей должно считать погостами, это опредѣлить трудно; во всякомъ случаѣ не менѣе пяти т. е. кромѣ трехъ первыхъ и двѣ слѣдующія: Ракоуль погостъ и Спирковъ погостъ. Въ уставной грамотѣ Смолен. кн. Ростислава 1150 г. находимъ упоминаніе о погостахъ Смоленскихъ: «у Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погостъ» (Доп. А. И. I. № 4).

XIII вѣкъ. Подъ 1237 годомъ упоминаются погосты въ

Суздальской землѣ, гдѣ Татары «взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ» (Лавр. 198); подъ 1240 г. упоминается Копорій погость, въ которомъ Нѣмцы «учиниша городъ» (Новг. 1 стр. 53); въ грамотѣ 1270 — Имоволойской погость и Новгородьской погость, а потомъ вообще о погостахъ сказано: »Кто купець тотъ въ сто а кто смердъ тотъ потягнеть въ свой погость» (С. Г. Г. томъ I. стр. 4). Въ грамотѣ 1294 — 1304 г. князя Андрея Александровича на Двину отмѣчена ясно повинность жителей погостовъ: «ходити тремъ ватагамъ моимъ за море и ватаманъ Ондрей Критцкый, оть дають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ». (А. А. Э. I. № 1).

XIV вѣкъ. Въ Новгор. граматахъ 1305, 1308 и 1327 повторяется постановленіе грамоты 1270 г., въ послѣдней въ такомъ видѣ: «А судьи слати на Петровъ день какъ пошло: кто купець тый по(и)деть въ сто а смердъ въ свой погость (С. Г. Г. I. ст. 20). Въ грамотѣ кн. Іоана Даниловича на Двину (1328 — 40) замѣченъ погость Кегролскій волокъ (на Печерской сторонѣ): «его вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ како то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ». (А. А. Э. т. I. № 2). Въ 1342 Новгородецъ Лука Варѳоломеевъ, не послушавъ Новгорода и митрополича благословенія и владычня, скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ и поиде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлець, и скопивъ Емьчанъ, и взя землю Заволотскую по Двинѣ — вси погости — на щитъ. (Новг. I. 81 — 82). Въ духовной кн. Симеона Іоанновича 1353 г. и въ духовной кн. Дмитрія Іоанновича 1389 г. упоминается село на Сулишинѣ погостѣ. (С. Г. Г. I. стр. 37 и 59). Въ грамотѣ кн. Олега Рязанскаго Ольгину монастырю замѣчено пять старыхъ погостовъ: «дали св. Богородици дому 9 земль бортныхъ, а 5 погостовъ, Песочна, а въ ней 300 семий Холохолна, а въ ней полтораста семий, Заячины, а въ ней 200 семий, Вепрія 200; а си вси погосты съ землями съ бортными, и съ поземомъ, и съ озеры, и съ бобры, и съ

перевѣсьищи, съ рѣзанками и съ шестьюдесять, и съ винами, и съ поличнымъ, и со всѣми пошлинами». (А. Ю. I. № 2). Въ межевой записи 1391 г. упоминаются погосты: Спасской Шальской, Никольской Пудожской и Водлозерской (Вѣст. Геогр. Общ. 1852. кн. 5. См. 19—21). Въ грамотѣ митр. Кипріана Новгородскому архіепископу 1391 — 1397 вспоминаются также погосты: «а что погосты и села и земли и воды, что потягло въ церкви Божіи, или купли, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не вступается». (А. И. I. № 7). Къ памятямъ о погостахъ XIV в. принадлежатъ упоминанія о нихъ въ частныхъ записяхъ. Въ одной изъ купчихъ упоминается отчина Михѣевой дочери «у Глухомъ погости», состоящая изъ усадебъ и полей (А. Ю. № 71: XXII); въ одной духовной —«въ Волчей землѣ на Телчяхъ на погостѣ 40 рублевъ да 100 и 80 гривенъ» (А. Ю. № 409: VI); въ другой подобной: «другая пожня противу погоста межа отъ Карлаеви межи до Дурневи межи» (Врем. 16 кн. См. 19); въ одной данной—«на гори Керендусъ земля и деревня Холмецъ за погостомъ тое же земли и рѣпѣще верхъ Кожуева ручья» (А. Ю. № 110: I); въ одной купчей — межа подскотинѣ «отъ погоста по рѣчкѣ по Турокуріѣ да по вешняку по Зиноевскую рѣку» (А. Ю. № 71: IV) и пр.

Вотъ, если не всѣ, по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть упоминаній о погостахъ, оставшихся намъ отъ IX—XIV вѣка.

Ни въ одномъ изъ этихъ упоминаній не встрѣчаемъ погостовъ въ значеніи мѣстъ общественнаго богослуженія. Сколько ни можетъ казаться вѣрнымъ предположеніе нашего ученаго изыскателя, что такое значеніе ихъ было первоначальнымъ; но оно не подтверждается фактами явными, такъ что и филологическія соображенія не могутъ, кажется, замѣнить отсутствіе историческихъ показаній и доказать сами собою, что современное областное употребленіе слова погостъ въ смыслѣ церкви съ кладбищемъ, двора и кладбища при церкви и просто кладбища есть остатокъ

древности языческой. И преданія, подобныя тому какое читаемъ у Нестора — «мертвеца сожьжаху, а посемъ собравше кости вложаху во судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ» (Лавр. стр. 6), — и увѣщанія, подобныя тѣмъ, какія слышали язычники Славяне отъ Оттона Бамбергскаго — «ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in silvis aut in campis, sed in cimiteriis, sicut mos est omnium christianorum» (Vit. Ott. s. Cruc. II. 21) — одинаково оспариваютъ предположенія о существованіи общихъ кладбищь у Славянъ во время язычества; а объ храмахъ языческихъ, соединенныхъ съ кладбищами, сколько помнится, нѣтъ и помину *). Пересматривая же выше приведенныя упоминанія, видимъ, что въ бóльшей ихъ части погостъ есть сельбище въ родѣ мѣста, слободы, села и т. п.; едва ли это и не было его первоначальное значеніе. Безъ сомнѣнія погостъ чѣмъ нибудь отличался отъ другихъ родовъ сельбищь, иначе бы не нужно было и особенное названіе; но въ чемъ именно заключалось это отличіе, рѣшить трудно. Развѣ принять какъ рѣшенный фактъ то остроумное соображеніе, которое помѣщено въ Современникѣ (1853. IX. Отд. III. стр. 8—9), въ прекрасной статьѣ о книгѣ Неволина. Тамъ находимъ, что въ сѣверныхъ губерніяхъ — Олонецкой, Новгородской, Архангельской, Вологодской и даже Пермской, слово погостъ употребляется «не только въ значеніи церковнаго мѣста или села съ церковью, но и въ значеніи группы де-

*) Нѣкоторые могутъ позволить себѣ разсуждать такимъ образомъ: Какъ у древнихъ Германцевъ (Grimm, D. R. A. 805 — 806) такъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ могли происходить судебныя совѣщанія у храма, на церковномъ дворѣ, на кладбищѣ; въ этомъ смыслѣ Эстонское kohhus могло означать не только священное мѣсто суда, но и самый судъ, судебный приговоръ, повинность; сѣверные Руссы, занявши отъ Финновъ слово kohhus и осмысливши его по своему въ погостъ, придали ему тѣ разнообразныя значенія, въ которыхъ оно принималось или принимается и изъ которыхъ первое равносильно слову мѣсто (kohha): такое соображеніе едва ли не должно отнести къ числу слишкомъ натянутыхъ.

ревень, расположенныхъ какъ бы въ отдѣльномъ округѣ, отдѣленномъ отъ другихъ такихъ же природныхъ округовъ лѣсами и болотами. «Это послѣднее значеніе погоста, говоритъ авторъ помянутой статьи, самое естественное, взятое съ природы, и потому, безъ сомнѣнія, первоначальное значеніе погоста, значеніе, изъ котораго развились въ послѣдствіи всѣ остальныя. Такіе естественные округи, острова, оазисы посреди лѣсовъ и болотъ, по которымъ прежде располагалось все народонаселеніе сѣверной и сѣверо-восточной Россіи, сохранились во всей полнотѣ только въ самыхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ Россіи; но слѣды ихъ, исчезающіе съ увеличеніемъ народонаселенія и истребленіемъ лѣсовъ, можно указать въ Новгородской, Ярославской, Костромской и даже Владимірской губерніяхъ. Села и деревни расположены въ нихъ группами, между которыми идутъ лѣсъ, болото, мхи (какъ говорили прежде)—незаселенное мѣсто. Чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ длиннѣе эти незаселенныя мѣста, достигающія въ Вологодской губерніи до сотни верстъ; тѣмъ далѣе должно тащиться отъ одного жилаго острова до другаго, отъ станціи до станціи, отъ погоста до погоста. Природа Малороссійской равнины, южной степи и даже Бѣлорусскихъ холмистыхъ пространствъ—совершенно другая: тамъ нѣтъ такого природнаго явленія, или, по крайней мѣрѣ, оно исчезло въ незапамятной древности. Въ средней Россіи можно еще его замѣтить, но трудно, потому что оно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ лѣсовъ исчезло очень давно; только за Владиміромъ на востокѣ, за Тверью и Псковомъ на сѣверѣ, начинаетъ раздѣляться населеніе страны на такія группы деревень и на такіе округи обработанныхъ полей, расположенные островами посреди лѣсовъ и болотъ. Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, объясняется существованіе погостовъ сѣверовосточной половины Россіи и отсутствіе ихъ въ юго-западной. Изъ этого естественнаго, природнаго и потому чрезвычайно богатаго по содержанію значенія погостовъ раз-

вились, какъ мы думаемъ, всѣ остальныя—побочныя,—погоста, какъ главнаго села округа, какъ сборнаго пункта мира, какъ станціи для княжескихъ объѣздовъ, какъ мѣста, куда окрестныя деревни и села тянули податьми, какъ общинной подати, какъ прихода, приходской церкви и т. д.» Этотъ взглядъ съ его объясненіями самъ по себѣ такъ ясенъ, что невольно увлекаешься имъ. Нельзя однако сказать, что вопросъ о древнемъ значеніи погоста разрѣшается тутъ вполнѣ. Съ одной стороны невозможнымъ кажется различить Русь сѣверо-восточную отъ юго-западной, особенно для вѣковъ древности, въ отношеніи къ обилію лѣсовъ и расположенію сельбищъ, такъ рѣшительно, какъ нужно для полнагó объясненія значенія погостовъ по вышеизложенному взгляду. Погосты въ смыслѣ сельбищъ, окруженныхъ лѣсами, могли быть всюду, гдѣ были лѣса, на югѣ такъ же какъ и на сѣверѣ; они и дѣйствительно были на югѣ, какъ замѣчено уже митр. Евгеніемъ· «даю и записую городъ свой Василивъ на рѣчцѣ Стугнѣ... съ тратьбою и погосты, съ бояры путными и паробками людьми» (Оп. Кіевопеч Лавр. К. 1826 с. 3—4 *). Съ другой стороны трудно согласить съ такимъ смысломъ погоста, считая его первоначальнымъ, этимологическое значеніе слова «погостъ», если только не считать его вполнѣ иностраннымъ, случайно осмысленнымъ, или же по крайней мѣрѣ непроисшедшимъ отъ одного корня съ «гость, гостить» и т. д. Мнѣ кажется, въ отношеніи къ древнимъ погостамъ, вѣрнымъ только то, что они были прежде всего отдѣльными сельбищами, потомъ собраніями такихъ сельбищъ, изъ которыхъ одно было главнымъ, а другія въ отношеніи къ нему выселками, и позже уже получили значенія и религіозное—приходовъ и церквей, и гражданское—волостей и центровъ волостнаго

*) Куда также отнести—къ югозападу или къ сѣверовостоку Погостище у Серпейска (С. Г. Г. I, 385), Погостичь у Масальска (Сб. Мухан. 127), погосты Смоленскіе и т. д.?

управленія *). Въ значеніи отдѣльныхъ сельбищь надобно понимать погосты и въ сказаніи лѣтописи о томъ, какъ Ольга утвердила за собою права на владѣніе землями на сѣверъ отъ Пскова по Мьстѣ и Лугѣ, и въ уставѣ Владимира, и во многихъ другихъ памятникахъ.

Что касается до времени основанія первыхъ погостовъ, то нельзя, кажется, согласиться съ тѣмъ, что оно можетъ быть относимо къ числу учрежденій Ольги только по тому, что въ лѣтописи записано, что она устави по Мьстѣ погосты (=повосты) **): вмѣсто погосты въ подлинникѣ лѣтописи могло стоять если и не «помосты» (Совр. ib. 6 — 7), то оброки; а изъ того, что «по всей земли» сѣверной волости Ольги были «ловища, знаменья, мѣста и погосты», можетъ быть промежду тѣми, которые ей не принадлежали, нельзя заключать, что до Ольги погостовъ не было вовсе ***).

Не менѣе трудно опредѣлить, съ какого времени погосты получили значеніе поземельныхъ округовъ: первое явное упоминаніе о погостѣ въ этомъ значеніи относится къ 1353 году: «село на Сулишинѣ погостѣ»; но безъ сомнѣнія могутъ быть найдены упоминанія и древнѣе. Во всякомъ случаѣ ясно, что были погосты=округи въ XIV столѣтіи. Нѣкоторые изъ нихъ могли быть очень пространны. Самые

*) Слич. А. Ѳ. Тюрина, Общ. жизнь и зем. отношенія въ др. Руси 1850. стр. 70—72.

**) Что повостъ и погостъ—одно и тоже это доказываетъ между прочимъ и Чертежная книга Ремезова, гдѣ тоже читаемъ повостъ, а не погостъ. О. Рум. Муз. 484.

***) Знаменья, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ какъ и въ Рус. правдѣ: «аже будеть росѣчена земля, или (на земли) знаменье, (или) имъ же ловлено, или сѣть, то по врьви искати въ собѣ татя». Въ друг. спискахъ Рус. Пр. вмѣсто знаменья—древо на межѣ. Срав. Греч. σημεῖον —знакъ вообще, знаменіе предвѣщательное, памятникъ, буква, и — межевой знакъ. — Мѣста—въ томъ же смыслѣ какъ въ Лѣт: «и нѣсть мѣста, на вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идѣ же не воеваша» (Лавр. 198); «въѣха въ мѣсто, а въ городъ нельзѣ бысть въѣхати, зане бороняхуся крѣпко изъ него». (И. Г. Р. IV. пр. 175). Оттуда мѣстичь, мѣщанинъ, и т.д.

обширные находились въ пятинахъ Вотской и Обонежской: по расчисленію Неволина на каждый изъ нихъ круглымъ числомъ приходилось въ первой по 1383, а во второй по 1310 кв. верстъ (Нев. 99). Обширность ихъ предполагаетъ необходимость ихъ раздѣленія на участки. Впрочемъ К. А. Неволинъ по писцовымъ и изговнымъ книгамъ пришелъ къ противному заключенію — именно, что за исключеніемъ немногихъ (Холмскаго, дѣлившагося на станы и десятки и нѣкоторыхъ Карельскихъ, дѣлившихся на перевары) погостскіе округи не раздѣлялись правильнымъ образомъ на какія нибудь меньшія части (стр. 100). Что касается до исключеній, то прежде другихъ бросаются въ глава погосты, принадлежавшіе своими половинами къ двумъ разнымъ пятинамъ; потомъ тѣ погосты, отъ которыхъ отдѣлялись независимыя волости (см. примѣры у Нев. стр. 107—109). Кромѣ того встрѣчаются, и ясныя указанія на правительственныя дѣленія погостовъ. Такъ между прочимъ важнѣе другихъ слѣдующее указаніе о Ржевскихъ погостахъ, относящееся къ 1488 году:—«Дань Ржовская здавна по тому шла госп. королю... и къ Новугороду и къ Москвѣ съ Ошевскаго погосту... а въ томъ Ошевскомъ погостѣ три губы: первая губа Влицы, а Цебловъ, а Раччынъ (ниже=Раччане). Также бывало здавна... обычай: коли Новгородцамъ до нихъ дѣло будетъ въ чомъ, а либо Влишанамъ (=Влычаномъ), Цевланомъ и Роччаномъ до Новгородцовъ дѣло будетъ, ино имъ судъ въ Новгородѣ на городищи стати, и позовъ имъ на обѣ сторонѣ черезъ сокольника.... Такожь о томже Ошевскомъ погостѣ съ трехъ третей (Будкинская = Будкиничи, Туровская=Туровцы и—Ошевская?) королю дань идетъ 100 р. и 3 р... А въ погостѣ Бардовскомъ три жь трети, на имя: Бардовская т. а Ольская т. а Ругодевская т.» (Сбор. Мух. № 29). Особенно важно здѣсь дѣленіе погостовъ на губы *),

*) О Торжковскихъ губахъ см. А. А. Э. I. № 58, 101 и пр. О губахъ въ Поморьи тамъ же: I. № 355. О Псковскихъ губахъ въ Псковской I Лѣт.

которыя существовали, какъ можно заключать изъ случайныхъ упоминаній, если не вездѣ на сѣверѣ то во многихъ краяхъ его; не необычно было, кажется, и дѣленіе на трети. — Между особенными сельбищами въ пятинахъ замѣчательны еще ряды=рядки, подъ именемъ которыхъ разумѣлись селенія, гдѣ дворы построены были не только рядами (Нев. 101), но и инымъ образомъ, и отличались особенными правами и обязанностями; къ нѣкоторымъ изъ нихъ принадлежали округи. Въ этомъ смыслѣ вспоминаются ряды и въ Разметномъ спискѣ 1545 г. А. А. Э. I. № 205), гдѣ въ пятинахъ Вотцкой, Бѣжитцкой и Деревской сборъ ратныхъ людей, кромѣ городовъ, расчисленъ по рядамъ: въ Вотцкой пятинѣ отмѣчено одиннадцать рядовъ — самый большой «рядъ въ Дубнѣ и въ Сумскѣ и въ трехъ деревняхъ 33 двора»; въ Бѣжитцкой пятинѣ пять рядовъ — самый большой «на Мстѣ рядъ въ Боровичахъ, тяглыхъ 112 дворовъ»; въ Деревской пятинѣ семь — самый большой «рядъ Березовской, тяглыхъ 161 дворъ». О рядахъ говорится и въ писцовыхъ книгахъ *).

Изслѣдованія К. А. Неволина представляетъ изыскателямъ нашей старины такъ много и данныхъ для соображенія, и самыхъ соображеній, что оно, конечно, останется на долго незамѣнимымъ пособіемъ. Оно восполняетъ собою важный пробѣлъ въ исторической географіи нашего отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно важно и для филологовъ какъ въ отношеніи къ языку, такъ и въ отношеніи историко-литературномъ.

---

*) Любопытныя замѣчанія о рядахъ есть въ изслѣдованіи И. Д. Бѣляева о поземельномъ владѣніи въ Моск. Грствѣ. Врем. XI. I. 1: 20. Тамъ же есть замѣтка о губахъ и о волостяхъ: 80. По прочтеніи статьи, здѣсь представленной, въ Отдѣленіи, я получилъ отъ Я. И. Бередникова письмо съ очень любопытными замѣчаніями относительно пятинъ, погостовъ и писцовыхъ книгъ. Здѣсь оно прилагается:

Въ матеріалахъ моихъ для исторіи Тихвина есть выписки изъ писцовыхъ книгъ Обонѣжской пятины: a) писца Юрья Сабурова, 1496 г.; b) неизвѣстнаго года и писца, въ коей упомянутъ Тихвинскій игуменъ Іосифъ, жившій въ 1582—1607 г.; c) писца Андрея Лихачева, 1564, и d) Андрея Плещеева (можетъ быть та же, что показана подъ лит. b), 1583 г.

Самое старое исчисленіе Новгородскихъ погостовъ въ оффиціальномъ актѣ, кромѣ писцовой книги Юрья Сабурова, находится въ выпискѣ изъ грамоты Іоанна III, данной Новгородскимъ Софійскимъ попамъ, 7012 (1504) года: см. *Акты Арх. Эксп. III*, 452—453.

Что пятины извѣстны были прежде покоренія Новгорода Іоанномъ III, этому — какъ предположенію очень вѣроятному — мнѣ кажется, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее: 1) Въ грамотѣ князя Всеволода церкви св. Іоанна на Опокахъ, около 1134 — 1135 г. (*Дополн. къ Акт. Ист.* I. 2) сказано: имати съ купець (пошлины): съ Тверского гостя, и съ Новгородцкого, и съ Бѣжитцкого, и съ Деревьского, и съ всего Помостья (должно быть: «Поморья?» [1]). Откуда въ грамоту XII вѣка зашли слова: Бѣжитцкого, Деревьского, относившіяся преимущественно къ пятинамъ? Хотя въ двухъ спискахъ грамоты Всеволода, сохранившейся въ позднѣйшихъ Сборникахъ, слогъ подновленъ, и даже означенныхъ словъ во второмъ спискѣ не находится; однакожъ нельзя не признать, по многимъ уцѣлѣвшимъ архаизмамъ, что поправки гораздо древнѣе списковъ и что онѣ не касались смысла грамоты. 3) Въ началѣ Новгородской откупной грамоты, писанной при В. К. Василіи Васильевичѣ (*Акты Арх. Эксп.* I. 18—19), отмѣчено: «списокъ съ грамоты съ откупные съ Обонѣжскіе». Эта грамота сохранилась въ спискѣ, но рукопись, съ которой она снята, принадлежитъ второй половинѣ XV вѣка, да и въ самомъ текстѣ есть слова «Обониский судъ». Не намѣкаютъ ли они на то, что Обонѣжская пятина существовала прежде Іоанна III?

VIII.

НОВОЕ МНѢНІЕ П. І. ШАФАРИКА О ПИСЬМЕННОСТИ ГЛАГОЛЬСКОЙ.

Изданіемъ Památek hlaholského písemnictwí (Praha. 1853. 8º: 8 + LX + 100 Шафарикъ оказалъ важную услугу любителямъ древностей Славянскихъ, какъ сподручнымъ пособіемъ, въ которомъ и начинающій найдетъ для себя все, что можетъ ожидать отъ учебника, и ученый—все, чѣмъ должна пока удовлетвориться его любознательность касательно глаголицы, этого загадочнаго и тѣмъ не менѣе любопытнаго и важнаго предмета исторіи древней образованности Славянъ.—Здѣсь между прочимъ Шафарикъ высказалъ вполнѣ свое мнѣніе о глаголицѣ, опредѣливши ясно и особенности, которыми оно отличается отъ мнѣній другихъ ученыхъ. Замѣчательно, что Шафарикъ отступилъ отъ своего прежняго убѣжденія (высказаннаго въ Изв. II Отд. Академіи: I, стр. 367—389, и въ Čas. Čes. Museum. 1852), расширилъ свой взглядъ, далъ ему другое направленіе. Для меня лично это не утѣшительно; потому что мнѣніе, мною высказанное, лишено уже теперь поддержки, которую оно нашло было себѣ въ авторитетѣ Шафарика; но тѣмъ поучительнѣе должны быть новыя соображенія, побудившія

Шафарика уклониться отъ прежняго рѣшенія, тѣмъ важнѣе открытіе, наведшее на нихъ, если оно было, или опущеніе изъ виду связи уже извѣстныхъ фактовъ, если оно, а не новое открытіе стало поводомъ перерѣшенія вопроса.

Имѣя въ виду, что древнѣйшія изъ памятниковъ глагольскихъ принадлежатъ Болгаріи, Шафарикъ былъ убѣжденъ, что глаголица была изобрѣтена въ Болгаріи не долго спустя послѣ Кирилла и Меѳодія, св. Климентомъ, какъ всего вѣроятнѣе, или же кѣмъ нибудь изъ его современниковъ (Изв. I. стр. 374 — 375), и оттуда — изъ Болгаріи, утративши свое значеніе дома, перенесена частно въ Далмацію, къ Хорватамъ, гдѣ и стала образовываться независимо отъ первоначальныхъ образцовъ (т. ж. 378—379). И несомнѣнные факты, и преданія одинаково употреблены были Шафарикомъ для объясненія этого взгляда. Въ книгѣ, теперь изданной, изложеніе предмета осталось почти ненарушимо тоже; но замѣненіе нѣкоторыхъ строкъ другими, и прибавленіе нѣсколькихъ новыхъ страницъ до того измѣнили прежнюю мысль его, что все получило иное значеніе, иную силу.

Такъ между прочимъ возсоздано то мѣсто, гдѣ Шафарикъ, отвергнувши предположеніе объ изобрѣтеніи глаголицы философомъ Константиномъ (Изв. I. стр. 373 — 374), обращается къ Клименту и указываетъ на то свидѣтельство легенды, открытой В. И. Григоровичемъ, «которое позволяетъ догадываться, что именно онъ—Климентъ былъ изобрѣтателемъ глаголицы». Прежде (въ Изв. I. 374 — 375) Шафарикъ представлялъ это свидѣтельство какъ достойное полнаго вѣроятія, неопровергаемое ничѣмъ, хотя впрочемъ и не исключающее возможности иного происхожденія глаголицы, современнаго Клименту. Теперь (Pam. стр. XVI—XIX) въ слѣдъ за изложеніемъ доказательствъ, говорящихъ въ пользу преданія, будто бы заключающагося въ свидѣтельствѣ легенды, представлены доказательства, ему противорѣчащія,—тѣ самыя что и прежде, но безъ опроверженій,

и съ добавленіемъ новаго—именно, что въ сочиненіяхъ св. Климента, нѣтъ ничего, что бы намекало на ихъ глагольскій подлинникъ. Изъ новаго сопоставленія данныхъ вышелъ и новый выводъ: Климентъ ни въ какомъ случаѣ не былъ изобрѣтателемъ глаголицы. Далѣе (стр. XIX — XXI) Шафарикъ, оцѣнивъ по прежнему (Изв. I. стр. 376) несостоятельность предположеній о древности глагольскихъ буквъ, прибавляетъ нѣсколько новыхъ строкъ, еще болѣе уклоняющихъ читателя отъ мысли о первоначальномъ изобрѣтеніи глаголицы въ Болгаріи. «Впрочемъ—говоритъ онъ—все это простыя предположенія, лишенныя, за отсутствіемъ историческаго основанія, всякой достовѣрности. Болѣе древнее и болѣе распространенное преданіе, хотя опять только преданіе, ведетъ къ землѣ Хорватовъ, какъ къ первой отчизнѣ и колыбели глаголицы». Вставка, слѣдующая за этимъ переходнымъ словомъ, заключаетъ въ себѣ главныя основанія новаго убѣжденія Шафарика.

«Преданіе свидѣтельствуетъ одинаково и о Болгарскомъ, и о Хорватскомъ происхожденіи глаголицы (Шафарикъ намекаетъ тутъ съ одной стороны о св. Климентѣ, съ другой о св. Іеронимѣ). Это доказываетъ, что ея начало издревле не было извѣстно ни Болгарамъ, ни Хорватамъ. Данныхъ, разъясняющихъ дѣло, надобно искать въ иномъ мѣстѣ. Конечно, если взвѣшивать только древность памятниковъ, доселѣ открытыхъ, то перевѣсъ будетъ на сторонѣ Болгаръ, имѣющихъ памятники 982 — 1196 года; но есть не менѣе важныя данныя и въ пользу Хорватскаго происхожденія глаголицы. Вотъ онѣ: 1) Хотя нынѣ извѣстные, годами обозначенные памятники Хорватской глаголицы относятся не ранѣе какъ къ XIV вѣку; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что были прежде и гораздо болѣе древніе, что даже есть и доселѣ памятники древнѣе XIV вѣка въ числѣ неотмѣченныхъ годами. Законъ Винодольскій переписанъ съ подлинника, приготовленнаго въ 1280; Псалтырь Николая Рабскаго, писанная въ 1222, намекаетъ о подлинникѣ

очень древнемъ (пусть бы писанномъ и позже 880—890); межевая грамота Истріанская 1325 г. (Arch. Juhosl. 1852. кн. II) вспоминаетъ о большомъ числѣ грамотъ 1025 — 1271 г., писанныхъ какъ можно догадываться, не только по Латыни, но и по Хорватски, т. е. глаголицей. 2) Не менѣе важна распространенность и укоренѣлость глаголицы въ Хорватской землѣ, особенно въ краѣ между Расой и Кръкой, въ части Истріи, въ эпархіи Сеньской, Модрушской и прежней Нишской, на прилежащихъ островахъ Осорѣ, Кръкѣ, Чрѣсѣ, Рабѣ, Пасманѣ, Пагѣ и т. д., гдѣ она была примѣнена къ нуждамъ не только церковнымъ, но и свѣтскимъ, гдѣ сохранились самые разнообразные памятники — списки законовъ, грамоты, письма, надписи надгробныя, храмовыя и др. въ бо́льшемъ числѣ чѣмъ гдѣ либо. 3) Гранный рисунокъ буквъ, изобиліе въ нихъ прямыхъ чертъ, соединеніе или лучше сливаніе буквъ въ верху и въ низу, какъ будто между двумя чертами или въ рамкѣ, относятъ мысль ко времени отдаленному, ко времени вырѣзыванія буквъ на деревѣ и камнѣ. Напротивъ того округлость глаголицы Болгарской, кажется, принадлежитъ къ тому времени, когда буквы писались и рисовались на кожѣ перомъ или кистью, чего у Славянъ не было до водворенія христіанства. Многія буквы въ глаголицѣ Хорватской ближе по формѣ къ своимъ первообразамъ, чѣмъ въ Болгарской: таковы напр. вѣди и добро, похожія на Латинскія V и D. 4) Меньшее число буквъ въ Хорватской глаголицѣ можетъ быть разсматриваемо какъ доказательство бо́льшей простоты, а слѣд. и древности азбуки. Только съ теченіемъ времени азбука усовершенствуется и дополняется: такъ умножалась когда то Греческая азбука, выросши изъ Финикійской; такъ, можетъ быть и Болгарская, произойдя отъ Хорватской. Этимъ впрочемъ не уничтожается возвратное вліяніе Болгарской глаголицы на ея матерь Хорватскую. Одно и другое относится къ разнымъ временамъ».

Это новое убѣжденіе Шафарика уже не такъ исключи-

тельно, какъ прежнее. Давая ему значеніе догадки, онъ прибавляетъ: «Надобно признаться, что все это годно только на время, достаточно только какъ доказательство возможности, а не дѣйствительности: окончательное объясненіе истины зависитъ отъ открытія памятниковъ или по крайней мѣрѣ отъ очевидныхъ свидѣтельствъ; ихъ надобно искать и на нихъ надѣяться». Тѣмъ не менѣе, обращаясь къ обозрѣнію судебъ глаголицы въ Хорватской землѣ (XLIV—XLVI), Шафарикъ остановился опять на нѣкоторыхъ данныхъ, говорящихъ въ пользу древности глаголицы Хорватской. «Древность глаголицы въ Хорватской землѣ рисуется ясно въ буллѣ папы Иннокентія IV къ эпископу Сеньскому 1248 года, изъ которой видно, что эпископъ удостовѣрялъ папу въ существованіи у Славянъ особеннаго письма (litera specialis), относимаго ихъ духовенствомъ, къ св. Іерониму. Конечно, нельзя опираться на этой буллѣ, чтобъ приписать изобрѣтеніе глаголицы св. Іерониму; это имя поставлено тутъ или просто изъ уваженія къ св. мужу, или изъ желанія прославить глаголицу, или по близости рецензіи глагольскихъ книгъ съ текстомъ Іеронимова перевода; и однако булла 1248 г. все же свидѣтельствуетъ, о незапамятной древности глаголицы у Хорватовъ: если бъ въ 1248 году глаголица была еще новымъ изобрѣтеніемъ, то какой эпископъ рѣшился бы предстать у престола папы съ такой очевидной и осязаемой ложью? Удостовѣреніе духовенства Сеньскаго подтверждается согласованіемъ другихъ свидѣтельствъ и самымъ дѣломъ. Въ межевой грамотѣ 1325 года, недавно изданной (въ Арх. Югослав. II) находимъ упоминанія о грамотахъ: 1025, 1027, 1058. 1087, 1125, 1130, 1140, 1150, 1170, 1187, 1195, 1120, 1271 год. Хотя тутъ и говорится только о грамотѣ 1195 года, какъ приготовленной въ тройномъ экземплярѣ—Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Хорватскомъ, т. е. глагольскомъ; но то же можно думать и обо всѣхъ остальныхъ. Обычай, по которому всѣ межевыя записи приготовлялись въ 1325 году тремя но-

таріями—по Латыни и по Хорватски для народа и по Нѣмецки для господъ, конечно, не получилъ свое начало только тогда, а напротивъ былъ древній (praslarý). Если обратимъ при этомъ вниманіе на разнообразное множество памятниковъ, доказывающихъ прадавнюю срослость глаголицы съ землею и ея народомъ, то должны будемъ допустить, что глаголица употреблялась въ землѣ Хорватской, для нуждъ церковныхъ и свѣтскихъ, по крайней мѣрѣ съ X вѣка. Всматриваясь въ формы буквъ Хорватскихъ и Болгарскихъ, не можемъ отказаться отъ предположенія, что гранное письмо Хорватское древнѣе округлаго Болгарскаго, и послужило для него образцомъ. Говорю только о письмѣ, а не о словесности, какъ о вещи совершенно отличной. Скажетъ ли кто, что царь Михаилъ и Константинъ философъ, около 860, въ Цареградѣ, ничего не знали ни о какой Славянской, слѣд. и о Хорватской азбукѣ (какъ видно изъ Паннонскаго житія св. Кирилла); тому въ отвѣтъ скажемъ: a) что въ Хорватскомъ приморьи и на прилежащихъ островахъ могло быть кое что и такое, о чемъ въ Цареградѣ не знали, b) что въ жизнеописаніи св. Кирилла нѣтъ упоминанія и о рѣзахъ и чертахъ, извѣстныхъ изъ свидѣтельства монаха Храбра, c) что притомъ Кириллъ имѣлъ въ въ виду только письмо, уже приспособленное къ списыванію книгъ, какимъ могла еще и не быть въ то время глаголица Хорватская, употреблявшаяся тогда, можетъ быть, подобно рунамъ и рѣзамъ, только для немногихъ нуждъ. Уже въ послѣдствіи времени, глаголица могла быть примѣнена къ нуждамъ церковнымъ въ Болгаріи, а потомъ воротиться къ Хорватамъ съ этимъ новымъ значеніемъ и сдѣлаться у нихъ исключительной принадлежностью церкви Римской.»

Изъ этихъ выписокъ ясно, что новый взглядъ Шафарика отличается отъ прежняго всего болѣе домысломъ, что колыбель глаголицы надобно искать скорѣе въ Хорватской землѣ, чѣмъ въ Болгаріи, гдѣ она представляется не какъ новое

изобрѣтеніе, а какъ воспроизведеніе древняго письма Хорватовъ. Что же заставило Шафарика дать своему новому домыслу такую значительность? Что навело его на новыя соображенія? На сколько могу судить объ этомъ по тому, что высказано въ книгѣ и въ частномъ письмѣ его ко мнѣ, всему причиною была межевая запись Истріанская 1325 г., напечатанная по списку 1546 года въ Arkivě za pověstnicu Jugoslavensku (Кн. II. стр. 227—275), актъ очень важный и для языка и для древностей Югославянскихъ. «В то вриме господуюћу кнезю Албрехту Метлике и Пазин'а и все господе дежел'ске своимъ добромъ ѣветомъ... учинише, и створени бише разводи и кунфини по всой дежели... и и ту разгледавши и утвер'дивши все тако по дежели, околу гредући разгледат' и утв'рдит, да всака страна буде своѥ уживала мирно обд'ржећ». При разсмотрѣніи и утвержденіи границъ Истріанскихъ владѣльцевъ обращено было вниманіе на права ихъ, утвержденныя прежними грамотами. Такъ между прочимъ нотаріи записали, что «г-нъ Мелартъ показа листи праве, в' кехъ се удержаху записани разводи и кунфини меју Совинакомъ з' В'рхомъ и П'лзетомъ, ки биху писани на летъ Божихъ 1195. ке листи онди предъ насъ трихъ нодари поставише, кехъ та господа изибра, једнога Латинскога, а другога Нимшкога, а третога Х'рвацкога, да имамо всаки на свои оригиналъ писат', поимено од места до места, какъ се ниже уд'ржи по вси дежели. И тако ми ниже именовани нодари преда всу ту господу прочтесмо, како се в' нихъ уд'ржи, и тако онде обе стране се сјединише и кунденташе и кордаше, и разводи своими знамени поставише, и једнои и другои страни писаше листи језикомъ Латинскимъ и Х'рватскимъ, и господа себе схранише језикомъ Немскимъ». Это упоминаніе о тройномъ экземплярѣ межевой записи, изъ которыхъ одинъ былъ писанъ на языкѣ Хорватскомъ, наводитъ на мысль, что Хорватскій экземпляръ былъ писанъ глаголицей и въ 1195, какъ было послѣ. Подобная запись

1027 года представлена былаРакланами (Ark. стр. 244 — 245): «Раклани ту показаше листи, ки биху писани на летъ Божихъ 1027, въ кехъ се уд'ржаше, да јесу прави нихъ термени и разводи од кунфини право на ону стран' П'ртлоча. И тако равно по старехъ знаменјахъ, ке показаше, како се в' писми уд'ржаше». Одна и та же запись названа и писмомъ и листами; слѣд. было два или три разноязычныхъ экземпляра одной и той записи, въ числѣ ихъ одинъ, безъ сомнѣнія, Хорватскій и — почему знать — можетъ быть, написанный глаголицей. То же можно сказать и о другихъ записяхъ XI — XIII вѣка, обозначенныхъ въ помянутомъ актѣ 1325 года. Стоять на томъ, что всѣ эти Хорватскія записи были писаны не глаголицей, нѣтъ ни какой возможности; слѣдовательно предположеніе объ употребленіи глаголицы у Хорватовъ съ XI вѣка возможно. Допуская это предположеніе, нельзя было отказаться отъ переслѣдованія фактовъ съ новой точки зрѣнія, отъ возможности свести ихъ къ новому выводу. Такъ и сдѣлалъ Шафарикъ.

Но опирая новый выводъ только на предположеніи, нельзя вполнѣ довѣрять своей мысли, т. е. не предполагать возможности и другихъ противныхъ,—и потому то Шафарикъ, сколько ни былъ рѣшителенъ въ измѣненіи, расширеніи своего взгляда на происхожденіе глаголицы, давая ему новое направленіе, не рѣшился защищать его безусловно, а представилъ его только какъ вѣроятность, какъ возможность. Печать неопредѣленности и сомнительности, лежащая на новомъ взглядѣ Шафарика, допускаетъ, что фактовъ, доселѣ замѣченныхъ, достаточно развѣ для обозначенія трудности и сложности вопроса. Изъ частей этого сложнаго вопроса, какъ рѣшенныя Шафарикомъ окончательно, можно считать слѣдующія:

1. Глаголица ни въ какомъ случаѣ не была изобрѣтена въ Болгаріи, а только измѣнена. Неизвѣстнаго прародителя

глаголицы Болгарской Шафарикъ называетъ уже не изобрѣтателемъ (vynalezce), а только устроителемъ (upravitel).

2. Хорватская глагольская азбука по рисунку буквъ древнѣе Болгарской.—Впрочемъ, признавая это, Шафарикъ для печати выбралъ образцы не изъ Хорватскихъ рукописей XIV вѣка, а изъ тѣхъ, которыя относитъ къ періоду Болгарскому.

VIII.

ДОГАДКИ О ЗБРУЧСКОМЪ ИСТУКАНѢ КРАКОВСКАГО МУЗЕЯ.

Къ числу любопытныхъ явленій въ области археологіи Русской и вообще Славянской принадлежитъ камень, хранящійся теперь въ музеѣ общества наукъ при Краковскомъ университетѣ и извѣстный подъ именемъ идола Святовида. Это четырехгранный кусокъ твердаго известняка, проникнутаго кремнеземомъ, длиною въ $8^1/_2$ футовъ, шириною въ 1 футъ, вѣсомъ до 10 центнеровъ. Верхняя часть истукана представляетъ изображеніе человѣческой головы въ шапкѣ о четырехъ лицахъ, изъ которыхъ каждое обращено къ одной изъ четырехъ граней камня. Каждая изъ граней осталась плоскою. Изображенія, сдѣланныя на нихъ, вырѣзаны барельефомъ, едва выдающимися, и съ небольшими отмѣнами повторяютъ на каждой изъ граней одно и то же. Ниже головы слѣдуетъ станъ человѣка въ довольно длинной одеждѣ, съ поясомъ. Подъ этимъ четырехлицымъ истуканомъ находится на каждой изъ четырехъ граней камня — изображеніе женщины, въ самомъ низу — изображеніе мужчины на колѣняхъ, подпирающаго руками и головою верхнюю часть изваянія. Четырехлицый истуканъ считается Святовидомъ потому, что онъ четырехлицый, и что на одной изъ граней видѣнъ у пояса мечь, а близъ

него на одеждѣ рисунокъ чего-то въ родѣ лошади, на другой же грани въ рукѣ рогъ. Камень этотъ найденъ въ августѣ 1848 года, въ рѣчкѣ Збручѣ, близъ деревни Лишковца, чтó у Гусятина (Подольской губерніи). Владѣтель этой мѣстности М. Потоцкій донесъ объ этомъ Краковскому обществу наукъ въ Ноябрѣ 1850 года, упомянувъ о слѣдующихъ подробностяхъ:

— «Въ Августѣ 1848 года, когда воды Збруча отъ долгой засухи очень опали, пограничные сторожа, проходя однажды по его берегу, увидѣли выдающуюся изъ-подъ воды шапку. Думая, что это голова утопленника, они вскочили въ воду, и съ удивленіемъ замѣтили, что шапка эта каменная, что подъ шапкой такая же каменная голова, и ниже все камень. Они дали объ этомъ знать управителю имѣнья; а онъ велѣлъ отправить на указанное мѣсто три пары воловъ, чтобы вывезти изъ воды этотъ камень. Глубина воды не допустила увѣриться, стоялъ ли этотъ истуканъ на какомъ нибудь пьедесталѣ, или просто на землѣ. Замѣтили впрочемъ на днѣ рѣки слѣды большихъ камней, которые могли быть основаніемъ истукана; но они были такъ занесены наносомъ, что вытащить ихъ было невозможно; и только подробное разсмотрѣніе вытянутаго камня дало право заключать, что онъ — верхняя часть столба, который конечно утвержденъ былъ на прочномъ основаніи. Потоцкій въ своемъ донесеніи кромѣ того объяснялъ, почему онъ считаетъ свою находку изображеніемъ Святовида. — Въ Декабрѣ того же 1850 г. Краковское общество отнеслось къ Потоцкому съ просьбою о сообщеніи дальнѣйшихъ подробностей и съ предложеніемъ, не согласится ли онъ пожертвовать своею находкой въ пользу музея общества. Въ Февралѣ 1851 года оно, получивъ желаемый отвѣтъ, послало къ Потоцкому почетнаго члена своего Ѳеофила Жебравскаго, для собранія свѣдѣній на мѣстѣ и для перевоза камня въ Краковъ. Въ Маѣ камень былъ уже въ Краковѣ, а въ Іюнѣ представлено было Жебравскимъ

подробное донесеніе, въ которомъ выразилось стараніе подтвердить мнѣніе, что истуканъ есть дѣйствительно идолъ Святовида. Все это напечатано въ 1 книжкѣ Rocznika towarzystwa naukowego, odzialu sztuk i archeologii (стр. 3—50).

Если довѣрять доводамъ первыхъ наблюдателей Потоцкаго и Жебравскаго, то нельзя не порадоваться важному пріобрѣтенію Славянской археологіи, въ своемъ родѣ единственному; но довѣрчивость, недопускающая никакихъ возраженій и сомнѣній, не только никогда не приносила наукѣ никакой пользы, но вредила ей — и даже болѣе чѣмъ неумѣстная недовѣрчивость. Лучше, кажется, остаться до времени безъ рѣшительнаго убѣжденія, чѣмъ пойти по пути мѣны увѣреній и разувѣреній.

Святовидъ былъ обожаемъ на островѣ Рюгенѣ. Нынѣшній Рюгенъ — древняя Рана, Руяна, Ро — не только прежде, но и въ X столѣтіи былъ еще очень мало извѣстенъ въ Европѣ. Въ X столѣтіи понятіе о немъ и его жителяхъ было еще такъ неопредѣленно и смѣшанно, что Руянъ не рѣдко называли *Рутенами*, и считали за одно съ Русскими. Такъ между прочимъ и княгиня Ольга у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ современныхъ представляется владѣтельницей этого острова. Съ извѣстіями о крещеніи Ольги соединяются извѣстія о распространеніи на Руянѣ вѣры Христіанской Корвейскими монахами, которые, будто бы, въ слѣдъ за проповѣдью Христіанства, построили на сѣверномъ берегу острова храмъ во имя св. Вита. Это было, говорятъ, еще во время Карла Великаго, въ слѣдствіе побѣдъ его надъ Руянами. Но Карлъ Великій никогда не былъ на Руянѣ; не только при Карлѣ, но и гораздо позже Руяне оставались независимыми; а первыя попытки введенія Христіанской вѣры у нихъ относятся не къ VIII, а къ XI вѣку. А потому и преданіе о храмѣ «св. Вита» можно считать только указаніемъ на древность поклоненія языческому богу Святовиду, слава котораго въ XI—XII вѣкѣ распространилась во

всѣ окрестныя и даже въ отдаленныя земли. Предполагать же, вмѣстѣ съ лѣтописцами того времени, что поклоненіе идолу Святовиду есть искаженіе поклоненія Христіанскому святому — Виту, чистая невозможность; потому что ни въ идеѣ о богѣ Святовидѣ, ни въ вѣрованіяхъ, съ нею соединенныхъ, ни во внѣшнемъ образѣ идола, ни въ обрядахъ поклоненія этому идолу, чисто языческому, нѣтъ, какъ увидимъ, ни одной черты, которую бы можно было считать за искаженіе христіанской идеи о Витѣ святомъ. Скорѣе напротивъ имя языческаго Святовида, уже по паденіи язычества, перенесено миссіонерами на Вита святаго, для того, чтобы облегчить язычникамъ переходъ къ понятіямъ христіанскимъ: какъ имя Годерака на св. Генедракта, имя Крока — на св. Георгія. Такъ и у насъ имя языческаго бога Волоса забыто помощію имени св. Власія.

Съ XI вѣка понятія о Руянѣ, ея жителяхъ и ихъ язычествѣ стало въ Европѣ свѣтлѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ по паденіи Ретры, съ ея идолослуженіемъ, средоточіе язычества Славянъ Балтійскихъ перешло на Руяну въ городъ Аркону. Во второй половинѣ XI вѣка князь Руянскій Круко Гриновичь сдѣлался обладателемъ большей части Поморья (1066—1105). Его современникомъ былъ извѣстный лѣтописецъ Адамъ Бременскій (онъ писалъ свои сочиненія въ 1072—1076 г.): онъ зналъ о политической важности Крука, но могъ о Руянѣ сообщить только очень общія свѣдѣнія. «Три острова — говоритъ онъ — прилежатъ къ землѣ Славянъ. Одинъ изъ нихъ, Fembre, противъ земли Вагровъ. Другой, противъ земли Вильтовъ, занятъ Ранами, или Рунами, очень сильнымъ Славянскимъ народомъ, безъ голоса которыхъ не рѣшается ни одного общественнаго дѣла у Славянъ: такъ страшны они по связи своей съ богами или скорѣе съ дьяволами. Оба острова населены пиратами и жестокими разбойниками. Третій островъ, Semland, противъ Русскихъ». Въ XII вѣкѣ политическая важность Руяны поддержалась послѣ Крука его преемниками, между

прочимъ Думаромъ (1112 — 1116). Миссіонеры христіанскіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыцари Нѣмецкіе, чѣмъ болѣе удавалось имъ водвореніе свѣта Христовой вѣры у Славянъ Балтійскихъ, тѣмъ чаще думали о томъ, какъ бы разрушить падающее язычество въ самомъ гнѣздѣ его — на Руянѣ. Напрасны были попытки Оттона Бамбергскаго (1124—1129) и епископа Берно (послѣ 1165); направны походы Германцевъ и Датчанъ. Аркона оставалась неприступною, а нѣкоторые изъ христіанскихъ государей Сѣвера считали нужнымъ, для успокоенія своихъ подданныхъ отъ впаденій Руянскихъ пиратовъ, даже посылать дары идолу Арконы. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ король Датскій Вальдемаръ IV не поставилъ своею неизмѣнною цѣлію—завоеваніе Руяны. Начиная съ 1160 года, онъ не пропустилъ почти ни одного лѣта, чтобъ не отправлять своихъ флотовъ къ Руянѣ. Пять его походовъ были неудачны, но все болѣе приближали его къ цѣли, и наконецъ, въ 1168 году, въ шестой походъ, съ огромнымъ войскомъ, онъ достигъ желаемаго: Аркона пала; палъ подъ его власть весь островъ, пали плоды — первый Святовидъ, за нимъ и всѣ другіе, — и Крестъ водрузился! Только со времени походовъ Вальдемара стали говорить подробнѣе о языческихъ вѣрованіяхъ Руянъ. Только уже въ лѣтописи Гельмольда, современника Вальдемара, доведшаго ее до 1170, занесено описаніе Арконскаго идолослуженія съ нѣкоторыми подробностями, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его паденіи. Подъ 1131 годомъ онъ занесъ, въ лѣтопись, первое по древности обстоятельное извѣстіе о Святовидѣ, а подъ 1168 добавилъ его нѣсколькими другими данными. Въ общемъ очеркѣ языческихъ суевѣрій Славянъ онъ замѣтилъ, что есть у Славянъ странный обычай обносить, во время религіозныхъ пиршествъ, чашу (pateram) съ разными заклятіями, въ которыхъ поминаются имена боговъ добра и зла. Одинъ изъ нихъ — богъ зла (malus deus) есть Чернобогъ — id est nigrus deus; другой — остался въ Хроникѣ

Гельмольда безъ имени; но вслѣдъ за упоминаніемъ этого обычая обнесенія чаши Гельмольдъ говоритъ: Inter multiformia autem Slavorum numina praepollet Zuanteuith, deus terrae Rugianorum: — «между разнообразными божествами Славянъ всѣхъ важнѣе Святовидъ, богъ земли Ругіанѳ, славный своими прѣдвѣщаніями, въ сравненіи съ которымъ всѣ другія божества представляются полубогами. Ему приносятъ въ жертву христіанъ — кому падетъ жребій. Ему посылаютъ отовсюду приношенія. Его храмъ чтятъ какъ важнѣйшую святыню». Подъ 1168 годомъ Гельмольдъ описалъ взятіе Арконы и разрушеніе идоловъ Руянскихъ. При этомъ онъ вспоминаетъ о храмѣ Вита святаго, какъ положившемъ будто бы начало языческому поклоненію идолу Святовиду, и, повторивши сказанное прежде, прибавляетъ, что Святовиду всѣ Славяне посылаютъ дань, въ надеждѣ на покровительство этого бога боговъ, что князь у Руянъ пользуется меньшею властію, чѣмъ жрецъ, жертвоприноситель, разгадывающій волю божествъ, иногда по крови жертвъ, и т. п.

Современникъ Гельмольда былъ сочинитель Книтлинга-саги, который подобно Гельмольду ввелъ въ свой разсказъ событія 1168 года — о паденіи Святовида и другихъ идоловъ Ругіянъ, но безъ подробностей о самомъ идолѣ, кромѣ упоминанія его имена Svanteviz.

Насравненно болѣе подробностей сообщаетъ другой современникъ Вальдемара IV, Датскій лѣтописецъ Саксо Грамматикъ, слышавшій о событіяхъ 1168 года отъ самыхъ участниковъ въ походѣ Вальдемара, между прочимъ и отъ епископа Абсалона, ходившаго въ походъ съ Вальдемаромъ, и принимавшаго личное участіе въ сожженіи идола Святовидова, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Эсберномъ, Соне Эбенсономъ и эпископомъ Берно. — Вотъ описаніе Саксо Грамматика:

«Этотъ городъ — говоритъ онъ — лежитъ на возвышенной вершинѣ одного мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природною, а не искусственною защитой — утеса-

ми, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь, и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый впрочемъ не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ былъ воздвигнутъ кумиръ. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя — изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только связью поперечныхъ балокъ и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный истуканъ, выше человѣческаго роста, съ четырьмя головами, на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ, что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налѣво, а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Ругіянъ. Въ правой рукѣ истуканъ держалъ рогъ, изъ разныхъ металловъ, который каждогодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука, опираясь о бокъ, была изогнута лукомъ. Верхняя одежда опускалась до берцевъ, которыя составлены были изъ различнаго рода дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что только при внимательномъ разсматриваніи можно было примѣтить швы.

Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира, и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечь, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзьбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкой. Торжественный праздникъ этого идола совершаемъ былъ такимъ образомъ: Каждогодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и праздновали религіозный, общественный пиръ. Жрецъ его, нестригшій головы и бороды противъ обычая страны, за день передъ тѣмъ, какъ долженъ совершать служеніе, старательно выметалъ вѣникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища, а потому всякій разъ, какъ принужденъ былъ выдохнуть и вдохнуть воздухъ, выбѣгалъ ко входу, чтобъ не осквернить присутствіе бога смертнымъ дыханіемъ. На другой день передъ народомъ, собравшимся у входа въ святилище, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если замѣчалъ, что напитка въ немъ убыло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старое вино къ ногамъ идола, въ возліяніе ему, наполнялъ рогъ свѣжимъ, и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастія себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивъ это, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши, опять клалъ въ руку идолу. Къ этому обряду принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка: жрецъ, поставя его между собою и народомъ спрашивалъ у Руянъ, видятъ ли они его; когда они говорили что видятъ, то онъ выра-

жалъ желаніе, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не будетъ видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію будущей жатвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя Святовида, увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая, какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ потреблялись жертвы; долгомъ почитали объѣдаться, считая воздержность за стыдъ. Для содержанія идола каждый (мужчины и женщины одинаково) ежегодно вносилъ, какъ даръ, монету (nummus). Ему же отдаваема была третья доля добычи, съ увѣренностію, что его защита даруетъ успѣхъ. У этого божества было притомъ триста коней съ такимъ же количествомъ всадниковъ, на нихъ сражавшихся, которые все, что добывали насиліемъ или воровствомъ, передавали на сбереженіе жрецу. Изъ этого приготовляемы были различныя храмовыя украшенія; остальное сохранялось въ сундукахъ подъ замками, гдѣ лежало, кромѣ огромнаго количества золота, много пурпуровыхъ тканей, отъ ветхости и гнилыхъ и порванныхъ. Здѣсь можно было видѣть множество даровъ общественныхъ и частныхъ, пожертвованныхъ тѣми, которые искали помощи бога. Этому идолу, принимавшему дань со всей Славянской земли, посылали дары даже и сосѣдніе государи: такъ между прочимъ Датскій король Свено, для умилостивленія его, предпочитая чуждую религію своей, принесъ ему въ даръ превосходной работы чашу, и за это нечестіе былъ потомъ наказанъ муками несчастной смерти. Были у этого идола храмы и въ другихъ мѣстахъ, управляемые жрецами меньшей важности. Кромѣ того у него былъ конь совершенно бѣлый, у котораго выдернуть волосъ изъ гривы или хвоста считалось нечестіемъ. Только жрецъ могъ его кормить и на немъ ѣздить, чтобъ употребленіе его на ѣзду не унизило Святовидова коня. На этомъ конѣ Святовидъ (такъ назывался идолъ) велъ

войну противъ своихъ враговъ. Это доказывали тѣмъ, что конь, оставшійся на ночь въ стойлѣ, на утро бывалъ въ грязи и въ пѣнѣ, такъ какъ будто воротился изъ дальняго пути. Гаданія этимъ конемъ были совершаемы слѣдующимъ образомъ: Если думали начать войну съ какою нибудь областію, то служителю втыкали передъ храмомъ въ землю наконечники копій, связанныя попарно крестъ на крестъ въ три ряда въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ черезъ копья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равномѣрно и морской походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача (этимъ гаданіемъ)».

Упомянувши послѣ этого о нѣкоторыхъ суевѣрныхъ гаданіяхъ Руянъ, Саксо Грамматикъ передалъ разсказъ о томъ, что Корвейскіе монахи еще во время Карла Великаго послѣ побѣды его надъ Руянами внесли къ нимъ вѣру христіанскую и почитаніе св. Вита, но что по смерти Карла, Руяне возвратились снова къ язычеству, перемѣнивши его въ Святовида.

Во время осады Арконы Вальдмаромъ ея жители защищали главныя ворота города знаменами (signis) и *орлами* (aquilis). Между знаменами всѣхъ важнѣе по величинѣ и цвѣту было stanitia, которое почти столько же было уважаемо Руянами, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все (humana divinaque), и все считали для себя позволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, пенатовъ Руянскихъ разрушать и сожигать. Власть этого небольшаго куска полотна была сильнѣе власти княжеской».

Въ *день Вита святаго*, 15 іюня 1168 года, идолъ былъ сожженъ торжественно, и на мѣстѣ храма Святовида поставили церковь во имя Вита святаго. Прибавлю къ этому, что въ 1170 году императоръ Фридрихъ отдалъ Руяну подъ власть епископа Шверинскаго и герцога Генриха Саксонскаго; Корвейскіе монахи изъ Nona Corbeya, что на Везерѣ, вошли гораздо позднѣе, а потомъ поддѣлана и грамота объ ихъ правахъ на Руянѣ, приписанная императору Лотарію, 844 г. Марта 20.

Въ XII вѣкѣ и въ слѣдующихъ о Святовидѣ только повторялись извѣстія Гельмольда и Саксо Грамматика, съ нѣкоторыми произвольными добавками, и наконецъ все дѣло сдано ученымъ археологамъ.

И до 1850 года не удалось отыскать ни на островѣ Рюгенѣ, ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ никакого остатка поклоненія Святовиду. За остатокъ поклоненія Святовиду могли считать что-то въ родѣ бритвы или серпа, съ руническимъ начертаніемъ имени Святовида между такъ называемыми Прильвицкими древностями; но съ тѣхъ поръ какъ ясно доказана подложность этихъ древностей, объ этой бритвѣ уже не можетъ быть помину. Судя по выраженію Саксо Грамматика, поклоненіе Святовиду не ограничивалось храмомъ Арконскимъ: были и въ другихъ мѣстахъ святилища, ему посвященныя; но гдѣ—это остается неразрѣшеннымъ вопросомъ. Есть имя Святовида между Чешскими глоссами Вацерада въ Mater Verborum (1203 г.), гдѣ этимъ именемъ толкуется Ares, Mavors (Марсъ); но это упоминаніе Чеха о Святовидѣ еще не доказательство, что Святовиду были посвящены храмы и въ землѣ Чешской: Святовидъ Арконскій сдѣлался со времени паденія Арконы столь общеизвѣстнымъ, что ученому глоссатору Чешскому трудно было не знать о немъ, и трудно было истолковать имя Марса другимъ, болѣе общепонятнымъ.

При безнадежности найти слѣды поклоненія Святовиду въ какой нибудь изъ земель Славянскихъ, всего ме-

нѣе ожидали такого открытія въ землѣ Русской. Правда, что нѣкоторыя данныя позволяли инымъ слишкомъ довѣрчивымъ наблюдателямъ выводить заключенія въ пользу обожанія Святовида язычниками Русскими. Какъ гадали Руяне по выступкѣ коня Святовида, такъ и доселѣ гадаютъ у насъ дѣвушки, на святкахъ, выводя лошадь изъ конюшни черезъ оглоблю или жердь, и думая, что если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастливое, а если перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирный и житье счастливое; или садятся на лошадь и, завязавъ ей глаза, даютъ ей волю итти, чтобъ узнать, въ какой сторонѣ придется быть замужемъ. При этомъ приходило на память сравненіе самаго названія *жеребецъ* и *жребій*. Гаданье на рогѣ Святовида напоминаетъ о гаданьи на чашѣ столь общемъ повсюдно. Обычай приносить пирогъ въ храмѣ Святовида повторяется также въ южной и западной Россіи съ тѣми самыми подробностями, которыя сохранены въ разсказѣ Саксо Грамматика. На щедрый или богатый вечеръ (31 Дек.) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа *исполнить законъ*. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «дежъ нашъ батько? Онъ вмѣсто отвѣта спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хибажъ вы мене не бачите?» и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!» говоритъ имъ: «дайже Боже, щобъ и на той рокъ не побачили» — ne post annum ab iisdem cerni posset — какъ записано у Саксо Грамматика.

Но все ими замѣченное указываетъ только на одинаковость языческихъ обрядовъ у всѣхъ древнихъ Славянъ, не исключая и Русскихъ, а не на Святовида въ частности. Гадали конемъ и въ храмѣ Ретрскомъ, гдѣ поклонялись не Святовиду, а Сварожичу; гадали и въ храмѣ Штетинскаго

Триглава. Гаданіе на рогѣ или чашѣ повторялось также въ храмѣ Триглава. Было оно и сохранилось отчасти доселѣ у Сербовъ Саксонскихъ и у Хорутанъ. Приношеніе пирога не заключаетъ въ себѣ также ничего, что бы заставляло думать, что оно принадлежало служенію идолу, называвшемуся исключительно Святовидомъ. Святовидъ для Руянъ былъ deus deorum — богъ боговъ. Если бы онъ былъ такимъ и у язычниковъ Русскихъ, то имя его, конечно, сохранилось бы хоть въ одномъ изъ сказаній о языческихъ суевѣріяхъ предковъ нашихъ. Не забудемъ, что не только не знаемъ ничего о Святовидѣ Русскомъ, но и ни о какомъ другомъ четырехголовомъ или вообще неодноголовомъ божествѣ язычниковъ Русскихъ.

Такимъ образомъ не позволителенъ ли вопросъ: Если Збручскій истуканъ есть истуканъ Святовида, то ужели непремѣнно Русскаго Святовида?

Но вслѣдъ за этимъ вопросомъ невольно вырывается и другой: Точно ли это истуканъ Святовида? Изъ чего это видно? Видно это, говорятъ намъ: 1) изъ четырехъ головъ его подъ одною шапкой, какъ было у Святовида Арконскаго, который, по словамъ Саксо Грамматика, quatuor capitibus totidemque cervicibus mirandum perstabat, e quibus duo pectus, totidemque tergum respicere videbantur. Но многоголовые идолы были у Балтійскихъ Славянъ въ большомъ обычаѣ: multos et duobus vel tribus vel eo amplius capitibus exculpunt — замѣтилъ Гельмольдъ. Триглавъ, по описанію жизнеописателей св. Оттона Бамбергскаго, былъ о трехъ головахъ. У Поревита было — какъ описываетъ Саксо Грамматикъ — четыре лица, а пятое виднѣлось на груди. Поренутъ изображался съ пятью головами. У Ругіевита было подъ однимъ черепомъ семь лицъ. Почему же истуканъ Збручскій непремѣнно Святовидъ? Почему не Поревитъ, у котораго было тоже четыре лица подъ одною шапкой, если онъ точно былъ въ шапкѣ? 2) У идола Збручскаго есть на поясѣ мечь, такъ же какъ

и у Святовида Арконскаго; но у Святовида Арконскаго мечь былъ не на поясѣ, а лежалъ подлѣ истукана, и замѣченъ Саксо Грамматикомъ по своей громадности, по богатству и красотѣ отдѣлки. Еслибъ не эта особенность, то можетъ быть Саксо Грамматикъ и не отмѣтилъ бы меча Святовида, такъ какъ не отмѣтилъ многихъ другихъ его принадлежностей — compluraque divinitatis insignia. Да и не у одного Святовида былъ мечь: идолы Ретрскіе — по словамъ Дитмара — были всѣ страшно вооружены; у Ругіевита — по сказанію того же Саксо Грамматика — было семь мечей въ ножнахъ и одинъ на голо въ рукѣ. 3) На идолѣ Збручскомъ изображенъ конь; а у Святовида Арконскаго былъ тоже конь. Но конь былъ не у одного Святовида: священнымъ конемъ своимъ славился и Триглавъ Штетинскій, и Сварожичь Ретрскій. 4) У идола Збручскаго въ рукѣ рогъ, такъ же какъ былъ у Святовида Арконскаго. Вотъ самое важное доказательство въ пользу мнѣнія, что истуканъ Збручскій есть именно Святовидъ. Идола съ рогомъ въ рукѣ мы не знаемъ ни одного изъ идоловъ Славянскихъ, кромѣ Святовида. Изъ того впрочемъ, что не знаемъ, еще не слѣдуетъ заключать, что только у Святовида и могъ быть въ рукѣ рогъ. И притомъ, можно ли доказать, что изображеніе чего-то похожаго на рогъ есть именно изображеніе рога? Изображеніе вырѣзано, судя по рисунку, такъ неопредѣленно, что, глядя на него, рогъ можетъ придти на мысль только тогда, когда пришло на мысль Саксоново описаніе идола Святовида. Если же трудно доказать, что идолъ Збручскій держитъ въ рукѣ именно рогъ, то нельзя не оставить и рога какъ довода тожества этого идола съ Святовидомъ. — Вспомнимъ еще, что мастеръ, вырѣзывавшій этотъ истуканъ, какъ истуканъ Святовида, забылъ о многихъ принадлежностяхъ, которыми славился Святовидъ Арконскій, забылъ сѣдло и узду, знамя станицу, орловъ и т. п.

И почему непремѣнно видѣть въ Збручскомъ исту-

канѣ если даже и не Святовида, то хоть какого бы то ни было другаго идола Славянскаго? Что въ немъ особенно рисуется какъ Славянское? По тѣмъ самымъ признакамъ, которые даютъ поводъ видѣть въ немъ идола Славянскаго, можно доказать, что это истуканъ Литовскій, Германскій, Индійскій. По другимъ можно доказать, что это истуканъ не Славянскій. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) Всѣ извѣстныя описанія истукановъ Славянскихъ сходны въ одномъ: это были статуи, можетъ быть и грубо сдѣланныя, но настоящія статуи, даже иногда въ подлинной одеждѣ, а не обелиски или что бы то ни было удаляющее отъ формы статуи. Истуканъ Збручскій — не статуя, а обелискъ съ головою и съ разными изображеніями на граняхъ, вырѣзанными барельефомъ. Вспомнимъ и статую Святовида Арконскаго: въ ней при четырехъ головахъ одно тѣло; а въ Збручскомъ истуканѣ четыре головы, четыре и стана, соединенные вмѣстѣ. 2) Всѣ извѣстные истуканы Славянскихъ божествъ были или выбиты изъ металла — мѣди, серебра, золота (такъ въ золотѣ былъ и Сварожичь Ретрскій — auro paratus, по сказанію Адама Бременскаго и Гельмольда), или же, большею частію, вырѣзаны изъ дерева: таковъ былъ и Святовидъ Арконскій, и всѣ идолы Руяны, подобно Перуну Кіевскому и Новгородскому, Триглаву Штетинскому, и т. д. О каменныхъ истуканахъ Славянскихъ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій. Оно есть, правда, въ такъ называемой Іоакимовой лѣтописи: «Добрыня же идолы сокруши, древяніи же сожгоша, а *каменіи* изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика»; но извѣстіе Іоакимовой лѣтописи такъ же мало можетъ быть принято за достовѣрное свидѣтельство, какъ почти всякое другое, въ ней одной находимое. Въ лѣтописяхъ Новгородскихъ говорится не о каменномъ идолѣ Перуна, а именно о деревянномъ: «И пріиде къ Новгороду архіепископъ Якимъ, и требища разори и *посѣче*, и повелѣ въврещи въ Волховъ. И повясавши ужи вле-

чахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе.... и вринуша его въ Волховъ. Онъ же *пловя* сквозѣ великій мостъ, верже палицю.... Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, оли Перунъ *приплы* къ берви и *отрину* и *шестомъ*; ты, рече, Перушице, досыти еси ѣлъ и пилъ, нынича *плыви* прочь». Есть еще упоминаніе о каменныхъ идолахъ въ одной древней проповѣди: «Тако до нынѣ зрите здѣ яко в дрѣвнемъ Вавилонѣ куміры древяни и *камени* сребромъ и золотомъ поволочени а багреница на раменахъ имуще»; но едва ли это не подражаніе одному изъ мѣстъ Св. Писанія, въ которомъ проповѣдникъ Русскій повторилъ то, что нашелъ объ идолахъ древнихъ. Если бы у Славянъ былъ обычай вытесывать идоловъ изъ камня, то, конечно, не одинъ изъ нихъ сохранился бы до нашего времени. При этомъ можемъ вспомнить, что Славяне, будучи славны какъ «древодѣли», удивлявшіе всѣхъ своею рѣзьбою на деревѣ, были вовсе неизвѣстны какъ каменотесы. Не только они ничего не рѣзали на камнѣ или изъ камня, но въ рѣдкость употребляли камень и для построекъ. 3) Какъ мастерскіе рѣщики на деревѣ, Славяне, удивляя миссіонеровъ искусствомъ вырѣзки идоловъ и даже барельефныхъ изображеній на стѣнахъ и оградахъ храмовъ, приложивши свое рѣзное искусство и къ камню, не удовольствовались бы грубыми нарѣзками самыхъ нелѣпыхъ очертаній для изображенія своего божества, какими отличается истуканъ Збручскій, сравниваясь въ этомъ отношеніи съ тѣми каменными такъ называемыми бабами, которыхъ такъ много найдено въ южной Россіи, какъ показано между прочимъ и достопочтеннымъ членомъ Арх. Общества А. И. Пискаревымъ (О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ. Записки Арх. Общ. III, стр. 205 и слѣд.). Кстати замѣтить о такого рода четырехголовой бабѣ, стоящей на холмѣ въ долинѣ Днѣпра, какъ помнится, по дорогѣ изъ Рѣчицы въ Бобруйскъ.

Если же истуканъ Збручскій не принадлежитъ къ

числу древностей Славянскихъ, то что же онъ такое? Онъ не похожъ ни на одну изъ каменныхъ бабъ. Онъ не похожъ ни на что до сихъ поръ открытое въ Россіи и въ другихъ окрестныхъ земляхъ. Что же онъ такое?

Я позволяю себѣ высказать этотъ вопросъ, не съ тѣмъ однако, чтобъ дать на него хоть какой нибудь отвѣтъ. Напротивъ того, думаю, что при неудовлетворительности описаній, сдѣланныхъ Потоцкимъ и Жебравскимъ, возможны, или даже необходимы, еще нѣкоторые вопросы:

— Нѣтъ ли на камнѣ какихъ нибудь примѣтъ древности, вліянія воды и ила, воздуха и земли? и т. п. Нѣтъ ли слѣдовъ разрушенія состава камня или мастерства рукъ человѣческихъ, трудившихся надъ его обдѣлкой? а если есть, то какіе и въ какихъ мѣстахъ?

— Туземный ли это камень или завозный? Нѣтъ ли особенныхъ примѣтъ рѣзнаго мастерства, по которымъ можно было бы судить, чѣмъ рѣзано было и чѣмъ обдѣлываемо? и т. п.

Нѣкоторые изъ этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ могутъ быть разрѣшены только ученымъ скульпторомъ, а другіе только знатокомъ минералогіи и геологіи.

Археологъ въ такихъ загадочныхъ дѣлахъ послѣднiй отвѣтчикъ,—и то не всякій археологъ. Для человѣка, неуспѣвшаго сосредоточить въ себѣ знаній разнообразныхъ и неумѣющаго помирить свое знаніе съ увѣренностью, что онъ не всегда знаетъ все, что́ нужно знать, самый трудный вопросъ рѣшается легко и самый ничтожный представляется очень важнымъ. Сотни памятниковъ берегутся въ музеяхъ Европы какъ загадки. Ужели загадкою останется и этотъ Збручскій истуканъ?

IX.

ТРУДЪ И МНѢНІЯ Н. В. БЕРГА КАСАТЕЛЬНО НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

I.

Напрасно было бы говорить о литературной, исторической и филологической важности народныхъ пѣсень, этихъ, такъ сказать, естественныхъ произведеній словесности, слагаемыхъ въ народѣ безъ помощи грамотности и учебныхъ правилъ риторики и піитики, оцѣняемыхъ народнымъ чувствомъ безъ помощи ученыхъ критиковъ, и тѣмъ не менѣе доходящихъ иногда до такой степени художественности, до какой не можетъ дойти никогда произведеніе литературнаго искуства. Признаніе важности народныхъ пѣсень въ такой же мѣрѣ выражаетъ успѣхи науки нашего времени, въ какой и признаніе необходимости изслѣдовать языкъ только какъ естественное произведеніе и пользоваться имъ только по законамъ его природы, а не по правиламъ самовольно придумываемыхъ теорій. Признаніе важности народныхъ пѣсень одно могло быть общей причиной того общаго вниманія къ нимъ, которое не

ослабляется — ни неудачами принимания за народное всего простонароднаго,—ни фактами омертвѣнія народной поэзіи у нѣкоторыхъ народовъ и замѣненія плодовъ ея въ народѣ стихотворѣніями писателей, нерѣдко или дурными, или искаженными,—ни открытіями новыхъ сокровищь художественной литературы, объясняющихъ судьбы образованности народовъ,—ни тѣмъ менѣе успѣхами современнаго литературнаго искуства, которые, хотя отчасти, зависѣли и отъ разумѣнія законовъ народной словесности.

Что трудъ г. Берга достоинъ одобренія въ какой бы то ни было мѣрѣ, это, какъ намъ кажется, должно быть ясно для каждаго, кто вникнетъ внимательно въ содержаніе книги и въ тѣ трудности, которыя долженъ былъ авторъ преодолѣть не только при подборѣ того, что надобно было внести въ нее, но и при передачѣ по Русски всего имъ отобраннаго.

Пѣсни, выбранныя г. Бергомъ для его сборника, и сообщенныя въ самыхъ подлинникахъ, распредѣлены имъ по-народно въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: 1) пѣсни лирическія и 2) пѣсни эпическія. Чтобы наглядно доказать, сколько усилій долженъ былъ употребить г. Бергъ для того, чтобы довести свой выборъ пѣсень разныхъ народовъ до желаемаго разнообразія, мы обозримъ его выборъ по народамъ, указывая на источники, бывшіе у г. Берга, и для большей ясности подчинимъ наше обозрѣніе порядку чисто этнографическому.

I. Пѣсни народовъ *Славянскихъ*, какъ и должно было ожидать, заняли въ книгѣ г. Берга главное мѣсто.

1. Пѣсни *Малорусскія*, исключительно лирическія, заняты изъ сборниковъ М. А. Максимовича (Малороссійскія народныя пѣсни. М. 1827) и В. изъ Олеска (Pieśni ludu Galicyjskiego. Lwow. 1833). Это безспорно, вмѣстѣ съ изданіемъ Ж. Паули (Pieśni ludu Ruskiego w. Galicyi, Lwow. 1839) и немногими другими, лучшіе изъ сборниковъ Малорусскихъ пѣсень.

2. Пѣснямъ *Болгарскимъ*, за исключеніемъ первоначальныхъ попытокъ, до сихъ поръ не было посвящено ни одного изданія, и потому г. Бергъ постарался достать себѣ рукописный сборникъ г. Априлова, важнѣйшій изъ доселѣ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ по величинѣ, доказывающій между прочимъ и то, что народная поэзія Болгаръ оживлена еще до сихъ поръ духомъ эпическимъ. Трудъ г. Безсонова, нынѣ изданный (Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и др. Болгаръ. М. 1855. 2 книги), не былъ извѣстенъ г. Бергу.

3. Для пѣсень *Сербскихъ* былъ у г. Берга лучшій какой есть и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ источникъ, знаменитый трудъ В. С. Караджича (Српске народне піесме. Беч. 1841—1845). Г. Бергъ не забылъ рядомъ съ образцами эпопей представить нѣсколько образцовъ лирическихъ пѣсень. Уже прежде, въ отдѣльномъ сборникѣ и потомъ въ повременныхъ изданіяхъ, г. Бергъ познакомилъ Русскую публику съ несравненными образцами народной поэзіи Сербской.

4. Пѣсни *Словаковъ* заняты изъ богатаго изданія Я. Коллара (Narodnié zpiewanky čili pisnĕ swĕtské Slowàkŭ w Uhràch. Budin. 1831—1835): это изданіе остается лучшимъ источникомъ для всякаго, кто хочетъ познакомиться съ поэзіей Карпатскихъ горцевъ.

5. Пѣсни *Чешскія* и *Моравскія*, бывшія предметомъ трудовъ многихъ собирателей, подобраны лучше всего *К. Эрбеномъ* (Pisnĕ narodní w Čechach. Praha. 1842—1843) и *Ф. Сушиломъ* (Morawské narodni pjsné. Brno. 1835. 1840. 1853): трудами этихъ изыскателей и пользовался г. Бергъ, умѣя остановиться на самомъ характеристическомъ.

6. Пѣсни *Сербовъ Лужицкихъ*, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ (отличающихся по языку), заимствованы г. Бергомъ изъ превосходнаго сборника, изданнаго *Я. Смоляромъ*

и *Л. Гауптомъ* (Pjesnički hornych a delnych Lužickich Serbow. Gryma. 1841—1843).

7. Пѣсни *Польскія* въ послѣдніе двадцать лѣтъ были издаваемы многими любителями, но за немногими исключеніями очень неудачно; потому что въ ихъ сборникахъ не только смѣшивались пѣсни чисто народныя со стихотвореніями, написанными для пѣнія, но рядомъ съ тѣмъ, что такъ или иначе было найдено, печатались и разныя поддѣлки. По невозможности достать сборниковъ *Ж. Паули* и г. *Кольберга*, г. Бергъ обратился къ сборнику *В. изъ Олеска* (Pieśni ludu Galic.) и умѣлъ выбрать изъ него пѣсни, въ которыхъ ясно выражается характеръ чисто народной поэзіи Польской.

Изъ этого перечня Славянскихъ пѣсень видно, что въ книгѣ г. Берга нѣтъ пѣсень Хорватскихъ и Хорутанскихъ. Для Хорватскихъ пѣсень нѣтъ еще ни одного печатнаго сборника; есть только пробы въ журналахъ и газетахъ Хорватскихъ, и то болѣе годныя для лингвиста. Что касается до Хорутанскихъ пѣсень, то сборникъ изданный книгопродавцемъ *I. Блазникомъ* (Slovenske pesni. Lubljana. 1838—42) лишенъ достоинства, а сборникъ *С. Враза* (Narodne pěsme ilirske. Zagreb. 1839) принадлежитъ уже къ библіографическимъ рѣдкостямъ.

II. Пѣсни *Литвы*, племени столь близкаго къ Славянамъ, какъ по языку и быту, такъ и по судьбамъ, оставались до сихъ поръ въ Русской литературѣ совершенно неизвѣстными, а между тѣмъ д-ръ *Реза* издалъ ихъ сборникъ уже за 30 лѣтъ передъ симъ (Dainos oder Litthauische Volkslieder. Königsberg 1825; второе изданіе: Berlin. 1843). *Лудвигъ изъ Покевья* (Litwa pod względem starożytnych zabytków и пр. Wilno. 1846), *С. Довконтъ* (Dajnos zjamajtiû. Petropol. 1846) и сотрудники Neue Preuss. Provinzial-Blätter (томы I, V, VI, VIII, X, XI), кромѣ другихъ менѣе счастливыхъ собирателей увеличили количество данныхъ, замѣченныхъ Резой (пѣсень и обычаевъ), къ которымъ

онѣ относятся почти втрое. Кое что новое умѣлъ собрать и д-ръ *Нессельманъ* (Littauische Volkslieder. Berlin 1853). Г. Бергъ пользовался сборникомъ д-ра Резы. Сборника Нессельманова онъ еще не могъ достать, какъ позже вышедшаго, а другія изданія доступны и извѣстны у насъ столько же, какъ древнія рукописи. Впрочемъ, выборъ г. Берга отъ этого не могъ нисколько пострадать.

III. Пѣсни *Тевтонскихъ* народовъ. Изъ нихъ вошли въ книгу у г. Берга только Скандинавскія, т. е. Датчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ; и въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ были для него указанія и извѣстія знатока ихъ, сочлена нашего по Академіи, Я. К. Грота.

1. При выборѣ пѣсень *Датскихъ* и *Норвежскихъ* г. Бергъ пользовался сборникомъ и *А. Бергреена* (Folke Sange og melodier. Kjöbenhavn. 1844 — 1845), который имѣлъ для себя пособіемъ и трудъ *Нирупа* (Udvalg of Danske viser. Kjobenh. 1821). Сборникъ *М. Ланстада* (Norske Folkeviser. Christiania. 1853) вышелъ позже.

2. Пѣсни *Шведскія*, находящіяся у г. Берга, взяты изъ знаменитаго сборника *Э. Гейера* и *А. Афцеліуса* (Svenska Folkvisor. Stockholm. 1814 — 1816), незатемненнаго гораздо позже вышедшей книгой *А. Арводсона* (Svenska Fernsänger: en samling af kämpevisor, folkvisor, lekar, dansar, barn-och vall-sänger. Stockholm. 1834).

Такимъ образомъ нѣтъ у г. Берга пѣсень Англичанъ и Голландцевъ, нѣтъ и пѣсень Нѣмцевъ, хотя они вовсе не такъ бѣдны чисто народными пѣснями, какъ нѣкоторые думаютъ, судя по тѣмъ сборникамъ, гдѣ вмѣсто народныхъ пѣсень глазъ встрѣчаетъ старыя и новыя стихотворенія, написанныя для пѣнія. Что это такъ, легко убѣдиться изъ любопытнаго сочиненія *Тальфи* (Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder germanischer Nationen. Leipz. 1840), изъ обширнаго изданія *А. Фирмениха* (Germaniens Völkerstimmen. Berlin. 1846 — 1854), до сихъ поръ еще продолжающагося, и еще лучше изъ недавно

изданной книги *Ф. Митлера* (Deutsche Volkslieder. Cassel. 1854), не говоря уже о другихъ сборникахъ, не столь общихъ. Вѣроятно, невозможность ближе познакомиться съ народной поэзіей Нѣмецкой по хорошимъ сборникамъ, которыми въ самомъ дѣлѣ очень бѣдны всѣ наши библіотеки, была причиною пропуска въ книгѣ г. Берга; а между тѣмъ онъ же прежде познакомилъ Русскую публику съ пѣснію о Гудибрандтѣ и Гильдебрандтѣ, и приготовилъ къ изданію нѣсколько другихъ переводовъ памятниковъ древней Нѣмецкой поэзіи.

IV. Пѣсни *Кельтскихъ* народовъ до сихъ поръ большею частію остаются загадкою, какъ и многое, что касается Кельтовъ, особенно въ литературномъ отношеніи. По этому очень естественно было г. Бергу ограничиться только *пѣснями Бретонскими*, для выбора которыхъ онъ пользовался прекраснымъ сборникомъ *Ѳ. Вильмарке* (Barzaz-breiz. Chants populaires de la Bretagne. Paris. 1839. Изданіе 4-е вышло въ 1846). Пѣсни *Валлисскія* до сихъ поръ, сколько извѣстно, не изданы, кромѣ тѣхъ, которыя помѣщены у Вальмарке. Сборники *Ирландскихъ пѣсень* существуютъ, но трудно сказать, дѣйствительно ли народныхъ, или произведеній новыхъ бардовъ-писателей, шедшихъ по слѣдамъ древнихъ и старыхъ, наведшихъ Макферсона на его странную работу передѣлки и поддѣлки, а потомъ и всю Европу на вопросъ до сихъ поръ нерѣшеный, какъ не рѣшенъ и вопросъ о бардахъ Валлиса. Пѣсни *Шотландскія* извѣстны изъ сборника *В. Даунея* (W. Dauney: Ancient Scotish melodies. Lond. 1841).

V. Пѣсни *Романскихъ* народовъ, не смотря на то, что онѣ могли бы быть извѣстны въ Европѣ, гораздо болѣе чѣмъ Кельтскія, остаются такъ же мало извѣстны. У г. Берга есть только Французскія и Испанскія.

1. Пѣсни *Французскія* выбраны г. Бергомъ изъ книги *Г. Деллоа* (Chants et chansons populaires de la France. Paris. 1843), какъ изъ сборника до сихъ поръ считающа-

гося лучшимъ, хотя въ немъ и перемѣшаны чисто народныя съ мѣщанскими и тому подобными. Трудъ выбора чисто народныхъ Французскихъ пѣсень очень тяжелъ, судя по тому, что для этого изданія надобно заглядывать даже въ такія книги, какова напр. изданная *Л. Курмеромъ* (Les Francais peints par eux-mêmes. Province. Tome second. Paris. 1841).

2. Чтобы хоть сколько нибудь познакомить съ *пѣснями Испанскими*, г. Бергъ принужденъ былъ обратиться къ Romancero (Romancero e historia del Cid, por J. de Escobar. Francfort. 1828), и къ кое-какимъ побочнымъ пособіямъ.

Не льзя не сожалѣть, что недостатокъ пособій заставилъ его миновать народную поэзію горной и сѣверной Италіи (тутъ же и Итальянской Швейцаріи) и Румуновъ Валахіи и Молдавіи.

VI. Пѣсни *Грековъ* извлечены г. Бергомъ изъ превосходнаго сборника *Форіеля* (Chants populaires de la Grèce moderne. Paris. 1824), незамѣненнаго ни чѣмъ лучшимъ и до сего времени, не смотря на появленіе нѣсколькихъ другихъ, изъ которыхъ одинъ изъ самыхъ полныхъ и новыхъ приготовленъ былъ въ самой Греціи *Спир. Зампеліемъ* (Ἄσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος. Κερκύρα. 1852; пѣсни, числомъ 196, занимаютъ здѣсь стр. 599 — 766, а передъ ними помѣщено огромное энциклопедическое введеніе). Кое-что въ добавокъ къ Форіелю взято г. Бергомъ изъ книги *Фирмениха* (Τραγούδια Ρωμαϊκά. Berlin. 1844).

VII. Пѣсни *Албанцевъ* оставались почти неизвѣстны до появленія записокъ д-ра *І. Гана* (Albanesische Studien. Iena. 1854), гдѣ въ первый разъ собрано ихъ довольно много (II. стр. 127 — 150). Не имѣя возможности пользоваться этой книгой, которая печаталась въ одно время съ его книгой, г. Бергъ, по необходимости долженъ былъ обратиться къ какому нибудь побочному пособію, и взялъ Албанскія пѣсни изъ примѣчаній къ Чайльдъ-Гарольду л. Байрона.

VIII. Пѣсни *Басков* остаются почти совершенно неизвѣстны. Не знаемъ источника, изъ котораго г. Бергъ заимствовалъ ту пѣсню, которая вошла въ его выборъ, и считаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣстнымъ сомнѣнія въ дѣйствительности ея народности. Самый доступный изъ источниковъ, гдѣ находятся отрывки если не вполнѣ, то хоть до половины народныхъ пѣснопѣній Баскскихъ, есть трудъ В. Гумбольдта (Berichtigungen zum Mithridates *).

IX. Пѣсни *Мадьяров*, за которыя нерѣдко выдавались произведенія новыхъ писателей, ни сколько и не думавшихъ о своей народности въ смыслѣ филолого-этнографическомъ, оставались бы и теперь неизвѣстными, если бы г. Бергъ не далъ имъ мѣста въ своей книгѣ: пѣсни Мадьярскія, имъ сообщенныя, взяты изъ рукописнаго сборника, присланнаго ему самимъ собирателемъ Л. Штуромъ, судьею въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе безпристрастнымъ, что самъ онъ не Мадьяръ, а Словакъ, ни сколько не увлеченный мадьяроманіей.

X. Пѣсни *Финнов*, племени до сихъ поръ сохраняющаго богатства народной поэзіи, очень важныя во всѣхъ отношеніяхъ, сообщены г. Бергу изъ хорошихъ источниковъ знатокомъ дѣла, Я. К. Гротомъ, къ сожалѣнію только въ небольшомъ числѣ и только пѣсни собственно *Финнов* или *Суоми*, тогда какъ желательно было бы видѣть рядомъ съ ними и пѣсни *Эстов*, нынѣ уже изданные въ очень значительномъ числѣ **).

---

*) Менѣе доступны: *A Chaho*, Voyage en Navarre. Paris. 1836, стр. 29, 82, 347 и 356. *A. du Mège*, Histoire générale de Languedoc. Paris 1840, стр. 646—649. Diccionario géografico-historico de España por la R. Academia de la historia. Madr. 1802. I. стр. 72, 164, 397. — Не можемъ кстати не вспомнить о любопытной книгѣ *А. Эллисена* (Versuch einer Polyglotte der Europ. Poesie. Leipzig. 1846. I. стр. 4—6, 8), гдѣ приведены два замѣчательные отрывка.

**) На случай надобности сообщаемъ здѣсь указанія изданій пѣсень Суоми и Эстовъ, составленное нами отчасти при пособіи Академика О. А. Шифнера: *Z Topelius*, Suomen kansan wanhoja runoja

Кромѣ пѣсень всѣхъ десяти племенъ Европейскаго народонаселенія, находимъ въ книгѣ г. Берга еще до 20 пѣсень Азіатскихъ на Санскритскомъ, Персидскомъ, Арабскомъ, Армянскомъ, Татарскомъ, Калмыцкомъ, нашедшихъ себѣ въ ней мѣсто при пособіи знатоковъ.

Употребивъ всѣ возможныя усилія для подбора и вѣрнаго разумѣнія пѣсень, г. Бергъ былъ не менѣе старателенъ и въ отношеніи къ тому, чтобъ довести свой переводъ пѣсень до возможнаго совершенства и объяснить ихъ разными примѣчаніями. Сколько позволило намъ знаніе, сличили мы подлинники съ переводами г. Берга, и хотя не всегда находили буквальную вѣрность, тѣмъ не менѣе не могли не удивляться искуству г. Берга въ передачѣ духа пѣсень и тѣхъ выраженій, которыми обрисовываются особенности народности. Здѣсь кстати привести слова г. Берга о томъ, какъ должно переводить народныя пѣсни.

«Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ впечатлѣнія... Если станете ловить каждый изгибъ, всякую подробность, вы свяжете себѣ руки. А тутъ, въ народномъ языкѣ, всего нужнѣе свобода слова. Нужно, чтобы все было народно, откликалось бы сердцу вашего народа, точно такъ же, какъ откликается подлинникъ сердцу, кому онъ свой».—Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что г. Бергъ допускаетъ передѣлки, пропуски чего бы то ни было такого, что рисуетъ своенародность пѣсни; напротивъ: онъ считаетъ необходимымъ дорожить вѣрностью не только отдѣльныхъ выраженій, но и общаго строенія языка, об

---

ynnä myös nykysempiä lauluja. Abo. 1822—1831. — *E. Lönnrot*, Kantele taikka Suomen kansan sekä wanhoja että nyky isi ä runoja ja loluja. Helsingfors. 1829 — 1831. G. v. *Schröter*, Finnische Runen. Stuttgart. 1834.— *E. Lönnrot*, Kanteletar taikka Suomen kansan wanhoja lauluja ja wirsiä. Helsingfors. 1840. — *H. Neus*, Ehstnische Volkslieder. Reval. 1850 — 1851. — *F. Kreutzwald* u. *H. Neus*, Mythische und magische Lieder der Ehsten. Sp. B. 1854.—Kalewala. Hels. 1845 и 1849. Нѣмецкій переводъ О. А. Шифнера: Kalewala, das National-Epos der Finnen. Hels. 1852.

щей выразительности переводимыхъ пѣсень. «А главное — прибавляетъ г. Бергъ — не надо мудрствовать, хитрить: пѣсня проста какъ природа; и создается она безъ всякой хитрости, и записывать ее надо не хитря, и переводить также.» Все это не просто слова, а результатъ испытаній и размышленій человѣка, преданнаго предпринятому имъ дѣлу, умѣющему дать себѣ отчетъ въ его трудностяхъ.

Оцѣняя достоинства труда г. Берга, мы долгомъ считаемъ напомнить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, его опредѣляющихъ.

Тяжело бываетъ самымъ даровитымъ художникамъ возсоздавать на своемъ языкѣ писателей, себѣ подобныхъ (говоримъ о художникахъ, каковы были Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ); что же сказать о тѣхъ усиліяхъ, какія нужно для уразумѣнія духа и мысли не одного человѣка, а цѣлаго народа. Кто рѣшается усвоивать своему языку произведенія какого нибудь чужаго писателя, всегда имѣетъ право облегчать себя свободою выбора, подчиняя его своему личному вкусу и разумѣнію, останавливаясь только на томъ, что можетъ себѣ усвоить; въ выборѣ произведеній народной словесности личность исчезаетъ передъ голосомъ народа, потому что въ ней не то лучшее, что кому нибудь нравится, а то, въ чемъ народъ выражаетъ себя яснѣе. И если есть возможность сочувствовать произведеніямъ народной словесности, то это сочувствіе вовсе не то, что усвоеніе: истинное усвоеніе возможно только для человѣка, не отдѣлившагося отъ народа, живущаго съ нимъ одною жизнію, а слѣдовательно не для горожанина, глядящаго на свѣтъ иначе, чѣмъ селянинъ-пахарь, пастухъ, рыболовъ, звѣроловъ, тѣмъ менѣе для горожанина чужой земли. Кромѣ того, кто возсоздаетъ поэзію того или другаго народа, тотъ долженъ владѣть роднымъ языкомъ вполнѣ, съ разными его мелочами, не только матеріально, что одно для многихъ остается навсегда непобѣдимымъ, но и духовно, душой сочувствуя каждому из-

бираемому звуку, душой, а не внѣшними требованіями вкуса времени. И все это тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе было опытовъ прежде.

Вспомнимъ, что Русская литература до сихъ поръ была бѣдна переводами народныхъ пѣсень иноземныхъ. Нѣкоторые изъ даровитыхъ нашихъ писателей (Карамзинъ, Гнѣдичь, Востоковъ, Пушкинъ, Жуковскій) представили попытки въ этомъ родѣ, безспорно счастливыя, но только попытки болѣе или менѣе случайныя, — и не было ни одного писателя, который бы, подобно Чешскому поэту Челяковскому, или даровитой Тальфи, на изученіе памятниковъ народной словесности разныхъ народовъ глядѣлъ какъ на источникъ новыхъ, драгоцѣнныхъ сокровищъ поэзіи вообще. Г. Бергъ первый выступилъ на это поприще съ такимъ убѣжденіемъ и (что всего важнѣе) съ полною рѣшимостью остаться на немъ почти исключительно, — и первые его шаги на немъ (переводы древнихъ Чешскихъ и Нѣмецкихъ пѣсень и пѣсень новыхъ Сербскихъ и Малорусскихъ) были такъ удачны, какъ только можно ожидать отъ писателя даровитаго и заботливаго. Новый, здѣсь разсматриваемый трудъ г. Берга, есть продолженіе прежде начатаго предпріятія. Онъ доказываетъ, что г. Бергъ взялся за дѣло не легко, не какъ «беллетристъ», а какъ писатель, соединяющій въ одно требованія литературныя и ученыя и обладающій истиннымъ дарованіемъ и любовію къ столь нелегкому труду. Тѣмъ болѣе надобно дорожить этимъ, что отъ изученія народной поэзіи нельзя не ожидать для нашей литературы послѣдствій благодѣтельныхъ.

II.

Разсматривая книгу, изданную г. Бергомъ не какъ трудъ оконченный, а какъ счастливое начало — труда гораздо болѣе обширнаго и важнаго, какъ основаніе изданія въ Русской литературѣ еще не существующаго, но уже задуманнаго, мы считаемъ необходимымъ обратить внима-

ніе на самыя понятія г. Берга о дѣлѣ, за которое онъ взялся, на сколько онъ самъ выразилъ ихъ въ обширномъ предисловіи и въ другихъ мѣстахъ.

«Пѣсня есть первое непосредственное проявленіе поэтическаго народнаго генія въ словѣ. Смотря по народу и условіямъ его быта, пѣсня получаетъ свой особенный характеръ и названіе. Вовсе безъ пѣсни обойтись народу нельзя. Всякій народъ поетъ что нибудь, или принятое отъ предковъ, или создаваемое имъ самимъ.» Начавъ такъ изложеніе своихъ понятій о народной пѣснѣ, г. Бергъ очевидно хотѣлъ коснуться обѣихъ сторонъ ея значенія художественнаго и историческаго, отвѣчая на вопросы: при какихъ условіяхъ можно ожидать отъ народной пѣсни красоты безотносительной, красоты и звуковъ и содержанія, и отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ пѣсенность народа,—и та пѣсенность, которая заставляетъ народъ напѣвать что бы то ни было, лишь бы слышать звуки своего голоса, и та другая пѣсенность, можно сказать ей противоположная, въ силу которой народъ, не обращая вниманіе на разнообразіе сочетаній звуковъ голоса, повторяя часто все тѣ же звуки, силится обогатить свои пѣсни сокровищами внутренняго содержанія, сохранить въ нихъ всѣ свои впечатлѣнія душевныя? Въ запискахъ путешественниковъ и этнографовъ находимъ множество замѣчаній, которыя, по видимому, должны помочь рѣшенію этихъ вопросовъ; но, кто не знаетъ, до какой степени легко и отрывочно составляются эти замѣчанія, какъ часто не только путешественникъ но даже этнографъ, наблюдающій все тѣ же края, бываетъ въ необходимости ограничиваться въ замѣчаніяхъ этого рода только кое чѣмъ случайнымъ, изъ чего нельзя выводить никакихъ правильныхъ заключеній; Осторожный наблюдатель, которому предстоитъ трудъ сводить эти замѣчанія во что нибудь цѣлое, въ хаосѣ недоумѣній и сомнѣній, не можетъ дать цѣнности ни своимъ случайнымъ выводамъ, ни даже самымъ предполо-

женіямъ, какъ вопросамъ безотвѣтнымъ. Никто поэтому не станетъ строго упрекать г. Берга въ отрывочности его замѣтокъ о художественномъ и историческомъ значеніи народныхъ пѣсенъ. Имѣя въ виду не разные народы, а только какой нибудь одинъ, и будучи самъ наблюдателемъ, знатокомъ быта и обычаевъ этого народа, онъ не позволилъ бы себѣ такой отрывочности, какъ очевиднаго слѣдствія недостатка основныхъ и вѣрныхъ данныхъ. Можно болѣе пожалѣть о томъ, что, при всей отрывочности замѣчаній, есть у него кое что не вполнѣ невѣрное.

Такимъ показалось намъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Время, когда слагались пѣсни, тѣ пѣсни которыя мы теперь тщательно собираемъ и которыхъ сами неумѣемъ сложить, это время ушло отъ насъ далеко, такъ далеко, что мы даже неумѣемъ представить себѣ, какъ это такъ слагались эти пѣсни, какъ это такъ выходило изъ народа это удивительное слово, гдѣ не лжетъ ни одинъ звукъ». Сказавши это вообще, г. Бергъ имѣлъ въ виду между прочимъ пѣсни Славянъ; о нихъ говоритъ онъ: «Теперь остался, кажется, только одинъ народъ, который умѣетъ пѣть пѣсни по прежнему, и какой народъ! почти незнающій грамотѣ; но и у него эта грамота уже начинаетъ вытѣснять пѣсню». Подставя общее подъ частное, мы въ правѣ заключить, что г. Бергъ остается при увѣренности будто «время когда слагались пѣсни Славянъ, (пусть даже и не всѣ)... ушло отъ насъ далеко, такъ далеко, что мы даже не умѣемъ представить себѣ, какъ это такъ слагались эти пѣсни» и пр. Въ какой степени это невѣрно, ясно всякому изъ самаго языка пѣсень. Языкъ каждаго народа измѣняется, хотя и медленно, и мы уже знаемъ, какъ измѣнился языкъ Славянъ въ продолженіе послѣдней тысячи лѣтъ: есть между прочимъ и народныя пѣсни, въ спискахъ X—XIII вѣка, подтверждающія наглядно степень отклоненія современнаго народнаго языка отъ языка, которымъ говорили за 900 и за 500 лѣтъ.

Что же намъ скажетъ наше историческое знаніе языка въ приложеніи къ языку нынѣшнихъ народныхъ пѣсень? Только то, что языкъ пѣсень у всѣхъ Славянъ есть ихъ обыкновенный, современный языкъ, что тѣ остатки старины языка, которыя замѣчаемъ въ пѣсняхъ не принадлежатъ исключительно языку пѣсень. Изъ этого, конечно, еще нельзя выводить, что всѣ нынѣшнія пѣсни Славянъ безъ всякаго исключенія, первоначально составлены уже во время, когда языкъ народа былъ въ современномъ его положеніи: пѣсня, сложенная можетъ быть, даже въ древности, могла мало по малo измѣняться въ отношеніи къ языку. Но если допустить видоизмѣненія языка пѣсни, то почему не допустить, что въ такой же мѣрѣ видоизмѣнялось и ея содержаніе разными опущеніями и вставками? А допустивши это, мы не можемъ глядѣть ни на одну пѣсню изъ числа тѣхъ, которыя сохраняются нынѣ памятью народной, какъ на памятникъ древности или даже и старины, ни въ чемъ неизмѣненный временемъ. Съ другой стороны, не рѣдко самая сущность содержанія пѣсни удостовѣряетъ, не ранѣе какого времени сложена пѣсня: пѣсни объ ускокахъ не ранѣе 1500 годовъ; пѣсни о Богданѣ Хмѣльницкомъ не ранѣе 1654 года; пѣсни о кончинѣ Петра Великаго не ранѣе 1725; пѣсни Словаковъ и Хорутанъ о Лаудонѣ не ранѣе 1788 года: пѣсни о Георгіи Черномъ и гайдукѣ Велькѣ не ранѣе 1804 года, и т. д. Но, говоря *не ранѣе* само собою подразумѣвается *позже*, а на сколько позже, это опять остается совершенно въ тѣни; можетъ быть, очень недавно. Тѣни тутъ сбрасываются только знаніемъ того, въ какой мѣрѣ распространена та или другая пѣсня въ народѣ. Но и это знаніе не совсѣмъ вѣрный проводникъ къ узнанію истины о времени сложенія пѣсни. Между Черногорцами очень распространены пѣсни, сложенныя покойнымъ епископомъ Петромъ Петровичемъ II, нашимъ современникомъ; у Чеховъународовалась въ разныхъ краяхъ пѣсня «Naš tatíček nebožtíček» едва охлаждав-

наго поэта Челяковскаго. Вѣрнѣе могутъ руководить въ опредѣленіи времени сложенія пѣсни кое какія мелочи ея содержанія, намеки на что нибудь современное этому времени; но и тутъ возможны ошибки — какъ отъ того, что вставку послѣдующаго времени можно принять за первоначальную принадлежность и по этой вставкѣ не правильно отнести пѣсню къ времени болѣе позднему, такъ и напротивъ отъ того, что по какимъ нибудь напоминаніямъ, относящимся очень опредѣленно къ какой нибудь давно минувшей эпохѣ, будемъ заключать что пѣсни сложены въ то время, когда эти напоминанія были еще живы, тогда какъ они изобличаютъ не свѣжесть преданія, а простое вліяніе книжныхъ знаній. Напрасно отвергать это вліяніе даже на народъ безграмотный. Чтобы убѣдиться въ этомъ довольно вспомнить о религіозныхъ пѣсняхъ самыхъ неграмотныхъ изъ Славянскихъ народовъ: на всѣхъ ихъ, какъ на нашихъ «стихахъ» и въ содержаніи и въ изложеніи, и въ самомъ языкѣ видны отпечатки этого вліянія. Но это вліяніе неограничивается только въ кругѣ пѣсень религіозныхъ. Чтобы привести какой нибудь примѣръ вліянія книжнаго внѣ религіи, вспомню о Черногорцахъ, переселившихся въ Истрію. Принадлежа къ той отрасли Славянъ, которая болѣе всѣхъ другихъ народовъ Европы поражаетъ жизненностью своей народной эпопеи, и сохраняя съ любовью къ эпопеѣ преданность православію, ониународовали себѣ нѣкоторыя изъ историческихъ пѣсень Качича, составленныхъ имъ для его Razgovora ugodnoga, книги не только въ своемъ родѣ ученой, но и римско-католической: безграмотный проводникъ мой ведшій меня черезъ Истрію изъ Полы въ Рѣку (Fiume), продиктовалъ мнѣ три такія пѣсни вмѣстѣ съ пѣснями чисто народными почти буквально такъ, какъ онѣ напечатаны, и даже не подозрѣвая, что онѣ произведенія римско-католическаго книжества. — Есть данныя и о томъ, «какъ это такъ слагались пѣсни», какъ онѣ слагаются.

Сербскіе пастухи Баната, Валахи Моравскіе, угольщики Чичскіе возвращаются осенью отъ своихъ уединенныхъ работъ изъ степей и лѣсовъ въ деревни съ новыми пѣснями, и молодежь, ждавшая этихъ пѣсень, такъ же быстро выучиваетъ ихъ, какъ и оставляетъ старыя. Такъ и у Бретонцевъ пѣсни сочиняютъ лица извѣстныя изъ мельниковъ, портныхъ, ветошниковъ, нищихъ и такъ называемыхъ бардовъ (barz. Barzaz breiz. I. стр. XXXII. Парижъ. изд. 1836 г.) Нѣтъ сомнѣнія что нѣкоторыя изъ такъ называнныхъ Древнихъ Русскихъ стихотвореній» сложены Киршею Даниловымъ; молва приписывала ему и весь сборникъ. Черногорскій владыка сложилъ множество пѣсень эпическихъ о событіяхъ своего времени, и ему стоило только передать ихъ кому нибудь изъ своихъ перянковъ, чтобы онѣ черезъ мѣсяцъ обратились въ достояніе народное. Капитаны клефтовъ заказывали пѣсни слѣпому Яну, жившему въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Өессаліи близь горы Оссы. Ненапрасно и Качичь въ своемъ Razgovoru ugodnom своимъ историческимъ пѣснямъ старался придать характеръ пѣсень народныхъ: нѣкоторыя изъ нихъ, а можетъ быть и не нѣкоторыя, проникли въ народъ. Сочинить пѣсню народную человѣку ненародному если не невозможно, то по крайней мѣрѣ очень трудно (не говоря о дурныхъ, которыя поддѣлать можетъ всякій, кто только захочетъ тратить на это время), а и того труднѣе пустить ее въ народъ, заставить народъ полюбить ее,ународовать. Тѣмъ не менѣе справедливо, что и пѣсни народныя слагались и слагаются лицами, и въ народѣ только улаживаются и переглаживаются. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что личность слагателей народныхъ пѣсень должна имѣть какое нибудь значеніе, подобное личности писателя. Пѣсня только потому и народна, что единственная личность, въ ней рисующаяся, есть самъ народъ, его поэтическое настроеніе, его стихотворные обычаи и т. п. Все то, въ чемъ народъ узнаётъ себя, считаетъ онъ своимъ; какъ и все то, въ чемъ

не узнаётъ себя, отстраняетъ онъ отъ себя какъ чужое. Нововведенія, въ строгомъ смыслѣ, невозможны въ народной поэзіи въ такой степени, какъ и въ быту народа; а безъ нововведеній, при строгомъ стѣсненіи личности въ предѣлахъ, не допускающихъ въ себя ни на сколько ея характера, ея особенности, что значитъ личность? Все равно, кѣмъ бы ни была сложена пѣсня, лишь бы она понравилась народу и привилась въ немъ, какъ его достояніе. Повторяемъ: какъ его достояніе. Въ народѣ могутъ стать извѣстными и пѣсни вовсе не народныя, аріи, романсы, баллады, октавы писателей, даже вовсе нежелавшихъ сельской славы; но эта ихъ народная извѣстность еще не превращаетъ ихъ въ народныя пѣсни, хотя бы даже въ народѣ и вовсе уже не было пѣсенъ чисто народныхъ. Кто не знаетъ до какой степени искуственныя пѣсни писателей, и хорошихъ, и худыхъ, проникли въ память народную въ нѣкоторыхъ краяхъ Германіи, Франціи, Италіи, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое настроеніе самого народа истощало и обезплодилось? И кто же однако назоветъ народными поэтами Уланда, Скриба, авторовъ романсовъ изъ роду «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», авторовъ либретто для оперъ Беллини, Доницетти и т. д.? И потому ли что у каждаго, знакомаго съ литературой одного, нѣсколькихъ или многихъ народовъ, есть своя доля умѣнья отличать прихоти литературнаго вкуса писателей, или потому что въ каждомъ человѣкѣ, знакомомъ съ народностью и съ народной поэзіей какого бы то ни было народа, есть чутье, помощью котораго ему становится понятнымъ почему, не народно то, что въ самомъ дѣлѣ ненародно; только умному наблюдателю не слишкомъ много надо навыка, чтобы отстранить отъ себя ошибки незнанія отличій произведеній писателей отъ произведеній поэзіи народной. Перечитывая книгу г. Берга, сравнительно съ тѣми источниками, изъ которыхъ онъ выбиралъ для себя вклады, нельзя не признаться, что онъ мастеръ въ дѣлѣ отличенія пѣсни народной отъ ненарод-

ной, что, за немногими исключеніями *), онъ умѣлъ дать въ своемъ собраніи мѣсто тому, что подлинно народно, или могло быть усвоено народомъ, какъ его достояніе. Въ этомъ отношеніи можно упрекнуть г. Берга не столько въ недостаткѣ умѣнья, сколько въ нѣкоторой непослѣдовательности при подборѣ пѣсенъ у разныхъ народовъ.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду особенно то, что въ его книгѣ хотя и есть рядомъ съ пѣснями, донынѣ сохраняющимися въ памяти народной, пѣсни несохраняемыя, пѣсни прежнихъ вѣковъ, открытыя въ древнихъ и старинныхъ рукописяхъ, но не всюду, гдѣ должно ожидать. Конечно, нѣтъ никакой возможности отобрать образцы народной поэзіи каждаго народа одинаково и изъ его пѣсенъ современныхъ, и изъ пѣсенъ прежнихъ вѣковъ; но все таки, должно, на сколько возможно, слѣдить за образцами того и другаго рода, должно по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это можетъ помочь разумѣнію судебъ народной поэзіи въ отношеніи къ народамъ, исторически важнымъ. Поймемъ ли напр. народную поэзію Нѣмцевъ, если, ограничась выборомъ пѣсенъ изъ сборника Эрлаха или Фирмениха, не вспомнимъ о тѣхъ остаткахъ давно прошедшихъ вѣковъ, которые даютъ Нѣмцамъ право ставить свой древній народный эпосъ въ ряду лучшихъ Европейскихъ сокровищъ народной поэзіи и хвалиться имъ такъ же, какъ хвалятся Испанцы своими романсами о Сидѣ, Бретонцы своими преданьями объ Артурѣ, Исландцы своими сагами? Поймемъ ли народную поэзію Чеховъ, если, съ трудомъ отыскавъ нѣсколько хорошихъ пѣсенекъ въ новыхъ сборникахъ, не вспомнимъ ничего изъ сборниковъ древнихъ, гдѣ случайно сохранились такіе образцы, которыми не можетъ не дорожить знатокъ народной поэзіи? И почему же послѣ этого, не найдя ничего особенно достойнаго изъ нынѣшнихъ чисто народныхъ пѣсень Датскихъ и Испанскихъ, дадимъ мѣ-

*) Такъ напр. Санскритская пѣсня очевидно ненародная.

сто древнимъ пѣснямъ Испанскимъ (Бергъ. 377) и Датскимъ (Бергъ. 445)? Какъ послѣ этого не оставаться въ тѣни отвѣту не только на вопросъ, отъ какихъ причинъ зависитъ народная поэзія въ своихъ судьбахъ, но даже и на вопросъ чисто фактическій: бываютъ ли какія видоизмѣненія въ поэтическомъ настроеніи народа, или же къ народамъ какъ и къ людямъ примѣняется замѣчаніе: «Кто не поэтъ, тотъ никогда не былъ имъ и никогда не будетъ, и кто разъ выразилъ свою душу словомъ такъ или иначе, тотъ и выражалъ и выразитъ ее всегда точно такъ же, или по крайней мѣрѣ безъ рѣзко удаляющихся направленій»? А между тѣмъ наблюденія доказываютъ, что если это замѣчаніе не вѣрно въ отношеніи къ лицамъ, то еще болѣе не вѣрно въ отношеніи къ народамъ, что народы, повидимому, самые бѣдные сочувствіемъ къ поэзіи, или только кажутся бѣдными, скрывая отъ самихъ себя свое достояніе, или обѣднѣли, лишась вольно или невольно и своихъ богатствъ, и рудниковъ, изъ которыхъ ихъ почерпали. Изъ народовъ Европейскихъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, Финны кажутся всѣхъ богаче пѣснями миѳическаго содержанія, Сербы и Ирландцы — пѣснями эпическими, Скандинавы и Бретонцы — пѣснями балладическими, Словаки — пѣснями обрядными, Малоруссы и Литовцы — пѣснями женскими, Поляки и Хорутанскіе Словенцы — пѣснями плясовыми, Чехи и Албанцы — нескромно-шутливыми, Нѣмцы и Французы — пѣснями перешедшими въ память народа изъ книгъ. Итальянцы, Албанцы, Баски пѣснями гораздо бѣднѣе чѣмъ Нѣмцы и Французы. Всегда ли такъ и было? Отвѣтъ отрицательный легко подтвердить множествомъ памятниковъ. Но вмѣстѣ съ вопросомъ: «всегда ли такъ и было» необходимъ и еще вопросъ: такъ ли оно дѣйствительно и теперь? Легко сдѣлать выводы поспѣшные, не слишкомъ разборчивые въ отношеніи къ правиламъ осмотрительности, и такіе выводы, если они бываютъ плодомъ размышленія людей умныхъ, могутъ быть даже и полезны — тѣмъ, что возбужда-

ютъ вниманіе къ дѣлу, а слѣдовательно и взыскательность; но ими одними неизмѣнно довольствоваться нельзя на долго. Открытія идутъ своей чередой. Давно ли твердили, что у Поляковъ нѣтъ народныхъ пѣсенъ? теперь сказать можно развѣ то, что ни у одного изъ Славянскихъ народовъ нѣтъ пѣсенъ столько изящныхъ по простодушію, по беззаботной веселости. Давно ли о Русскихъ говорили, что ихъ народная эпопея умерла безвозвратно? оказалось, что отъ отдаленнаго, полу-миѳическаго времени, къ которому относили ея процвѣтаніе, не осталось ровно ничего; а теперь она еще жива, и вѣроятно даже богата такими произведеніями, которыя заставятъ ставить ее высоко. Давно ли восхищались богатствами Греческой народной поэзіи? новые поиски въ народѣ, сравненные съ тѣмъ, что найдено у другихъ народовъ, привели къ убѣжденію, что Форіели и Гнѣдичи были правы только для своего времени. Еще болѣе отъ открытій измѣняются понятія о состояніи поэзіи у народовъ въ прежніе вѣка. Давно ли о древнемъ народномъ эпосѣ Французскомъ не было и слова? чудная пѣснь о Роландѣ заставила вѣрить, что книжная наука только исказила ея красоту, какъ исказила и эпосъ Англо-Саксовъ, Кимвровъ Валлиса, Исландцевъ. Давно ли покровъ предубѣжденія спалъ съ пѣсенъ, выданныхъ Макферсономъ за неподдѣльно Оссіановскія, и безъ помощи всякихъ поддѣлокъ научились цѣнить остатки древней Ирландской эпопеи? Давно ли было время, когда еще не умѣли отдѣлять чисто народное и древнее въ пѣснопѣніяхъ бардовъ VI — VII вѣка и скальдовъ X—XI отъ того, что придано въ нихъ вѣками послѣдовавшими и одушевленіемъ вовсе не народнымъ? Открытія, ни чѣмъ не останавливаемыя, измѣнили постепенно и продолжаютъ измѣнять взглядъ на народную поэзію тѣхъ и другихъ народовъ отдѣльно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще, какъ на важную принадлежность жизни народа, на столько же естественную для каждаго народа, на сколько естественны для каждаго человѣка даръ

слова, самосознаніе, здоровье, сонъ, хоть и есть люди глухонѣмые, сумасшедшіе, больные, страждущіе безсонницей.

Эти открытія привели, между прочимъ, къ вопросамъ о томъ, какимъ естественнымъ условіямъ народная поэзія подвергается въ своихъ видоизмѣненіяхъ; навели они и на мысль о томъ, всегда ли постоянно оставались иные народы въ предѣлахъ лирики, другіе въ предѣлахъ эпоса, и если это было, то было ли случайно, или въ слѣдствіе естественныхъ требованій характера народнаго? Въ этомъ отношеніи есть въ предисловіи г. Берга замѣчанія, очень важныя, какъ замѣчанія опытнаго наблюдателя. «Чтобы сдѣлать выборъ (пѣсень) я долженъ былъ — говоритъ онъ — прочитывать сборники бóльшею частію отъ доски до доски, или руководствоваться указаніемъ другаго, знающаго. Сначала во время перечитыванія, мнѣ казалось, что все это одно и тоже, — пѣсня, такъ пѣсня и есть, — слышались одни и тѣже пріемы. Но потомъ эти голоса народовъ стали собираться для меня въ отдѣльныя группы, и зажили каждая особо, какъ народы, создавшіе ихъ. И тутъ я почувствовалъ въ однихъ большую наклонность къ лиризму, какую то лирическую волну, царство звука, а въ другихъ наклонность къ разсказу, степенность и тишину. Первыя были болѣе пѣсни, а вторыя уже переходили къ стихотвореніямъ, отзывались созданіемъ отдѣльнаго лица. Если случалось, что народъ, расположенный къ эпической поэзіи, запѣвалъ лирическую пѣсню, въ ней проглядывало что то эпическое; все укладывалось рапсодически, правильно; и обратно, когда лирическій народъ запѣвалъ эпическую пѣсню, чувствовался лирическій размахъ, такъ все и просилось разлиться звуками. Такимъ образомъ, естественно, пѣсни, собранныя мною, раздѣлились на двѣ части: къ первой отошли лирическія, которыя я и ставлю на первомъ мѣстѣ, потому что это то и есть собственно пѣсни; ко второй эпическія.» Г. Бергъ признавая это дѣленіе, замѣтилъ правда, возможность исключеній, «хотя и не многихъ»,

тѣмъ не менѣе сообразно съ своимъ основнымъ взглядомъ и личнымъ убѣжденіемъ онъ отнесъ въ книгѣ своей къ первому отдѣлу пѣсни Малорусскія, Литовскія, Лужицкія, Чешскія, Словацкія, Моравскія, Польскія, Мадьярскія, Финскія, Греческія, Албанскія, — ко второму Сербскія, Болгарскія, Испанскія, Шведскія, Норвежскія, Датскія, Бретонскія, Французскія. Нельзя не уважить этого мнѣнія, какъ вывода наблюденій добросовѣстнаго и умнаго наблюдателя надъ всѣмъ тѣмъ обширнымъ подборомъ данныхъ, которые были у него подъ рукою; но, вѣроятно, и самъ онъ, изъ любви къ истинѣ, не скажетъ, что другаго мнѣнія, другаго вывода, столько же добросовѣстнаго, быть не можетъ; онъ скажетъ, вѣроятно, напротивъ, что каждый изъ рѣшительныхъ выводовъ въ этомъ дѣлѣ можетъ оказаться хоть отчасти невѣрнымъ. Совершенно вѣрный выводъ возможенъ тогда, когда уже есть достаточное число данныхъ, когда уже становится некстати сомнѣніе въ отношеніи къ ихъ отсутствію, когда уже не для чего ожидать открытій; но данныя о народной поэзіи еще не въ такомъ удовлетворительномъ положеніи. Самые отличные изъ ея знатоковъ все еще жалуются на бѣдность запасовъ, имъ доступныхъ: такъ не разъ пожаловался на это и самъ г. Бергъ (стр. VI—VII, XXIX). По этому вопросъ, «дѣйствительно ли одни изъ народовъ, по своей народной поэзіи, суть народы лирическіе, а другіе — эпическіе», можно считать еще нерѣшеннымъ, и не отвергаетъ другаго еще болѣе положительнаго: «Не каждому ли народу, по крайней мѣрѣ первоначально, одинаково естественно одушевленіе и лирическое и эпическое? Для рѣшенія этихъ обоихъ вопросовъ есть пока слѣдующія данныя:

1. Нѣтъ на виду ни одного народа, не совершенно утратившаго свою народность, у котораго бы не было пѣсень лирическихъ, каково бы впрочемъ ни было ихъ художе-

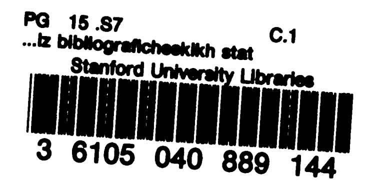
ственное достоинство: «вовсе безъ пѣсни обойтись народу нельзя» — какъ замѣчаетъ самъ г. Бергъ.

2. Не найдено еще ни у одного народа, богатаго эпическими народными пѣснопѣніями, и въ тоже время бѣднаго лирическими. Есть напротивъ народы, въ которыхъ оба рода одинаково развиты: превосходный сборникъ Сербскихъ пѣсень Вука Караджича ясно доказываетъ, что Сербская народная поэзія, столь обильная сокровищами эпоса, не менѣе обильна и превосходными лирическими пѣснями.

3. Есть народы — и именно исторически болѣе извѣстные — у которыхъ давно или еще и недавно былъ свой народный эпосъ, широко развитый, и потомъ недавно или ужѐ давно угасшій; таковы Нѣмцы, Англо-Саксы, Словаки, Чехи, Испанцы. Есть другіе народы, у которыхъ онъ гаснетъ: таковы Бретонцы, Хорваты, Малорусы. Нѣтъ ни одного, о которомъ рѣшительно можно сказать, что у него народнаго эпоса никогда не было и никогда не будетъ.

Чтоже выводится изъ всего этого? Только то, что народъ, переживая свою судьбу, можетъ утрачивать свое эпическое настроеніе, и сохранять до времени одно лирическое. Должно ли непремѣнно ранѣе или позже утрачиваться въ народѣ эпическое настроеніе поэзіи? Вѣроятно. Разъ начавшее гаснуть, не погаснетъ ли оно навсегда безъ возврата? Вѣроятно. «Всегда движеніе цивилизаціи уничтожало пѣсню(Бергъ. стр.VI): этого ни о чемъ нельзя сказать съ такою достовѣрностью, какъ о пѣснѣ эпической, понимая впрочемъ подъ цивилизаціей только отпаденіе народа по слоямъ, начиная съ высшаго, отъ внѣдрившихся въ немъ привычекъ быта и нрава, но отнюдь не связь тѣхъ средствъ просвѣщенія, которыя, не раздѣляя народа на слои въ отношеніи къ быту и нраву, ничего не отнимаютъ отъ народа, а только развиваютъ въ немъ его духовныя силы. Такъ христіан-

ство, сколько ни содѣйствовало развитію духовныхъ силъ народовъ, не ослабляло въ нихъ само по себѣ ни народности, ни народной поэзіи. Пѣсни объ Артурѣ, о Карлѣ Великомъ, о красномъ солнцѣ Владимірѣ суть произведенія народной эпопеи народовъ христіанскихъ.


PG 15 .S7
...Iz bibliograficheskikh stat
C.1
Stanford University Libraries
3 6105 040 889 144

DATE DUE			